Нб 417647

ПУШКИНЪ.

417647

Инв. 6760
5720
Библиотека Педагогическаго Института Самар. Губ. Земства
891.71(р)03
П 91
Книги изъ собранія П. К. Симони.
417647

ПУШКИНЪ

и

ЕГО СОВРЕМЕННИКИ.

Матеріалы и изслѣдованія.

Выпускъ III.

Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Куйбышевская областная библиотека

С.-Петербургъ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1905.

891.71(р)092

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Опыты окончанія «Русалки». Ѳ. Е. Корша..... 1— 22.
А. С. Пушкинъ въ Казани. Е. А. Боброва..... 23— 67.
Пушкинъ и Рылѣевъ. В. В. Сиповскаго..... 68— 88.
Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей. В. Е. Рудакова..... 89— 91.
Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.). Б. Л. Модзалевскаго..... 92— 95.
«Пушкинскія» замѣтки. А. И. Маркевича..... 96—106.
О словаряхъ: языка Пушкина и Пушкинскихъ рифмъ ... 107—108.
Планъ словаря языка А. С. Пушкина. А. И. Соболевскаго 109—110.
Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ рифмъ. Ѳ. Е. Корша..... 111—134.
Указатель..... 135—138.

Опыты окончанія „Русалки“.

Появленіе конца „Русалки“ по записи покойнаго Дмитрія Павловича Зуева вызвало въ свое время цѣлую литературу: большинство критиковъ признало эту запись поддѣлкой, меньшинство высказалось за ея подлинность, не скрывая впрочемъ сомнѣній въ правдоподобіи обстановки и условій, при которыхъ Д. П. Зуевъ познакомился съ этимъ окончаніемъ и записалъ его, а также въ точности передачи нѣкоторыхъ мѣстъ Пушкинскаго текста, если онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ. Памятниками этой литературы остались, помимо нѣсколькихъ газетныхъ статей, мой „Разборъ вопроса о подлинности окончанія „Русалки“ Пушкина по записи Д. П. Зуева“ („Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“, т. III, 1898, кн. 3, стр. 633—785, т. IV, 1899, кн. 1, стр. 1—100 и т. IV, кн. 2, стр. 476—588) и составленный какъ-бы въ отвѣтъ на это изслѣдованіе сборникъ А. С. Суворина „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ (С.-Пб. 1900), въ который вошли между прочимъ всѣ статьи самого собирателя, направленныя противъ Д. П. Зуева, его записи и меня, какъ единственнаго изъ защитниковъ подлинности этой записи, посвятившаго ей цѣлое изслѣдованіе. Въ числѣ статей А. С. Суворина объ этомъ вопросѣ есть три, которымъ нельзя отказать въ историко-литературномъ интересѣ. Въ одной изъ нихъ (изъ № 8591 „Новаго Времени“) г. Суворинъ путемъ

филологической критики (на которую въ моемъ лицѣ онъ тутъ-же ополчается) убѣдительно доказываетъ поддѣльность извѣстнаго стихотворнаго переложенія молитвы Господней, приписаннаго не задолго до того Пушкину профессоромъ Н. Ѳ. Сумцовымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ“ (Харьковъ. 1900, стр. 153 — 155), впрочемъ не имъ первымъ. Критику г. Суворина на это стихотвореніе можно дополнить указаніемъ на два недостатка: 1) изъ первой строфы можно заключить, что авторъ, человѣкъ несомнѣнно взрослый, не слыхалъ этой молитвы до того времени, къ которому относится описанная обстановка, и 2) повтореніе слова „Твое“ вмѣсто риѳмы[1]). Первый изъ этихъ недостатковъ замѣченъ г. Рождественскимъ (Пушкинъ, Черты внутренняго облика, стр. 24 — 26; оттискъ изъ журн. „Вѣра и Церковь“ 1899 г., № 5), который пытался устранить его предположеніемъ, что это отрывокъ изъ поэмы, напр. „Галуба“; но ни по языку, ни по стиху не можетъ быть и рѣчи о принадлежности этой стихотворной молитвы Пушкину: стóитъ только сравнить ее съ безспорнымъ „Отцы пустынники и жены непорочны“. Къ тому-же называютъ еще и другого автора.

Другія двѣ изъ упомянутыхъ статей г. Суворина (изъ №№ 8607 и 8615 „Новаго Времени“ въ сборникѣ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“ стр. 261 — 284) важны не выводами, а указаніемъ на двѣ забытыя попытки окончанія „Русалки“, написанныя Крутогоровымъ (Штукенбергомъ) и И. О. П. (Е. А. Богдановой). Г. Суворинъ вывелъ ихъ изъ забвенія потому, что предположилъ въ нихъ источники, которыми пользовался Д. П. Зуевъ для своей пресловутой „поддѣлки“. Штукенберга въ то время уже

---

[1]) Отецъ людей, Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ царствіе Твое!

БИБЛІО...
ПЕДАГОГ...ЧЕСКАГО
Самар. Губ. ...

не было въ живыхъ, а г-жа Богданова немедленно отозвалась въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ энергическимъ, но бездоказательнымъ выраженіемъ полнаго согласія съ мыслью г. Суворина, раскрывъ при этомъ свой псевдонимъ. Насколько правы г. Суворинъ и г-жа Богданова, выяснится изъ разсмотрѣнія обоихъ продолженій сравнительно съ продолженіемъ, извѣстнымъ изъ записи Д. П. Зуева.

Какъ у него, такъ и у Штукенберга и у г-жи Богдановой [1]) продолженіе драмы открывается давно извѣстнымъ Пушкинскимъ началомъ 6-ой сцены.

„Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ —
Откуда ты, прелестное дитя?“,

за чѣмъ слѣдуетъ, конечно, отвѣтъ Русалочки, у каждаго автора уже свой. Зуевская запись рѣзко отличается отъ нихъ тѣмъ, что самыя слова Пушкина находятся въ ней лишь съ 10-го стиха, и при томъ съ варіантами, изъ которыхъ замѣчателенъ „Прошедшаго печальныя мечты“ вмѣсто „Печальныя, печальныя мечты“. Въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 745 — 746) я показалъ, что общеизвѣстные начальные 15 стиховъ этой сцены содержатъ въ себѣ цѣлыхъ два введенія: одно — ст. 1 — 9 (изъ которыхъ первые два есть и въ 4-ой сценѣ):

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной, красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.

---

[1]) „Осенніе листы. Собраніе стихотвореній Антонія Крутогорова. Санктпетербургъ. 1866“, стр. 167 — 228. И этотъ сборникъ, и книжку г-жи Богдановой „Продолженіе и окончаніе драмы Пушкина Русалка (Сцены: шестая, седьмая, восьмая, девятая, десятая, одинадцатая, сочиненіе И. О. П.“, М. 1877) желающіе могутъ найти въ библіотекахъ Публичной и Академической.

Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ! . . . и я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!...,

другое — ст. 10 — 15:

Печальныя, печальныя мечты
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу,
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...,

и Пушкинъ при окончательной обработкѣ, вѣроятно, устранилъ-бы одно изъ нихъ, именно первое, что̀ можно заключить уже изъ того, что непосредственно за выписанною частью 15-аго стиха слѣдуетъ сценическая замѣтка „Русалочка выходитъ на берегъ“ и слова князя, начало которыхъ составляетъ окончаніе того-же 15-аго стиха:

Что я вижу!
Откуда ты, прелестное дитя?

Въ Зуевской рукописи такъ и есть: она начинается прямо съ 10-аго стиха. Что-же это? удачная мысль поддѣльщика или нѣчто иное? Этотъ вопросъ оставимъ пока безъ отвѣта и возвратимся къ разсмотрѣнію обоихъ „источниковъ“ спорной записи.

Продолженіе Штукенберга написано въ діалогическихъ частяхъ, какъ Пушкинское начало, пятистопными ямбами, изрѣдка съ примѣсью шестистопныхъ и четырехстопныхъ, тоже какъ у Пушкина (напр., ст. 6 этой сцены — четырехстопный), но не сплошь четырехстопными, какъ почему-то показалось г. Суворину, а въ лирическихъ (пѣсняхъ русалокъ) — четырехстопными амфибрахіями (стр. 177 и 199, кромѣ случайнаго анапеста:

И несемъ, и онъ тихъ какъ ягненокъ

стр. 177) или двухстопными съ риѳмой черезъ стихъ (стр. 203, да еще съ нарушеніемъ предѣла двухъ сосѣднихъ стиховъ

И выплыветъ къ берегу
Нѣмъ, недвижимъ

стр. 204), т. е. въ формахъ, изъ которыхъ первая не встрѣчается у Пушкина въ „Русалкѣ“, а вторая — нигдѣ. Но и діалогическій размѣръ построенъ у Штукенберга не вездѣ по-Пушкински: нерѣдки у него окончанія стиха безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, напр.

И я росла въ подводномъ теремѣ

(стр. 169, такъ-же 174, 175, 181, 185, 204 и др.). Что касается метрической формы у г-жи Богдановой, то г. Суворинъ замѣчаетъ о ней лишь то, что авторъ „плохо владѣлъ стихосложеніемъ“; но онъ ея не понялъ, потому что принималъ за стихъ все то, что̀ напечатано въ одну строчку, и даже послѣ того, какъ г. Гр. Немировъ указалъ ему его ошибку исключительно на основаніи его-же выписокъ, онъ все-таки не разобралъ, въ чемъ тутъ сила, и призналъ искаженными всѣ тѣ мѣста, гдѣ не выходятъ пятистопные или шестистопные ямбическіе стихи, т. е. чуть не половину всего текста („Новое Время“ № 8615 и сборникъ „Поддѣлка Русалки Пушкина,“ стр. 262 и 276—280). Странно, что г-жа Богданова, откликнувшись такъ сочувственно на причисленіе ея драматическаго опыта къ источникамъ Зуевской записи, не объяснила г. Суворину строя своихъ стиховъ и не указала виновника ихъ неправильнаго дѣленія въ печати. А выбрала она для діалога форму оригинальную, болѣе свойственную оперному либретто, чѣмъ обыкновенной, немузыкальной драмѣ: по надлежащемъ раздѣленіи всѣ стихи у нея оказываются ямбическими, но разной длины — отъ одной стопы до шести, даже до семи, напр.

О нѣтъ, дитя: ты вѣрно заблудилась.
Смотри:
Кругомъ все дико, нѣтъ жилья людского,
А ночью до-дому одна
Ты не дойдешь. Пойдемъ со мной

(стр. 4). При такомъ, можно сказать, речитативномъ складѣ, разумѣется, невозможна „реставрація“ г. Суворина:

И настежь растворилась дверь. Иду,
Иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный

вмѣсто музыкально-правильнаго:

И настежь растворилась дверь.
Иду, иду къ тебѣ, пріютъ гостепріимный

(стр. 24). Отклоненія отъ ямбическаго строя попадаются мѣстахъ въ осьми (стр. 4, 12 — 13, 17, 18 — 19, 22 — 23, 32, 33, 39), большею частію при смѣнѣ говорящихъ, какъ и въ Зуевской записи два раза; другіе примѣры, какъ и вообще стихотворныя погрѣшности въ родѣ „чтобъ“ вмѣсто „чтобы“ (стр. 35), позволительно отнести на счетъ издателя, редактора или корректора, введшаго г. Суворина въ заблужденіе неправильнымъ раздѣленіемъ стиховъ. Какъ-бы то ни было, такой формы, скорѣе оперной, чѣмъ литературной, у Пушкина нѣтъ, также нѣкоторыхъ лирическихъ размѣровъ, употребленныхъ г-жей Богдановой. Такъ обстоитъ дѣло съ метрической стороны въ „источникахъ“ Д. П. Зуева, но совсѣмъ иначе въ его собственномъ текстѣ: здѣсь въ діалогѣ вездѣ пятистопный ямбъ Пушкинской структуры, кромѣ двухъ мѣстъ, подозрительныхъ и по другимъ причинамъ (см. „Извѣстія отд. р. я. и сл.“, т. IV, кн. 1, стр. 46 — 49 и кн. 2, стр. 522 — 524), а въ пѣсняхъ — Пушкинскія двухстопные амфибрахіи и четырехстопные трохеи съ риѳмой во всѣхъ стихахъ.

Языкъ и стилистика обоихъ „источниковъ“ даже не напоминаютъ Пушкина, напр. у Штукенберга стр. 169:

И мать ужель *совсѣмъ* въ Днѣпрѣ живетъ?,

тамъ-же:

Ахъ подлинно я *виноватъ преступный!*,

стр. 173:

Сойди къ водѣ, а я подружекъ *скликну*,

стр. 184:

И, *скликнувъ* рыбаковъ, протащимъ неводъ,

тамъ-же:

Оставь меня одну, пока не *скличу*,

стр. 175:

Все, все, что было дорогова *тутъ*,
Черезъ тебя *лишилась*,

стр. 188:

Исполнилось *что надо* наконецъ!,

стр. 201:

бывало
Поволочиться ты *горазд*ъ любилъ[1]),

стр. 215:

Дивья — коль запретилъ,

и кромѣ того странная перетасовка словъ, какъ стр. 17:

Да не чужой какой *ли* подвернулся?,

стр. 182:

Ты по слѣду дошелъ *куда-жъ*?,

стр. 191:

Но сердце, что тобою только жило,
Тебя *что* безъ оглядки полюбило,

стр. 199:

Въ неволѣ я у этихъ лже-существъ,
Дѣтей *которыми* пугаютъ няньки,

---

[1]) По-малорусски „ти сам гаразд був охочий“.

гдѣ авторъ, издатель или наборщикъ, запутавшись въ конструкціи, поставилъ передъ „которыми“ запятую. У г-жи Богдановой языкъ въ общемъ ближе къ Пушкинскому, но насколько, трудно рѣшить сразу; вотъ, гдѣ пригодился-бы Пушкинскій глоссарій, до сихъ поръ еще не составленный. Во всякомъ случаѣ г-жа Богданова употребляетъ иногда ударенія, кажется, не встрѣчающіяся у Пушкина, напр. стр. 17:

Какъ смерть *блѣдно́* лице,

стр. 35:

Блѣдно́ твое лице и руки холодны[1])

стр. 19:

Какъ разъ отъ *не́дуга* избавилъ,

стр. 36:

О нѣтъ! То *не́дугъ* черный *му́титъ*.

Въ Зуевской записи критика указала необычныя ударенія *прода́вецъ*, *мама́* и *сказки́*; но какъ произносилъ Пушкинъ первое слово, по видимому, неизвѣстно, а послѣднія два находятся въ явно испорченныхъ или неотдѣланныхъ стихахъ. Но вообще эта запись со стороны языка (кажется, кромѣ слова *огневой*), грамматическихъ формъ, синтаксиса и просодіи не заключаетъ въ себѣ ничего противорѣчащаго Пушкинскому употребленію, въ риторикѣ же представляетъ полное сходство съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. А въ пресловутыхъ источникахъ? Въ нихъ встрѣчаются, и то изрѣдка, лишь единоначатіе и вообще повтореніе словъ: у Штукенберга „что“ въ трехъ предложеніяхъ подъ рядъ (стр. 171), „никто“ въ двухъ (стр. 184), у г-жи Богдановой „Давно, давно“ (стр. 23), быть можетъ, изъ „Каменнаго Гостя“ сц. 3:

---

*) Но *холодны́* у Пушкина есть напр. въ „Анджело“:
Всѣ средства женскаго искуства вы должны
Теперь употребить. Вы слишкомъ холодны.

Вы развлекли меня
Рѣчами свѣтскими; отъ нихъ ужъ ухо
Мое давно, давно отвыкло.

При этихъ сравненіяхъ еще рѣзче выступаетъ тотъ выводъ, къ которому привелъ меня разборъ записи Д. П. Зуева, — что или онъ былъ безпримѣрнымъ, неслыханнымъ знатокомъ Пушкинской формы (чего за нимъ никто не подозрѣвалъ), или — не онъ авторъ опороченнаго критикой окончанія „Русалки“.

А каково отношеніе этихъ будто-бы источниковъ Зуевской записи къ Пушкину съ тѣхъ сторонъ, которыя были доступны наблюденію авторовъ при посредствѣ простого, хоть, можетъ быть, и внимательнаго чтенія подлинныхъ произведеній Пушкина? У Штукенберга стр. 171:

Ты близокъ намъ? ты мой отецъ?

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 5 („Днѣпровское дно“):

Онъ намъ близокъ —
Онъ твой отецъ.

Стр. 172:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко

ср. въ „Евгеніи Онѣгинѣ“:

А счастье было такъ возможно,
Такъ близко.

Стр. 218:

Смеркается... вотъ такъ и тянетъ сила
Невѣдомая

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4 („Днѣпръ. Ночь“) и 6 („Берегъ“):

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.

У Е. А. Богдановой (дѣлю стихи по ритму) стр. 5:

Онъ продалъ мельницу свою

Бѣсамъ запечнымъ,
А деньги на храненье бросилъ въ Днѣпръ

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 4:

Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ,
А денежки отдалъ на сохраненье
Русалкѣ, вѣщей дочери моей;
Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты

и сц. 5:

Со дна рѣки собрать ему тѣ деньги,
Которыя когда-то въ воду къ намъ
Онъ побросалъ.

Стр. 6:

Ночной порой и дикій звѣрь
Изъ лѣсу можетъ набѣжать

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3 („Свѣтлица“):

въ лѣсу ночной порою
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ.

Стр. 29:

Сейчасъ, мой свѣтъ, бѣгу

ср. въ „Русалкѣ“ сц. 3:

Бѣгу, мой свѣтъ, бѣгу.

На стр. 35 — 36 княгиня и князь передъ сценой съ ожерельемъ говорятъ почти то-же, что князь и дочь мельника, оставшись наединѣ („Русалка“ сц. 1). Въ Зуевской записи позаимствованій изъ Пушкина, такъ сказать, сырьемъ нѣтъ ни одного, а есть только намеки на содержаніе первой части и какъ-бы слѣды безотчетныхъ воспоминаній объ отдѣльныхъ мѣстахъ изъ другихъ произведеній Пушкина, иногда едва уловимые, какіе часто встрѣчаются и у самого Пушкина.

Тонъ рѣчи и вообще характеръ лицъ въ пресловутыхъ

„источникахъ“не такіе, какъ въ первой части „Русалки“. У Штукенберга Русалочка говоритъ иногда совсѣмъ не по-дѣтски, напр. на стр. 175:

Ты мужчина.
У насъ молва, что вы такъ смѣлы.
Мнѣ стыдно за тебя.

Княгиню у него мѣстами трудно отличить по языку отъ мамки, старшая Русалка покрикиваетъ на младшихъ не какъ „строгая сестра“, а скорѣе какъ подвыпившій ундеръ, а съ княземъ бесѣдуетъ какъ безстыжая баба, хотя кое-гдѣ не безъ сентиментальности; да и у князя вырываются выраженія совсѣмъ не княжескія въ родѣ

О, гдѣ я? спалъ я что ли, али нѣтъ?,

гдѣ къ тому-же очень непріятно сталкиваются патетическое „О“ и простонародное „али“, умѣстное въ устахъ мельника (сц. 1):

Али ты
Отъ радости нежданой одурѣла?

У г-жи Богдановой характеры въ общемъ выдержаны, однако и здѣсь Русалочка сплошь да рядомъ вдается въ далеко не ребячій тонъ, и кроткая и безотвѣтная княгиня на стр. 30 кричитъ на охотниковъ:

Разбойники, холопы!,

а на стр. 31 отрѣзываетъ ловчему:

Ты лжешь, дуракъ!

Есть, правда, брань „Дуракъ“ и во второй сценѣ подлинной „Русалки“, но тамъ это слово произноситъ князь, крайне раздраженный тѣмъ, что конюшій не умѣлъ отыскать Русалку въ хорѣ дѣвушекъ на свадьбѣ. Такъ-ли изображены дѣйствующія лица въ Зуевскомъ продолженіи? Правда, что нѣкоторые критики находили и въ немъ подобныя несоотвѣтствія, не принимая въ расчетъ даже различія въ положеніи даннаго лица согласно

съ событіями, но весьма поучительно сравнить эти мнимыя противорѣчія съ уклоненіями отъ Пушкинскихъ характеровъ хотя-бы у Штукенберга, что̀ впрочемъ читателю легко сдѣлать самому.

По содержанію оба завѣдомо не Пушкинскихъ продолженія сходны въ томъ, что Русалка мститъ князю до конца, и что князь и княгиня погибаютъ. Но въ частностяхъ разница между этими продолженіями значительна, начиная съ того, что у г-жи Богдановой предметомъ мести является не столько князь, сколько княгиня. Впрочемъ оба мотива даны Пушкинымъ: Русалка въ 5-й сценѣ готовится къ мести, о чемъ говоритъ въ концѣ прямо слѣдующими словами:

Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ,

а въ 1-ой дочь мельника, т. е. она-же при жизни на землѣ, грозитъ разлучницѣ, разрывая подаренное ей княземъ ожерелье:

Такъ бы я
Разорвала тебя змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

У Штукенберга князь попадаетъ въ теремъ русалокъ въ самомъ началѣ, будучи завлеченъ туда дочерью, а потомъ выходитъ на сушу и въ концѣ умираетъ при видѣ Русалки въ водяномъ столпѣ, который появляется на его дворѣ, а княгиня отъ такой неожиданности также умираетъ, поручая окружающимъ благословить за нее ея маленькаго сына, мельникъ же во время этихъ ужасовъ внезапно исцѣляется отъ безумія. Заключительныя слова произноситъ мамка:

Ахти!
Что будетъ съ нимъ-то, съ круглымъ сиротою!

У г-жи Богдановой мельникъ гибнетъ за сценой, за-

стрѣленный изъ ружья княжьимъ охотникомъ во время своей борьбы съ княземъ изъ-за Русалочки, что̀ читатель узнаетъ изъ ея разсказа; князь отъ свиданія съ дочерью становится полупомѣшаннымъ, душитъ княгиню жемчужнымъ ожерельемъ, которое онъ подарилъ нѣкогда дочери мельника, а потомъ Царица русалокъ нанизала на волшебную нить, сплетенную ею изъ русалочьихъ косъ; по смерти княгини онъ, спасаясь отъ собственныхъ слугъ, бросается со скалы въ Днѣпръ. Заключительныя слова принадлежатъ слугамъ:

Князь утонулъ! спускайте лодки!
Несите сѣти и багры!

Мотивъ удушенія ожерельемъ, которое, по словамъ Царицы русалокъ на стр. 16,

Какъ лютая змѣя,
Вкругъ шейки лебединой обовьется
И кольцами своими
Ее сожметъ,

заимствованъ отчасти изъ восклицанія дочери мельника въ первой сценѣ передъ утопленіемъ:

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣей, змѣею онъ меня — [1])
Не жемчугомъ опуталъ,

отчасти изъ словъ мельника въ четвертой сценѣ въ отвѣтъ на приглашеніе князя:

Въ твой теремъ? Нѣтъ, спасибо!
Заманишь, а потомъ меня, пожалуй,
Удавишь ожерельемъ.

---

[1]) Четырехстопный ямбъ вмѣсто пятистопнаго, устроенный первыми издателями изъ такихъ обрывковъ, которые въ подлинномъ видѣ могли-бы навлечь на ихъ автора не меньшія нареканія, чѣмъ тѣ стихи Зуевской записи, гдѣ нѣкоторымъ критикамъ пригрезились *мама́* и *сказки*.

Пушкинымъ-же внушено и введеніе маленькаго сына, но только косвенно: въ третьей сценѣ княгиня говоритъ:

Когда бъ услышалъ Богъ мои молитвы
И мнѣ послалъ дѣтей, къ себѣ тогда бъ
Умѣла вновь я мужа привязать,

и нельзя сказать, чтобы такое пользованіе положеніемъ, даннымъ у Пушкина, вызывалось ходомъ драмы, какъ и возвращеніе разсудка мельнику у Штукенберга. Прямо противорѣчитъ даннымъ Пушкина промежутокъ между началомъ и концемъ дѣйствія въ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ вмѣсто осьми[1]). Впрочемъ вся дальнѣйшая фабула и ея развитіе вообще довольно слабы въ обоихъ этихъ продолженіяхъ,—очевидно, потому, что ихъ авторы лишены драматическаго дарованія, а Штукенбергъ къ тому-же совсѣмъ не поэтъ. А въ Зуевской записи? Князь тоже бросается въ Днѣпръ, а княгиня умираетъ, но то и другое само по себѣ такъ естественно, что этому совпаденію въ трехъ продолженіяхъ нельзя придавать важности при разсмотрѣніи вопроса о заимствованіяхъ. За то месть Русалки у Д. П. Зуева принимаетъ оборотъ неожиданный: прежняя дѣвушка, дочь мельника, увидѣвъ князя, ощущаетъ къ нему ту-же любовь, которая ее погубила. Это—не внутреннее противорѣчіе и не выворотъ готоваго мотива на изнанку, а творческое развитіе даннаго положенія. Мельникъ умираетъ отъ проклятія дочери, заботами которой, прямыми и при посредствѣ Русалочки, поддерживалось его существованіе. Основы этого вымысла также находятся въ первой части, но не въ готовомъ видѣ и не въ обратномъ: недружелюбное отношеніе дочери къ мельнику выразилось въ концѣ первой сцены:

---

[1]) По посмертному изданію; но въ рукописи „Прошло 8 долгихъ лѣтъ“, при чемъ 8 передѣлано изъ 7 (изд. facsimile, л. XXII); см. „Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 743.

Да, бишь, забыла я; тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго.... Въ-прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!

и въ пятой, гдѣ послѣ разсказа Русалочки о томъ, какъ она разъискивала для дѣда брошенныя имъ въ рѣку деньги, и какъ онъ обрадовался пестрымъ раковинкамъ, которыя она дала ему вмѣсто денегъ, Русалка восклицаетъ:

Безумный скряга!

Проклятіе Русалки и его дѣйствіе на мельника есть выводъ изъ этихъ данныхъ, естественный, но не такой формально-логическій, до какого было-бы нетрудно дойти всякому сколько-нибудь изобрѣтательному человѣку, а не менѣе творческій, чѣмъ пробужденіе прежней любви въ Русалкѣ, — мотивъ, доступный или автору самыхъ данныхъ или, если другому лицу, то лишь насквозь проникнутому работой его духа въ этомъ направленіи. Смерть княгини обусловлена не мелодраматическимъ ужасомъ, какъ у Штукенберга, и не чужимъ мотивомъ, полученнымъ посредствомъ обращенія метафоры подлинника въ дѣйствительность, какъ у Е. А. Богдановой, а нравственнымъ потрясеніемъ при видѣ обручальнаго кольца, возвращеннаго ей отъ имени мужа, — потрясеніемъ, тѣмъ болѣе чувствительнымъ, что, какъ видно изъ ея словъ въ началѣ послѣдней сцены, сердце ея было надорвано до явленій патологическихъ. Эта передача кольца есть coup de grâce послѣ ея долгихъ страданій, и всякій человѣкъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти долженъ признать такую развязку самой естественной и эстетической, — конечно, если онъ не хочетъ обмануть себя или

другихъ. Послѣднія слова драмы и въ этомъ продолженіи говоритъ мамка:

Умерла!

Въ сонмъ Ангеловъ прими ее, Всевышній!

Указанія для правильной оцѣнки этихъ словъ, приличныхъ будто-бы болѣе архіерею, чѣмъ мамкѣ, даны въ моемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. IV, 1899 г., кн. 2, стр. 567 — 574). Какъ-бы то ни было, уже изъ этого обзора главныхъ моментовъ конца драмы по тремъ редакціямъ всякому непредубѣжденному критику ясно, что Зуевская выше остальныхъ въ драматическомъ отношеніи, хотя, по крайней мѣрѣ, одна изъ этихъ двухъ, принадлежащая г-жѣ Богдановой, обнаруживаетъ нерѣдко въ своемъ авторѣ поэтическую изобрѣтательность, а Д. П. Зуевъ, судя по безспорнымъ его произведеніямъ, былъ одаренъ этой способностью въ слабой степени.

Отличается Зуевское продолженіе отъ двухъ другихъ также краткостью, и при томъ такъ рѣзко, что это замѣтилъ и г. Суворинъ; но онъ объясняетъ эту особенность Зуевской записи тѣмъ, что, по его свѣдѣніямъ, Дмитрій Павловичъ „былъ мастеръ на мистификаціи, и потому зналъ, что чѣмъ короче поддѣлка, тѣмъ менѣе въ ней прорѣхъ“. Въ чемъ иномъ проявилось его мастерство по этой части, если не считать довольно неопредѣленнаго указанія г. А. К. на его подправку сказки Чернышева, о томъ ни одинъ изъ отрицателей подлинности этой записи не говорилъ ни слова, а что̀ касается критиковъ, выступавшихъ въ „Новомъ Времени“, то признаніе Д. П. Зуева такимъ искуснымъ мистификаторомъ кажется особенно страннымъ на страницахъ этой газеты, гдѣ онъ ославленъ чуть не кретиномъ. Не менѣе удивительна и отличающая его продолженіе сдержанность въ измышленіяхъ и прикрасахъ, которая никакъ не согласуется съ его отмѣченной тамъ-же „стихоманіей“, и это противорѣчіе достойно

тѣмъ большаго вниманія, что похитители чужихъ сюжетовъ и подражатели, даже свободные отъ недостатковъ, приписываемыхъ „Новымъ Временемъ“ покойному Зуеву, обыкновенно склонны къ размазыванью своихъ образцовъ. Въ своемъ продолженіи „Русалки“, онъ, по словамъ г. Суворина, „собиралъ по зернышку“ — у кого? у Пушкина? нѣтъ: у Штукенберга и г-жи Богдановой! Далѣе идетъ перечень „зернышекъ“, похищенныхъ у этихъ будто-бы предшественниковъ. Этотъ списокъ слѣдуетъ прежде всего сократить, выкинувъ изъ него напр. указаніе на красоту дочери мельника и на ея самоутопленіе у Зуева и у г-жи Богдановой, какъ черты, которыя не зачѣмъ было воровать одному у другого, также упоминаніе того, что Русалка долго ждала князя, общее Зуеву со Штукенбергомъ, но и имъ обоимъ — съ Пушкинымъ, у котораго въ пятой сценѣ Русалка наказываетъ своей дочери:

скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ.

Недоказательна и общая этимъ обоимъ продолженіямъ задержка князя внѣ дома охотой, нѣсколько разъ упоминаемая и Пушкинымъ въ концѣ третьей сцены, гдѣ охотники воротились домой безъ князя, послѣ чего и въ четвертой онъ остается на берегу Днѣпра и является тамъ же въ шестой. Но за всѣми такими вычетами останется все-таки не мало мѣстъ, несомнѣнно доказывающихъ связь между тремя продолженіями „Русалки“, не случайную и не ограничивающуюся повтореніемъ Пушкинскихъ мотивовъ и выраженій. Это приходится признать, только не слѣдуетъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, къ какому пришелъ г. Суворинъ, разсуждая такъ: между всѣми тремя продолженіями есть сходство, а Зуевское напечатано послѣ двухъ другихъ; слѣдовательно Зуевъ

112647
БИБЛИОТЕКА

обокралъ своихъ предшественниковъ. Но вѣдь печатать можно только написанное, а написанное можетъ долго и даже никогда не печататься; потому изъ факта болѣе поздняго появленія чего-либо въ печати никакъ не слѣдуетъ, что оно и написано позже того, что̀ напечатано раньше. А что Зуевская редакція продолженія „Русалки“ написана, по крайней мѣрѣ, гораздо раньше, чѣмъ она была обнародована, видно между прочимъ даже изъ „Новаго Времени“ (№ 8593—сборникъ „Поддѣлка „Русалки“ Пушкина“, стр. 225), гдѣ было помѣщено свидѣтельство г-на Н. У., что о ней шла рѣчь въ года его дѣтства, т. е. едва-ли позже 1866 г., когда появилось продолженіе Штукенберга. Послѣдній былъ не только современникомъ Д. П. Зуева, но также инженеромъ, какъ онъ, и потому легко могъ быть съ нимъ знакомъ и знать его продолженіе. Г. Суворинъ думаетъ, напротивъ, что Зуевъ зналъ продолженіе Штукенберга и даже воспользовался имъ и потому выступилъ со своею записью лишь въ Ноябрѣ 1887 г., выждавъ кончину Штукенберга, который умеръ въ Мартѣ того-же года. Однако и тогда онъ ограничился тѣмъ, что прочелъ свою рукопись въ обществѣ литераторовъ, а печатать ее еще не рѣшался — почему? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ въ „Новомъ Времени“ упомянутый выше г. Н. У., что Дмитрій Павловичъ ждалъ, пока умретъ его братъ Петръ Павловичъ, который зналъ объ его обманѣ, а умеръ онъ въ 1895 г. Если такъ, то какъ-же не побоялся Дмитрій Павловичъ огласить, по крайней мѣрѣ, фактъ обладанія этой подозрительной записью лѣтъ за восемь до смерти своего брата, который тогда-же могъ его изобличить? И такъ не только предположеніе г. Суворина противорѣчитъ показанію г-на Н. У., но и оба эти объясненія исключаютъ одно другое. Свидѣтельству г-на Н. У. — если оно есть на самомъ дѣлѣ свидѣтельство, а не такое-же предположеніе, какъ выска-

занное г. Суворинымъ — можно противопоставить свидѣтельство разносторонне образованнаго и всѣми уважаемаго лица, также инженера (назвать его я пока не уполномоченъ), что Дмитрій Павловичъ читалъ ему продолженіе „Русалки“ лѣтомъ 1883 или 1884 г. на дачѣ Петра Павловича въ Петергофѣ при хозяинѣ. Для выясненія истины г. Н. У., дальній свойственникъ Дмитрія Павловича, предлагаетъ опросъ родныхъ; конечно, это было-бы желательно, но могло-бы и не дать ожидаемыхъ результатовъ, потому что оставшіеся въ живыхъ родственники Дмитрія Павловича мало что̀ знаютъ точно объ его молодости, а при его „стихоманіи“, о которой говоритъ г. А. К., между ними, не смотря на все ихъ уваженіе къ душевнымъ качествамъ покойнаго, легко могло сложиться предубѣжденіе противъ его разсказовъ о записи, чѣмъ объясняются какъ слухи о томъ, что онъ „занятъ окончаніемъ Русалки“, такъ и его молчаніе въ ихъ кругу объ этомъ „занятіи“. Безусловно важно было-бы добыть его подлинную запись, которую онъ при мнѣ вынималъ изъ ящика, стоявшаго въ его кабинетѣ (на Захарьевской), на лѣвомъ концѣ письменнаго стола, у стѣны, противоположной входу, и по которой прочелъ мнѣ начало, не попавшее на первый разъ въ печать, потому что было извѣстно изъ общедоступнаго Пушкинскаго текста, и нѣсколько другихъ мѣстъ, казавшихся мнѣ сомнительными. Объ отличіи одного изъ этихъ мѣстъ по рукописи и по напечатанному П. И. Бартеневымъ тексту я упомянулъ въ своемъ изслѣдованіи („Извѣстія“, т. III, кн. 3, стр. 636—638), гдѣ отмѣчена и важность того обстоятельства, что запись начинается не съ отвѣта Русалочки на вопросъ князя:

Откуда ты, прелестное дитя?,

а со словъ князя:

Прошедшаго печальныя мечты

и т. д., составлявшія, очевидно, начало сцены въ рукописи, по которой читалъ Пушкинъ, когда его слушалъ Зуевъ, какъ разсказываетъ послѣдній, или — если кто не вѣритъ его разсказу, — которая какъ-то попала въ его руки. Но важнѣе всѣхъ этихъ предполагаемыхъ внѣшнихъ фактовъ факты внутренніе, извлекаемые изъ самаго произведенія посредствомъ разбора его содержанія, языка и строя стиховъ при постоянномъ сличеніи съ несомнѣнными произведеніями Пушкина. Такому разбору подвергнута запись Д. П. Зуева въ моемъ изслѣдованіи, и выводы, къ которымъ я пришелъ въ немъ, еще ярче оттѣняются сравненіемъ этой записи съ двумя другими продолженіями „Русалки“, которыя г. Суворинъ считаетъ источникомъ продолженія, обнародованнаго Д. П. Зуевымъ. Однако прежде, чѣмъ привести свои настоящія заключенія, мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о возможной причинѣ сходства въ нѣкоторыхъ частностяхъ между продолженіями Д. П. Зуева и Е. А. Богдановой, хотя это сходство и слабо и нехарактеристично. Это объясненіе кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что касается отчасти и продолженія Штукенберга. Дѣло въ томъ, что г-жа Богданова, какъ и Штукенбергъ, писали свои продолженія, по видимому, не безъ вліянія со стороны либретто извѣстной оперы Даргомыжскаго на ту-же тему. Это вліяніе можно предположить напр. потому, что и у г-жи Богдановой и въ оперѣ Русалка мститъ не столько князю, сколько княгинѣ, мельникъ бросается на князя, князь отъ встрѣчи съ русалками теряетъ сознаніе своихъ поступковъ, драма кончается крикомъ охотниковъ о поданіи помощи князю (въ оперѣ параллельно съ возгласомъ русалокъ:

Ох. Тутъ недоброе случилось,
Надо князя отъискать!
Рус. Теперь отъ насъ онъ не уйдетъ!)

По всей вѣроятности, изъ оперы г-жа Богданова заимствовала и свою поэтическую форму. Общія черты Штукенбергова продолженія съ либретто: приведенное выше заимствованіе изъ „Евгенія Онѣгина“ (впрочемъ у либреттиста не дословно:

Не самъ ли безумецъ я счастье утратилъ!
А было такъ близко, возможно оно),

водяной столпъ въ соотвѣтствіе облаку, изъ-за котораго является теремъ русалокъ, смерть княгини отъ испуга (въ операѣ княгиня, по крайней мѣрѣ, „падаетъ безъ чувствъ“), отсутствіе всякаго намека на смерть мельника. И такъ нѣкоторая зависимость обоихъ этихъ продолженій отъ либретто оперы во всякомъ случаѣ весьма вѣроятна, а въ соотвѣтствующемъ имъ „Финалѣ“, который почти всецѣло принадлежитъ либреттисту, встрѣчается много Пушкинскихъ выраженій. Со своей стороны Штукенбергъ и г-жа Богданова, умышленно или безсознательно, внесли въ свои продолженія кое-что Пушкинское. Присутствія Пушкинскаго элемента въ Зуевской записи не отрицаютъ и тѣ критики, которые считаютъ ее поддѣлкой. Эти-то Пушкинскія кое-что и нѣчто и сближаютъ взаимно всѣ три продолженія и оперный „Финалъ“. Однако и въ отношеніи къ либретто Зуевское продолженіе занимаетъ особое мѣсто: не смотря на нѣкоторое общее сходство съ текстомъ либретто, въ этомъ продолженіи нельзя найти никакихъ признаковъ даже косвеннаго вліянія оперы. Правда, мотивъ любви Русалки къ князю во время исполненія задуманной ею мести можетъ, пожалуй, показаться съ перваго взгляда общимъ Зуевской записи съ либретто; но на самомъ дѣлѣ это не такъ: въ операѣ Русалка, говоря словами Пушкина о своей мести князю, тутъ-же представляетъ эту месть лишь мѣрой къ тому, чтобы снова вступить въ обладаніе любимымъ человѣ-

комъ, а въ Зуевской записи она думаетъ только о мести до тѣхъ поръ, пока вновь не увидѣла его, что̀ гораздо болѣе согласно съ мыслью Пушкина, насколько можно ее угадать изъ конца пятой сцены.

И такъ вотъ тѣ положенія, къ которымъ я пришелъ на основаніи упомянутыхъ выше данныхъ, почерпнутыхъ мною изъ внимательнаго изученія Зуевской записи, изъ личнаго знакомства съ Дмитріемъ Павловичемъ и съ безспорными его произведеніями и изъ свидѣтельствъ и показаній знавшихъ его людей:

1) Свѣдѣнія о записи Д. П. Зуева восходятъ къ 50-ымъ, если не къ 40-ымъ годамъ.

2) Если онъ ждалъ чьей-либо смерти для сообщенія своей записи постороннимъ, то не смерти брата или Штукенберга, а, быть можетъ, кого-нибудь изъ Пушкинскаго кружка, послѣдовавшей не позже 1883 г.

3) Его продолженіе „Русалки“ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ближе къ несомнѣннымъ произведеніямъ Пушкина, чѣмъ два другія (и чѣмъ Вельтмановское, не говоря уже объ оперѣ), хотя г-жа Богданова, по видимому, даровитѣе Д. П. Зуева.

4) Оно значительно короче прочихъ, что̀ не согласно ни съ обычаями подражателей вообще, ни съ манерою Дмитрія Павловича въ частности.

Ѳ. Коршъ.

А. С. Пушкинъ въ Казани.

I.

Пребываніе А. С. Пушкина въ Казани составляетъ кратковременный эпизодъ изъ его путешествія на востокъ Европейской Россіи осенью 1833 года. Прежде, чѣмъ перейти къ обрисовкѣ этого эпизода, мы позволимъ себѣ предпослать нѣсколько словъ объ указанномъ путешествіи нашего поэта вообще, объ обстоятельствахъ, вызвавшихъ путешествіе, о цѣляхъ и намѣреніяхъ, какія съ нимъ связывались.

Ѣхать побуждали поэта отчасти обстоятельства его личной жизни, отчасти интересы художественные и научные.

Вотъ что писалъ Пушкинъ своему закадычному другу, *П. В. Нащокину* отъ 23 февраля 1833 г.[1]):

«*Нѣтъ у меня досуга*, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ *уединенія*. Вотъ какъ располагаю я своимъ будущимъ лѣтомъ: послѣ родовъ жены[2]) отправляю ее въ калужскую деревню, къ се-

---

1) Письма Пушкина цитируются нами по первому Морозовскому изданію, т. VII, а отчасти по собранію Брюсова.

2) 6 іюля 1833 г. родился у него сынъ Александръ Александровичъ, крестнымъ отцомъ котораго былъ именно П. В. Нащокинъ. При отъѣздѣ Пушкина въ путешествіе жена его осталась въ Петербургѣ. Пушкинъ полагалъ тогда, что жена его опять беременна, какъ видно изъ его письма къ женѣ изъ села Языкова отъ 12 сентября (№ 353, стр. 325): „я радъ, что ты не брюхата“.

страмъ, а самъ съѣзжу въ *Нижній*, да можетъ быть, въ *Астрахань*. Мимоходомъ увидимся и наговоримся досыта. Путешествіе *нужно* мнѣ нравственно и физически". (Письмо № 339, стр. 314).

Кромѣ желанія прокатиться, освѣжиться и доставить себѣ досугъ для занятій, Пушкина привлекали на Востокъ и сюжеты тѣхъ произведеній, надъ которыми онъ тогда работалъ.

Въ началѣ 1833 года А. С. Пушкинъ еще имѣлъ намѣреніе писать біографію генералиссимуса князя *А. В. Суворова*, куда, въ качествѣ одной главы, должно было войти изображеніе его участія въ усмиреніи Пугачевскаго бунта. 9 февраля Пушкинъ писалъ военному министру, графу *А. И. Чернышову*, прося доставить ему для занятій разные документы, въ томъ числѣ и „слѣдственное дѣло" о *Пугачевѣ* (стр. 312, письмо № 338). Просьба Пушкина была удовлетворена Чернышовымъ 25 февраля (*В. Брюсовъ*, Письма Пушкина и къ Пушкину, стр. 70, № 30)[1]). 5 марта (у Морозова, № 340, стр. 314) Пушкинъ приглашалъ себѣ въ сотрудники по архивнымъ историческимъ занятіямъ *М. П. Погодина*, а 8 числа того же мѣсяца (№ 341, стр. 315) еще разъ обращался къ Чернышову, прося къ полученнымъ уже о *Пугачевѣ* бумагамъ добавить еще донесенія и реляціи за 1776 г. 8 марта Чернышовъ (у Брюсова, стр. 71, № 31) опять доставилъ Пушкину кое-какія бумаги.

Какъ это часто бываетъ, отдѣльный эпизодъ первоначальнаго обширнаго замысла разросся въ особое цѣлое произведеніе, — и вмѣсто біографіи Суворова у Пушкина написалась „Исторія Пугачевскаго бунта".

Уже 8 мая *Н. В. Гоголь* съ восторгомъ сообщалъ въ

1) Доставлены были не всѣ документы, просимые Пушкинымъ; слѣдственное дѣло о Пугачевѣ Пушкинъ читалъ уже *послѣ* напечатанія своей „Исторіи Пугачевскаго бунта".

Москву М. П. Погодину (Письма, изд. В. И. Шенрокомъ, т. I, стр. 250, № 81): „Пушкинъ ужъ почти кончилъ *Исторію Пугачева*. Это будетъ единственное у насъ въ этомъ родѣ сочиненіе. Замѣчательна очень вся жизнь Пугачева. Интересу пропасть! Совершенный романъ!“ Впрочемъ, въ данномъ случаѣ Гоголь поспѣшилъ и упредилъ событія. Матеріалы къ написанію „Исторіи Пугачевскаго бунта“ были вполнѣ готовы у Пушкина только къ осени. Наряду съ научно-историческимъ изображеніемъ исторіи Пугачевщины, у Пушкина возникъ замыселъ нарисовать ту же эпоху и художественно — въ видѣ романа или повѣсти: то была „Капитанская дочка“ [1]), написанная позднѣе, а именно, между 1834 и 1836 годами.

Для болѣе подробнаго и точнаго изложенія событій Пугачевщины требовалось Пушкину самому осмотрѣть тѣ мѣста, гдѣ они происходили. Въ этомъ направленіи онъ началъ хлопотать, добиваясь себѣ отпуска въ Казань и Оренбургъ. Прошеніе о томъ, или письмо Пушкинъ представилъ Государю чрезъ шефа жандармовъ 22 іюля, а 29 іюля Управляющій III Отдѣленіемъ *А. Н. Мордвиновъ*, за отсутствіемъ самого шефа, графа *А. Х. Бенкендорфа*, уѣхавшаго въ свое знаменитое имѣніе *Фалль* [2]), увѣдомилъ Пушкина, что Государю угодно знать, что́ побуждаетъ его къ поѣздкѣ, и по какой причинѣ хочетъ онъ „*оставить* занятія, здѣсь на него возложенныя“.

На другой же день, 30 іюля Пушкинъ прислалъ съ

---

1) См. Николай Лернеръ, „Труды и дни“, стр. 108. *П. О. Морозовъ* (т. VII изданія сочиненій Пушкина, стр. XII, хронологическій списокъ произведеній) указываетъ, что „Капитанская дочка“ окончена въ августѣ 1833-го года, а въ т. V, стр. 274, полагаетъ, что эта повѣсть была написана одновременно съ „Исторіею Пугачевскаго бунта“, какъ результатъ занятій Пушкина по составленію этой исторіи.

2) Видъ этого имѣнія, по картинѣ *Фрикке*, былъ помѣщенъ въ альманахѣ жандармскаго офицера *Владиславлева* „Утренняя Заря“ за 1843 г.

дачи на Черной рѣчкѣ отвѣтъ[1]). Любопытно, что въ этомъ отвѣтѣ А. Н. Мордвинову Пушкинъ мотивируетъ свою просьбу объ отпускѣ чисто матеріальными соображеніями. По его словамъ, онъ желалъ бы провести два мѣсяца въ совершенномъ *уединеніи*, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно имъ начатую, которая ему *доставитъ деньги*. „Мнѣ самому *совѣстно*“, признается поэтъ, „тратить время на *суетныя* занятія (NB поэзіею!) — но что дѣлать? они одни доставляютъ мнѣ независимость и способъ проживать съ моимъ семействомъ въ Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря Государя, имѣютъ цѣль *болѣе важную и полезную*“. Въ деревнѣ онъ хочетъ дописать *романъ*, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани; вотъ почему ему бы хотѣлось посѣтить обѣ сіи губерніи (у Брюсова, № VII, стр. 21).

На это письмо, писанное „со всею искренностью“, Мордвиновъ, по порученію Бенкендорфа, 7 августа сообщилъ поэту, что Государь дозволяетъ ему ѣхать на четыре мѣсяца въ Оренбургъ и Казань. 11 августа поэтъ подалъ формальное прошеніе, а 12-го ему уже былъ разрѣшенъ отпускъ дѣйствительно на четыре мѣсяца, и поэтъ могъ ѣхать туда, куда его влекли историческіе и художественные интересы.

18 августа Пушкинъ началъ свое путешествіе, изъ котораго возвратился въ Петербургъ на цѣлый мѣсяцъ ранѣе срока истеченія отпуска, т. е. не черезъ четыре, а черезъ три мѣсяца, не въ декабрѣ, а въ ноябрѣ того же года.

По дорогѣ въ Москву Пушкинъ заѣзжалъ еще въ сторону, гостилъ у знакомыхъ и былъ, между прочимъ, въ

---

1) У Морозова (цитированное изданіе, т. VII, № 344, стр. 316) это письмо ошибочно отнесено, какъ адресованное къ самому Бенкендорфу, котораго уже не было въ городѣ. Та же ошибка повторена и у *А. С Архангельскаго*, „Пушкинъ въ Казани“, стр. 1.

имѣніи родныхъ своей жены, Гончаровыхъ, въ *Яропольцѣ*[1]). Въ Москву онъ прибылъ только 25 августа и остановился въ домѣ Гончаровыхъ же, на Никитской. Здѣсь онъ оставался до 29 августа, когда выѣхалъ въ Нижній, куда онъ прибылъ 2 сентября. Изъ Нижняго поэтъ поѣхалъ въ Казань, куда онъ разсчитывалъ (въ Москвѣ) прибыть еще около третьяго[2]).

II.

Въ Казани Пушкинъ пробылъ всего около трехъ сутокъ. Но возстановить полную картину пребыванія поэта въ этомъ городѣ, какъ мы убѣдимся ниже, весьма затруднительно; это связано съ нѣкоторыми вопросами, не поддающимися окончательному рѣшенію.

Прежде всего дадимъ отчетъ о тѣхъ первоисточникахъ, какими мы располагаемъ по вопросу о пребываніи Пушкина въ Казани.

Оффиціальный органъ, издававшійся тогда при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, „Прибавленіе къ Казанскому Вѣстнику“ о проѣздѣ Пушкина хранитъ полное молчаніе.

Главнымъ и надежнѣйшимъ источникомъ является воспоминаніе о Пушкинѣ мѣстной Казанской поэтессы Александры Андреевны *Фуксъ*.

---

1) Ярополчь, Ераполецъ, или Казанское—большое село на рѣкѣ Ламѣ, въ 115 в. отъ Москвы по дорогѣ въ Зубцовъ, принадлежало графу Захару Григорьевичу *Чернышову*, славилось садами и великолѣпными постройками; Екатерина II не разъ посѣщала Чернышова въ его имѣніи. Ярополчь былъ воспѣтъ Василіемъ Ивановичемъ *Майковымъ* (см. его „Сочиненія и переводы“, изд. 1867 г., стр. 516—519 и прим. на стр. 554) въ одѣ:

Градского шуму удаляся,
Пріемлю лиру я мою:
Во Ярополчѣ веселяся,
Пріятность онаго пою...

и т. д.

2) № 347, отъ 26 августа, стр. 320.

Мы не станемъ здѣсь останавливаться подробно на этой замѣчательной провинціальной дѣятельницѣ — потому, что нами написана о ней отдѣльная монографія, помѣщенная въ „Русской Старинѣ“ за истекшій 1904 годъ, въ іюньской и іюльской книжкахъ. Къ сожалѣнію, ея воспоминаніе о Пушкинѣ касается только одного дня, а именно 7 сентября.

Воспоминаніе г-жи Фуксъ представляетъ собою собственно письмо къ ея подругѣ, Еленѣ Николаевнѣ *Мандрыкиной*[1]), желавшей по поводу смерти Пушкина узнать подробности о личномъ знакомствѣ своей подруги съ великимъ поэтомъ. Это письмо г-жи Фуксъ къ Мандрыкиной вмѣстѣ съ подлинными письмами поэта къ г-жѣ Фуксъ было прочтено на одной изъ литературныхъ бесѣдъ (1 декабря 1843 года) въ домѣ г-жи Фуксъ, какія она устраивала въ Казани по зимамъ въ теченіе многихъ лѣтъ; тогда же это сообщеніе было напечатано въ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ (за 1844 г., № 2).

Въ своемъ воспоминаніи поэтесса очень подробно и съ любовью *записала всѣ детали* знакомства съ поэтомъ 7 сентября 1833 г., когда она съ мужемъ принимала Пушкина въ своемъ домѣ; въ статьѣ приведены всѣ разговоры, какіе были съ нимъ тогда ведены. Но первая половина казанскаго пребыванія Пушкина, т. е. 6 сентября, въ воспоминаніи Фуксъ совершенно отсутствуетъ.

Кое въ чемъ дополняются свѣдѣнія г-жи Фуксъ тѣми письмами, какія поэтъ писалъ ей и своей женѣ. И тѣ, и другія вошли въ изданіе *П. О. Морозова*. Особенное значеніе имѣютъ теперь для насъ письма Пушкина къ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 351, стр. 323), отъ 12 сен-

---

1) Эта младшая и незамужняя дочь Казанскаго начальника внутренней стражи, генерала Н. Я. Мандрыки, впослѣдствіи поступила въ Богородицкій монастырь въ Свіяжскѣ, гдѣ постриглась подъ именемъ Есеири и скончалась монахинею.

тября изъ с. Языкова[1]), въ 65 верстахъ отъ Симбирска (№ 353, стр. 324—325) и перепечатанное изъ „Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ письмо къ А. А. Фуксъ изъ Казани отъ 8 сентября (№ 352, стр. 324).

Наконецъ, къ пребыванію А. С. Пушкина въ Казани относится еще особое оффиціальное дѣло, не содержащее, впрочемъ, никакихъ цѣнныхъ указаній. О немъ будетъ у насъ рѣчь ниже. Оно напечатано въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., въ январьской книжкѣ, т. 33, стр. 223—226.

На основаніи этихъ первоисточниковъ писались различныя справки и юбилейныя поминки. Такъ, къ столѣтней годовщинѣ рожденія нашего поэта казанскій профессоръ исторіи права (при Университетѣ) *Н. П. Загоскинъ* помѣстилъ о пребываніи Пушкина въ Казани статью въ майскомъ *(юбилейномъ)* нумерѣ „Историческаго Вѣстника“ за 1899 годъ.

Статья проф. Загоскина представляетъ собою, въ существенномъ, пересказъ воспоминанія г-жи Фуксъ съ нѣкоторыми собственными указаніями, не всегда, впрочемъ, надежными.

Къ тому же юбилею издалъ особую брошюру профессоръ русской литературы при томъ же Университетѣ *А. С. Архангельскій* подъ заглавіемъ: „А. С. Пушкинъ въ Казани (5—8 сентября 1833 года). Нѣсколько замѣтокъ о пребываніи А. С. Пушкина въ Казани съ присоединеніемъ относящихся къ этому литературныхъ матеріаловъ“[2]) въ 8-ую долю.

Уже самое заглавіе брошюры показываетъ, что это есть нѣчто случайное, сборное, mixtum compositum, на-

1) А. С. Архангельскій (op. cit., стр. 3) ошибочно считаетъ это письмо писаннымъ изъ *Симбирска*, тогда какъ изъ Симбирска писано письмо женѣ 14 сентября (№ 354, стр. 325).

2) Эту брошюру нужно отличать отъ другой брошюрки того же автора, изданной въ Казани же и тогда же: „А. С. Пушкинъ, какъ писатель народный“ (въ 12-ую долю листа).

скоро написанное. Въ брошюрѣ 67 стр., но текста всего 27 стр.; остальныя 40 стр. заняты разнообразными „приложеніями“. Нѣкоторыя изъ этихъ приложеній цѣнны; напр., перепечатано воспоминаніе г-жи Фуксъ. Но есть и вещи, рѣшительно неимѣющія никакого отношенія къ проѣзду Пушкина черезъ Казань: напр., 10 стр. заняты перепечаткою баллады Г. П. Каменева „Громвалъ“ [1]). Каменевъ приходился г-жѣ Фуксъ дядею, и Пушкинъ, при свиданіи съ племянницею, хвалилъ ей стихи покойнаго ея дяди, но спеціально о „Громвалѣ“ ничего не говорилъ. И вдобавокъ перепечатанъ „Громвалъ“ съ небрежностію, никакъ непростительною для ученаго спеціалиста по русской словесности: на стр. 60 и 61 четырнадцать строфъ (56 стиховъ) совершенно перемѣшаны между собою, такъ что въ результатѣ получается полнѣйшая безсмыслица, которую читатель-неспеціалистъ, пожалуй, припишетъ еще ни въ чемъ неповинному Каменеву, тогда какъ она всецѣло внесена отъ себя г. профессоромъ Архангельскимъ. Не говоримъ уже о томъ, что для перепечатки взятъ *не подлинный*, первый текстъ самого Каменева изъ „Періодическаго изданія“ Общества любителей словесности, наукъ и художествъ, 1804 г., а текстъ, значительно передѣланный *В. А. Жуковскимъ* для его „Собранія образцовыхъ русскихъ сочиненій“. О передѣлкѣ каменевскаго текста г. Архангельскій, преимущественно работавшій по русской словесности надъ „твореніями святыхъ отцовъ“, пожалуй, могъ и не знать.

Въ „приложеніяхъ“ еще разъ приведены письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, уже перепечатанныя въ Морозовскомъ изданіи. Но, перепечатавъ письма Пушкина къ Фуксъ, проф. Архангельскій почему то не перепечаталъ

---

1) Объ этомъ поэтѣ см. нашъ трудъ „Къ біографіи Гавріила Петровича Каменева“ ,Варшава. 1905.

двухъ сохранившихся отвѣтныхъ писемъ г-жи Фуксъ къ Пушкину, вошедшихъ въ Бартеневское изданіе „Бумаги А. С. Пушкина“, М. 1881, вып. I, стр. 21—22, отъ 20 января 1834 г. и отъ 24 мая 1836 г., и даже ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этихъ письмахъ такъ, какъ будто о существованіи ихъ онъ совершенно не подозрѣваетъ.

Обратимся къ тексту брошюры. А. С. Архангельскій никогда не занимался казанскою исторіею и казанскими древностями. Поэтому онъ обратился за содѣйствіемъ къ извѣстному мѣстному знатоку казанской исторіи, Николаю Яковлевичу *Агафонову*, который предоставилъ въ распоряженіе профессора свой громадный архивъ, обширную библіотеку Casanensia и даже свои ненапечатанныя сочиненія (см. стр. 11). Въ большинствѣ случаевъ заимствованное у Н. Я. Агафонова или почерпнутое по его указанію изъ рѣдкихъ печатныхъ источниковъ того времени цѣнно; таковы свѣдѣнія о г-жѣ Фуксъ, объ Э. П. Перцовѣ, о состояніи тогдашней Казани (по „Губернскимъ Вѣдомостямъ“ и книгамъ тѣхъ годовъ). Собственныя библіографическія указанія проф. Архангельскаго, какъ мы уже видѣли выше, не всегда точны. Выводы его (напр., о мѣстѣ остановки Пушкина въ Казани) часто невѣрны.

Наконецъ, по одному частному вопросу (а именно, гдѣ въ Казани останавливался Пушкинъ) высказался уже въ печати пишущій эти строки (см. субботнее приложеніе къ газетѣ „Новое Время“ отъ 8 ноября 1903 г., № 9943, стр. 7—8). Разобравъ какъ мѣстное казанское преданіе, поддерживаемое проф. Н. П. Загоскинымъ, такъ и аргументы проф. А. С. Архангельскаго, и доказавъ несостоятельность всѣхъ этихъ мнѣній, мы привели отысканное нами свидѣтельство самого Пушкина и представили новую формулировку интересующаго насъ вопроса, о которой скажемъ и здѣсь нѣсколько словъ ниже.

III.

Первымъ вопросомъ изслѣдователя, приступающаго къ описанію пребыванія Пушкина въ Казани, является опредѣленіе момента времени, *когда* онъ прибылъ въ этотъ городъ.

Самъ поэтъ писалъ женѣ изъ Казани отъ 8 сентября: „Я здѣсь съ *пятаго* и до сихъ поръ не имѣлъ время (sic) тебѣ написать слова“ (т. VII, стр. 323, № 351).

А. А. Фуксъ въ своемъ воспоминаніи сообщаетъ, что о пріѣздѣ Пушкина въ Казань она узнала отъ Е. А. Боратынскаго, пріѣхавшаго къ ней съ прощальнымъ визитомъ *шестого*. Далѣе, разсказывая, что ея мужъ познакомился съ Пушкинымъ *седьмого* утромъ, А. А. прибавляетъ, что Пушкинъ останавливался въ Казани на *одни сутки*. Изъ этого сопоставленія выходитъ какъ будто, что поэтъ прибылъ въ Казань не пятаго, а *шестого*, и притомъ утромъ, ибо объ его пріѣздѣ А. А. узнала уже въ визитное время, т. е. послѣ полудня.

Наконецъ, по полицейскимъ свѣдѣніямъ въ вышеуказанномъ „дѣлѣ“, поэтъ прибылъ въ Казань тоже шестого, а не пятаго сентября.

Такимъ образомъ, получается противорѣчіе: съ одной стороны, показаніе самого поэта полагаетъ днемъ его пріѣзда въ Казань пятое число; съ другой стороны, А. А. Фуксъ и полиція свидѣтельствуютъ о прибытіи его въ Казань не пятаго, а шестого сентября.

Какъ примирить эти показанія между собою, или которое изъ нихъ положительно вѣрно, а которое неправильно?

Мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи поэта. Вдобавокъ, А. А. Фуксъ познакомилась вѣдь съ Пушкинымъ только наканунѣ его отъѣзда, т. е. седьмого вечеромъ, а при пріѣздѣ его не присутствовала

и судила со словъ Е. А. Боратынскаго, который могъ и не сказать ей точно, когда именно пріѣхалъ Пушкинъ, ограничившись лишь простымъ указаніемъ на самый фактъ пріѣзда; или же А. А. могла не понять Евгенія Абрамовича, а быть можетъ и не доспросила его прямо о моментѣ пріѣзда дорогого гостя.

Что касается свѣдѣній полиціи, то они оказываются весьма запоздалыми, ибо они помѣщены въ бумагѣ отъ 30 октября, т. е. болѣе, чѣмъ черезъ $1\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ отъѣзда поэта изъ Казани.

Повидимому, примирить разногласящія показанія всего лучше такъ.

Въ письмѣ къ женѣ еще изъ Нижняго отъ 2 сентября (№ 350, стр. 323) поэтъ сообщаетъ, что онъ былъ у губернатора, генерала *Бутурлина;* онъ и жена его приняли Пушкина „очень мило и ласково“; поэта уговаривали обѣдать „завтра“ (т. е. 3 сентября) у нихъ. Такимъ образомъ, изъ Нижняго поэтъ могъ выѣхать самое раннее — послѣ губернаторскаго обѣда, 3 сентября, вечеромъ. Разстояніе между Казанью и Нижнимъ (550 верстъ) при безостановочной, быстрой ѣздѣ на перекладныхъ, безъ остановокъ и ожиданія лошадей, на бойкихъ коняхъ, при хорошемъ состояніи пути и благопріятной погодѣ[1]), поэтъ дѣйствительно могъ проѣхать въ двое съ лишкомъ сутокъ[2]), а значитъ, и могъ прибыть въ Казань именно

1) Въ другомъ письмѣ къ женѣ изъ Нижняго отъ того же 2 сентября (№ 349, стр. 321) поэтъ восклицаетъ: „Что у насъ за *погода!* дни жаркіе, съ утра маленькіе *морозы:* роскошь! такъ ли у васъ?“ Хорошая дорога была и далѣе. „Надобно тебѣ знать“, пишетъ Пушкинъ женѣ уже изъ Болдина 2 октября (№ 356, стр. 327), „что нынѣшній годъ была всеобщая *засуха*, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу“.

2) Однако, изъ Москвы въ Нижній (разстояніе 410 в.) поэтъ „дотащился“ только на *пятыя* сутки, хотя дорога была „хороша“; но это потому, что на станціяхъ, особенно подъ Москвою смотрители не давали лошадей, несмотря на бумагу, взятую Пушкинымъ отъ самого московскаго почтъ-директора *Булакова* (№№ 349 и 350, стр. 321 — 323).

пятаго очень поздно вечеромъ или уже въ ночь на шестое, почему казанцы могли отнести его пріѣздъ уже къ слѣдующему дню, къ шестому числу. Наконецъ, нельзя не признать возможнымъ и того, что, прибывши въ Казань въ ночь съ пятаго на шестое, поэтъ допустилъ обычную въ такихъ случаяхъ неточность обозначенія: еще не ложившись спать, считалъ день незаконченнымъ, т. е. все еще пятымъ сентября, тогда какъ астрономически послѣ 12 часовъ ночи уже началось шестое число.

IV.

Разсмотрѣвъ вопросъ о времени пріѣзда поэта въ Казань, обратимся теперь ко второму вопросу, еще болѣе трудному, а именно, къ вопросу о мѣстѣ жительства А. С. Пушкина во время пребыванія его въ Казани.

Въ виду того, что этому вопросу была уже посвящена нами особая спеціальная статья, выше нами указанная, мы можемъ ограничиться здѣсь лишь приведеніемъ ея существеннаго содержанія и выводовъ.

Въ самой Казани на этотъ счетъ существовало преданіе, будто бы А. С. Пушкинъ останавливался у своего пріятеля (по Петербургу) Эраста Петровича *Перцова* въ его и его братьевъ домѣ, на углу Рыбнорядской и Малой Проломной улицъ. Домъ этотъ нынѣ принадлежитъ бакалейному торговцу, купцу *А. В. Афанасьеву*[1]), содержащему въ немъ одну изъ своихъ лавокъ.

Казанцы были такъ твердо убѣждены въ вѣрности этого преданія, что даже собирались въ 1887 и въ 1899 годахъ отъ лица Думы прикрѣпить къ дому мраморную доску съ соотвѣтствующею надписью, а кромѣ того, про-

1) Видъ дома былъ приложенъ къ моей статьѣ.

легающую мимо дома Рыбнорядскую улицу намѣревались переименовать въ Пушкинскую.

Противъ этого преданія и основанныхъ на немъ предположеній неоднократно выступали, какъ прежній владѣлецъ дома, братъ Эраста Петровича, Петръ Петровичъ, такъ и сынъ послѣдняго, племянникъ пушкинскаго пріятеля, не только устно и письменно, но и въ печати[1]).

Ученымъ защитникомъ мѣстной легенды о перцовскомъ домѣ выступилъ проф. Н. П. Загоскинъ; противъ легенды высказался проф. А. С. Архангельскій.

Подробному анализу какъ самаго преданія, такъ и аргументовъ (въ его пользу) — Н. П. Загоскина и выводовъ А. С. Архангельскаго была посвящена моя статья. Вопросъ приходится теперь ставить совсѣмъ иначе, благодаря указанному мною обстоятельству, неизвѣстному для писавшихъ прежде. Изъ Казани 8 сентября 1833 г. Пушкинъ выѣхалъ и 9 сентября былъ уже въ Симбирскѣ. Здѣсь у губернатора Пушкинъ видѣлся съ однимъ старымъ поволжскимъ литераторомъ, отставнымъ чиновникомъ Иваномъ Алексѣевичемъ *Второвымъ*, который объ этомъ своемъ свиданіи съ знаменитымъ поэтомъ сообщилъ письмомъ сыну, Николаю Ивановичу Второву, въ это время жившему въ Казани. Въ монографіи *М. Ѳ. Де-Пуле* объ И. А. Второвѣ „Отецъ и сынъ“ („Русскій Вѣстникъ“, т. 118, за 1875 г., августъ, стр. 610) приведенъ изъ этого письма отрывокъ, одна фраза котораго имѣетъ въ данномъ случаѣ особенную важность: „Пушкинъ сказывалъ мнѣ, что былъ въ Казани у Фукса и *стоялъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ*“ [2]).

Теперь трудность вопроса состоитъ уже въ томъ, чтобы опредѣлить, гдѣ же „стоялъ“ Боратынскій въ это

1) Въ мѣстномъ органѣ „Волжскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 г.

2) А проф. Архангельскій все старался доказать, что Пушкинъ жилъ „во всякомъ случаѣ“ *не* у Боратынскаго (стр. 18 — 19).

время, и гдѣ онъ обыкновенно останавливался, когда живалъ въ Казани.

Старшій сынъ извѣстнаго поэта, донынѣ еще здравствующій, Левъ Евгеніевичъ Боратынскій любезно объяснилъ намъ, что его отецъ, бывая въ Казани, неподалеку отъ которой было расположено имѣніе его тестя, Льва Николаевича *Энгельгардта*, останавливался въ домѣ тестя; этотъ домъ стоялъ гдѣ-то на Грузинской улицѣ и теперь болѣе не существуетъ.

Наши собственныя попытки и поиски въ городскомъ архивѣ, по нашей просьбѣ любезно произведенные городскимъ архиваріусомъ и библіотекаремъ городской публичной библіотеки *А. І. Войцѣховскимъ*, не дали никакихъ результатовъ, — и опредѣлить мѣстоположеніе дома Энгельгардта на Грузинской улицѣ намъ не удалось.

Итакъ, намъ одно только извѣстно положительно вѣрно, что Пушкинъ въ Казани жилъ вмѣстѣ съ Боратынскимъ, но было ли то въ домѣ Энгельгардта, или въ какомъ другомъ домѣ, или, наконецъ, въ какой-нибудь гостинницѣ, мы не знаемъ. Выраженіе Второва и Пушкина „стоялъ“ можетъ относиться и къ гостинницѣ. Если Боратынскій на этотъ разъ самъ останавливался въ домѣ Энгельгардта, то Пушкинъ, зная мѣсто его остановки, могъ проѣхать туда прямо съ дороги. Но вполнѣ возможно и такое предположеніе, что Пушкинъ, по пріѣздѣ въ Казань, сначала остановился въ гостинницѣ, какъ останавливался, повидимому, въ гостинницахъ и въ Нижнемъ, и въ Симбирскѣ, а потомъ уже, на другой день, т. е. шестого поутру, какъ-либо узнавъ, что Боратынскій въ Казани, перебрался на житье къ нему, Боратынскій же, дѣлая послѣ этого въ тотъ самый день прощальный визитъ А. А. Фуксъ, сообщилъ ей о пріѣздѣ Пушкина; вотъ почему, можетъ быть, пріѣздъ Пушкина и начали считать съ шестого, т. е. со дня его переселенія къ Боратынскому.

Возможно, наконецъ, что Пушкинъ и случайно остановился въ той же гостинницѣ, гдѣ уже стоялъ Боратынскій.

Замѣтимъ, что Пушкинъ врядъ-ли могъ разсчитывать застать Боратынскаго въ Казани. Еще въ письмѣ къ Ивану Васильевичу *Кирѣевскому* отъ 4 августа 1833 г. (Татевскій Сборникъ *С. А. Рачинскаго*, 1899, № 40, стр. 49) Е. А. Боратынскій даетъ ему свой адресъ такъ: „Тамбовской губерніи въ *Кирсановѣ*“; слѣдовательно, онъ разсчитывалъ пробыть въ материномъ имѣніи *Вяжлѣ*, по крайней мѣрѣ, еще двѣ недѣли. При медленности тогдашней почты онъ едва-ли получилъ бы отвѣтъ отъ И. В. Кирѣевскаго изъ Москвы ранѣе. Отъ 15 октября 1833 г. (тамъ же, № 41, стр. 51) онъ сообщаетъ Кирѣевскому, повидимому, изъ того же тамбовскаго имѣнія: „у насъ совершенный голодъ“. Въ промежутокъ между этими двумя письмами Е. А. Боратынскій успѣлъ *побывать* въ Казани и тамъ повидался съ Пушкинымъ [1]). Поѣздка Боратынскаго въ Казань, кажется, произошла въ концѣ августа мѣсяца и носила, надо полагать, для самого Боратынскаго характеръ непредвидѣнной, спѣшной, неотложной и дѣловой.

Мы не можемъ опредѣлить, когда Е. А. Боратынскій прибылъ въ Казань, гдѣ онъ тутъ жилъ, и долго ли тамъ пробылъ. Несомнѣнно, онъ прибылъ ранѣе Пушкина, ибо къ его пріѣзду онъ уже собирался уѣзжать и, сообщая г-жѣ Фуксъ о появленіи Пушкина въ Казани, дѣлалъ ей визитъ pour prendre congé. Притомъ, этотъ отъѣздъ его былъ обратно въ Вяжлю, ибо, если бы онъ уѣзжалъ только въ имѣніе тестя, въ Каймары, за 20 верстъ отъ Казани,

---

1) Поэтому совершенно ложно мнѣніе проф. *Архангельскаго* (стр. 12): „Боратынскій *около этого времени* (?) и жилъ въ Казани: здѣсь жилъ его тесть и ближайшіе родные.“ Именно „около этого времени“ они и не жили ни въ Казани, ни въ Каймарахъ, а Е. А. былъ въ Казани наѣздомъ.

то А. А. Фуксъ не имѣла бы повода „грустить“ объ этой разлукѣ. Съ Боратынскимъ и съ его тестемъ, Л. Н. Энгельгардтомъ А. А. Фуксъ (см. нашу монографію объ ней, стр. 509) видѣлась въ Москвѣ въ январѣ того же 1833-го года; какъ видно изъ ея писемъ къ мужу, она не одинъ разъ была въ Москвѣ въ домѣ Боратынскихъ, гдѣ познакомилась съ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ.

Какъ мы увидимъ ниже, Е. А. Боратынскій, простившись шестого съ А. А. Фуксъ окончательно, не уѣхалъ седьмого утромъ прямо въ Вяжлю, но воспользовался еще этимъ днемъ, чтобы предварительно съѣздить въ Каймары и восьмого утромъ рано былъ въ Казани на проводахъ Пушкина.

Пріѣздъ Пушкина обрадовалъ Е. А. Боратынскаго. Къ г-жѣ Фуксъ онъ „вошелъ въ комнату съ такимъ веселымъ лицомъ, что ей стало даже «*досадно*», и она „приготовилась было сдѣлать ему упрекъ за такой равнодушный прощальный визитъ“. Эта, еще не успѣвшая остыть радость указываетъ, что Боратынскій свидѣлся съ Пушкинымъ не наканунѣ, а только-что, т. е. не пятаго вечеромъ, а шестого утромъ.

V.

Допуская, что Пушкинъ прибылъ въ Казань пятаго сентября поздно вечеромъ или же въ ночь съ пятаго на шестое, надобно предположить, что послѣ отдыха съ дороги Пушкинъ первую половину дня шестого сентября употребилъ на то, чтобы розыскать Боратынскаго (если онъ не въѣхалъ къ нему прямо) и на то, чтобы сдѣлать нѣкоторые оффиціальные визиты, напр., губернатору, каковымъ тогда (съ 1832 по 1841 г.) былъ въ Казани

генералъ-адъютантъ, генералъ-лейтенантъ Степанъ Степановичъ *Стрекаловъ*[1]).

Помощь губернаторовъ была для Пушкина необходимою въ видахъ большей успѣшности при достиженіи его цѣлей—осмотра замѣчательныхъ мѣстностей и зданій, игравшихъ ту или другую роль во время Пугачевщины. И въ другихъ городахъ Пушкинъ посѣщалъ губернаторовъ: такъ, въ Нижнемъ, какъ мы видѣли, онъ даже отобѣдалъ у губернатора Бутурлина; и въ Симбирскѣ (см. его письмо къ женѣ, № 353, стр. 325, отъ 12 сентября изъ села Языкова, въ 65 верстахъ отъ Симбирска) онъ разсчитывалъ: „сегодня ѣду въ Симбирскъ, *отобѣдаю у губернатора,* а вечеромъ отправлюсь въ Оренбургъ, послѣдняя (sic) цѣль моего путешествія“. Пришлось ли ему пообѣдать у казанскаго губернатора С. С. Стрекалова, мы не знаемъ. Если губернаторъ его приглашалъ къ обѣду[2]), то этотъ обѣдъ могъ имѣть мѣсто только шестого сентября, потому что седьмого Пушкинъ обѣдалъ у Э. П. Перцова.

---

1) Губернаторъ этотъ оставилъ по себѣ добрую память въ Казани, какъ человѣкъ гостепріимный и общительный; по отношенію къ самому городу ознаменовалось его губернаторство усиленнымъ мощеніемъ улицъ. Въ то время на самыхъ бойкихъ улицахъ, какъ, напр., на Большой Проломной, бывала такая грязь, особенно по осени, что, случалось, не могли вытащить изъ нея увязнувшихъ тарантасовъ и оставляли ихъ *зимовать* посреди улицы!

2) По своему гостепріимству Стрекаловъ легко могъ пригласить Пушкина. Если онъ этого не сдѣлалъ, то развѣ по соображеніямъ политическаго характера. Стрекаловъ былъ губернаторомъ въ Тифлисѣ, когда въ 1829 г. тамъ проѣзжалъ Пушкинъ, состоявшій подъ полицейскимъ надзоромъ, о чемъ, какъ увидимъ ниже, у губернатора тогда была и переписка. Хотя въ Казани въ то время еще *не знали* (см. ниже), что надзоръ продолжается, но по старой памяти Пушкинъ могъ казаться Стрекалову человѣкомъ опаснымъ. Вѣроятно, приглашенія Пушкину не было; по крайней мѣрѣ, поэтъ ничего не упоминаетъ объ этомъ обѣдѣ въ письмахъ къ женѣ, тогда какъ обѣды у другихъ губернаторовъ отмѣчались имъ.

Что̀ дѣлалъ Пушкинъ шестого сентября вечеромъ, мы не знаемъ. Вѣроятно, онъ провелъ его въ обществѣ своего стараго друга, Е. А. Боратынскаго.

VI.

Утромъ седьмого сентября Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ, мужъ писательницы, пріѣхалъ провожать Боратынскаго; вѣроятно, онъ думалъ, что Боратынскій уѣзжаетъ совсѣмъ; но Боратынскій ѣхалъ еще только въ подгородное имѣніе Каймары. На проводахъ Евгенія Абрамовича былъ, разумѣется, и жившій съ нимъ Пушкинъ. Еще наканунѣ, шестого, Боратынскій предупредилъ Александру Андреевну о желаніи Пушкина видѣть обоихъ супруговъ, при чемъ „такая неожиданная и радостная вѣсть“ заставила г-жу Фуксъ „проститься съ Боратынскимъ гораздо равнодушнѣе, нежели какъ бывало прежде“. Здѣсь, въ этомъ домѣ, откуда уѣзжалъ Боратынскій, К. Ѳ. Фуксъ впервые увидѣлъ геніальнаго поэта и познакомился съ нимъ. По свидѣтельству г-жи Фуксъ, судившей со словъ своего мужа, К. Ѳ. Фуксъ и А. С. Пушкинъ чрезъ полчаса уже чувствовали себя такъ хорошо знакомыми, какъ бы они уже давно жили вмѣстѣ.

Знакомство съ Фуксомъ было для Пушкина очень важно. Фуксъ, хотя по происхожденію и былъ заграничный нѣмецъ, считался въ то время уже казанскимъ старожиломъ, былъ, при томъ, чуть ли не единственный въ то время знатокъ края, глубоко и всесторонне изучившій его исторію, этнографію и статистику и, въ добавокъ къ тому, какъ медикъ съ огромною практикой, зналъ въ Казани всѣхъ и все, не исключая татаръ и старообрядцевъ. И собственными знаніями, и черезъ своихъ знакомыхъ онъ могъ быть въ высшей степени полезенъ Пуш-

кину въ дѣлѣ собиранія матеріаловъ о Пугачевщинѣ. Къ Фуксу направляли всѣхъ проѣзжихъ путешественниковъ, изучавшихъ край въ томъ или другомъ отношеніи; у Фукса были за свѣдѣніями и справками проѣзжавшіе чрезъ Казань баронъ Александръ фонъ *Гумбольдтъ*[1]), баронъ Августъ *Гакстаузенъ*, французъ-оріенталистъ *Лябатъ*, министръ *И. Д. Киселевъ*, *М. М. Сперанскій*. Послѣдній такъ отозвался о Фуксѣ: „Фуксъ — *чудо!*..... Многообразность его познаній. Страсть и знаніе татарскихъ медалей. Знанія его въ татарскомъ и арабскомъ языкѣ. Благочестивый и нравственный человѣкъ. Большое его вліяніе на татаръ по медицинѣ“ [2]).

Въ Казанскомъ университетѣ К. Ѳ. Фуксъ служилъ съ 1805 г., сначала въ качествѣ профессора естественной исторіи и ботаники, а съ 1818 г.—профессора терапіи, патологіи и клиники. Фуксъ имѣлъ большое вліяніе на студентовъ[3]). И начальство цѣнило Фукса: неоднократно онъ былъ ректоромъ университета. Послѣдніе годы его службы были омрачены различными непріятностями, возникшими вслѣдствіе слабости его характера передъ попечителемъ *М. Л. Магницкимъ*[4]), при которомъ Фуксъ былъ ректоромъ. Паденіе Магницкаго запутало служеб-

---

1) О пребываніи Гумбольдта въ Казани см. мою спеціальную статью въ сборникѣ „Поволжье“, 1903 года.

2) У *Корфа*, Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 190. Сперанскій былъ въ Казани проѣздомъ въ Сибирь, 10 — 13 мая 1819 г. Ранѣе того, 18 сентября 1812 г. его провезли черезъ Казань въ ссылку въ Пермь.

3) См., напр., въ воспоминаніяхъ *С. Т. Аксакова*.

4) Фуксъ сильно запачкалъ себя угодничествомъ Магницкому: для него онъ и сочинялъ „Инструкціи“ преподавателямъ (въ 1822 г.), и предлагалъ Аракчеева въ почетные члены Университета (въ 1824 г.), и предсѣдательствовалъ въ Комитетѣ по скандальному дѣлу объ изгнаніи профессора *Жобара;* при этомъ сбылъ Университету въ 1825 г. за 12 тысячъ рублей свое собраніе восточныхъ монетъ и прикрывалъ казнокрадство Магницкаго. По удаленіи послѣдняго, Фуксу въ присутствіи Совѣта былъ объявленъ (вмѣстѣ съ Правленіемъ) выговоръ министра за самовольныя и въ ущербъ казнѣ дѣйствія по денежнымъ счетамъ съ Магницкимъ.

ныя дѣла Фукса. Незадолго до пріѣзда Пушкина въ Казань, Фуксъ, только-что (6 мая 1833 г.) получившій званіе заслуженнаго ординарнаго профессора, уже 1 іюля того же 1833 года вышелъ въ чистую отставку изъ университетской службы, оскорбленный тѣми условіями, на которыхъ ему предложено было продолжать служить, чего онъ еще хотѣлъ[1]). Не покидая науки и медицинской практики, К. Ѳ. скончался въ Казани 24 апрѣля 1846 г., въ возрастѣ 69 лѣтъ[2]).

Къ пріѣзду Пушкина К. Ѳ. уже два мѣсяца не былъ профессоромъ и не принадлежалъ болѣе университету.

Александра Андреевна Фуксъ сама втайнѣ сознавала, что, вѣроятно, Пушкинъ хотѣлъ собственно познакомиться съ ея мужемъ, а не съ нею[3]). Разумѣется, при состоявшемся знакомствѣ съ мужемъ, Пушкинъ долженъ былъ представиться и его женѣ. Но дѣло обошлось безъ визита: Пушкина прямо пригласили въ тотъ же день къ Фуксамъ на вечеръ, какъ въ свое время (23 и 27 мая 1829 г.) проводилъ у Фуксовъ вечера всемірно-извѣст-

---

1) Такимъ образомъ, совершенно невѣрно утвержденіе А. С. Архангельскаго, будто бы К. Ѳ. Фуксъ (стр. 7) „прожилъ въ Казани съ 1805 г.“ *исключительно на службѣ* въ Казанскомъ университетѣ *всю свою* жизнь († 1846 г.)“ На самомъ дѣлѣ К. Ѳ. Фуксъ послѣ увольненія прожилъ въ Казани 13 лѣтъ и умеръ въ отставкѣ. Невѣрно и то, что онъ пріѣхалъ „въ Россію въ *самой ранней* своей молодости“ — это — 24 лѣтъ! И въ Университетѣ онъ служилъ вовсе не съ самаго его основанія: первый профессоръ, Петръ-Даніель-Фридрихъ *Цеплинъ* былъ назначенъ 21 января 1805 г., а К. Ѳ. Фуксъ былъ назначенъ черезъ $7^1/_2$ мѣсяцевъ — уже седьмымъ по счету — 4 сентября того же года.

2) Память его почтена казанцами устройствомъ особаго „Фуксовскаго садика“ на берегу рѣки Казанки. Рядомъ съ садикомъ—мѣсто для свалки нечистотъ, зимній запасъ которыхъ по веснѣ свергается съ крутого берега въ рѣку, во время ледохода.

3) „Пушкинъ зналъ, что въ Казани мой *мужъ*, какъ старожилъ, постоянно занимавшійся изслѣдованіемъ здѣшняго края, всего болѣе могъ удовлетворить его желанію и потому, можетъ быть, и желалъ *съ нами* (sic) познакомиться“.

ный путешественникъ Гумбольдтъ[1]). Вечеръ у Пушкина былъ вполнѣ свободенъ, потому что его сожителя, Е. А. Боратынскаго, не было въ городѣ. На другое утро, восьмого сентября, рано, еще до свѣту, Пушкинъ собирался уже ѣхать изъ Казани черезъ Симбирскъ на Оренбургъ.

Знакомство съ К. Ѳ. Фуксомъ Пушкинъ цѣнилъ высоко. Въ письмѣ къ женѣ (№ 353, стр. 325) онъ называетъ Фукса „умный и ученый нѣмецъ.... одолжилъ меня *очень*, и я *радъ*, что съ нимъ познакомился". Въ „Исторіи Пугачевскаго бунта", приводя разсказъ о казанскомъ лютеранскомъ пасторѣ, котораго Пугачевъ пожаловалъ въ полковники[2]) и взялъ съ собою (Морозовское изданіе, т. VI, стр. 62), онъ въ „примѣчаніи къ главѣ седьмой", № 112, стр. 109 отмѣчаетъ: „Слышано мною отъ К. Ѳ. Фукса, доктора и профессора медицины при Казанскомъ университетѣ (NB бывшаго!), человѣка столь же *ученаго*, какъ и любезнаго и снисходительнаго. Ему *обязанъ* я *многими* любопытными свѣдѣніями касательно эпохи и *стороны*, здѣсь описанныхъ".

Проводивъ Е. А. Боратынскаго въ его недальній путь, Пушкинъ одинъ, тройкою на дрожкахъ поѣхалъ тоже за городъ, по Сибирскому тракту, за 10 верстъ отъ города къ такъ называемой *Троицкой* мельницѣ, гдѣ, послѣ удачнаго сраженія 10 іюля 1774 г. съ Казанскимъ коннымъ легіономъ подъ командою полковника *Толстого*, Пугачевъ 11 іюля расположился лагеремъ передъ окончательнымъ штурмомъ Казани. Отъ Троицкой мельницы Пушкинъ поѣхалъ назадъ, къ городу и объѣхалъ еще существовавшее тогда *Арское поле*[3]), откуда 12 іюля Пугачевъ штурмовалъ Казань. Оборонительныя дружины

1) См. нашу монографію о Гумбольдтѣ, стр. 11 и 13.

2) За старое добро: когда Пугачевъ былъ еще колодникомъ въ Казани, пасторъ подавалъ ему милостыню.

3) Теперь оно сплошь застроено.

были смяты и остатки ихъ вмѣстѣ съ жителями укрылись въ крѣпости. Здѣсь казанцы и отсидѣлись отъ Пугачева, который обстрѣливалъ стѣны крѣпости и помѣщающійся въ нихъ *Спасскій* монастырь изъ пушекъ, поставленныхъ у трактира на углу Гостиннаго двора и въ Казанскомъ монастырѣ. Съ Арскаго поля Пушкинъ проѣхалъ въ крѣпость и обошелъ ее кругомъ. Затѣмъ онъ возвратился къ себѣ *домой*, т. е. въ тотъ домъ, гдѣ онъ „стоялъ“ вмѣстѣ съ Е. А. Боратынскимъ, уѣхавшимъ теперь въ Каймары, и до двухъ часовъ оставался тамъ, писалъ, очевидно, перенося на бумагу видѣнное и слышанное имъ; писемъ въ этотъ день онъ не писалъ, даже женѣ. Послѣ двухъ часовъ онъ поѣхалъ на обѣдъ къ Эрасту Петровичу Перцову[1]). Обѣдъ былъ званый; по крайней мѣрѣ, тутъ же обѣдалъ съ Пушкинымъ и К. Ѳ. Фуксъ. Боратынскаго, по случаю его отъѣзда, конечно, не было.

VII.

Въ шесть часовъ вечера Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ доложили о Пушкинѣ. Поэтесса встрѣтила его въ залѣ. Пушкинъ подошелъ къ ней и, взявъ ее дружески за руку, ласково промолвилъ ей: „Намъ не нужно съ

1) О Перцовѣ, другѣ Александры Андреевны Фуксъ, см. въ нашей монографіи, стр. 5—8 и статью *Б. Л. Модзалевскаго* въ „Русскомъ Біографич. Словарѣ“, С.-Пб. 1902, стр. 582 — 583. По поводу этого обѣда проф. А. С. Архангельскій вдается въ хитрую аргументацію, не совсѣмъ понятную (стр. 21): „Указаніе, что Пушкинъ былъ знакомъ съ Перцовымъ еще въ Петербургѣ, дѣлается госпожею Фуксъ едва ли не съ задней мыслью объяснить своей подругѣ, къ которой написано письмо,—почему Пушкинъ обѣдалъ именно у Перцова, а не у ней, казанской поэтессы, съ которой такъ тепло и сердечно, судя по ея же письму, *сошелся* Пушкинъ въ мимолетный проѣздъ свой черезъ Казань“. Да въ томъ то и дѣло, что Пушкинъ и „сошелся“, и вообще познакомился съ г-жею Фуксъ именно *послѣ* перцовскаго обѣда, на который онъ, вѣроятно, былъ приглашенъ ранѣе; къ Фуксамъ же его звали *на вечеръ* того же дня.

Вами рекомендоваться: Музы насъ познакомили заочно, а Боратынскій еще болѣе". Съ Карломъ Ѳедоровичемъ Пушкинъ встрѣтился, какъ короткій знакомый.

Хозяева и знаменитый гость сѣли въ гостиной. Завязался разговоръ о Пугачевѣ. Хозяйкѣ дома казалось неловкимъ вмѣшиваться въ эту спеціальную бесѣду; при томъ, очевидно, присутствіе знаменитости ее, какъ провинціалку, стѣсняло, и она робѣла. Какъ водится, подали чай.

Отпивши чай, К. Ѳ. Фуксъ повезъ Пушкина къ казанскому старожилу, купцу первой гильдіи, Леонтію Филипповичу *Крупеникову* (1757 — 1836), который семнадцатилѣтнимъ юношей былъ самъ изъ Казани захваченъ пугачевцами въ плѣнъ и уведенъ изъ города, а поэтому, какъ очевидецъ, могъ сообщить Пушкину немало любопытнаго. Л. Ф. Крупениковъ въ свое время игралъ среди казанскаго купечества видную роль и съ 1809 по 1811 г. былъ казанскимъ городскимъ головою. Сынъ его, Алексѣй Леонтьевичъ, принадлежалъ къ кружку *С. А. Москотильникова*[1]) и *былъ другомъ* казанскаго купца-поэта, Г. П. Каменева.

У Крупеникова Фуксъ и Пушкинъ пробыли часа полтора, а потомъ опять вернулись къ Фуксамъ.

Домъ, гдѣ принимали Фуксы Пушкина, принадлежалъ Карлу Ѳедоровичу, а нынѣ находится во владѣніи купца *Ерлыкина* (на углу Сѣнной площади и Владимирской улицы); внѣшній видъ его передѣланъ — убранъ увѣнчивавшій домъ большой куполъ.

У подъѣзда дома Фуксовъ Пушкинъ сталъ благодарить Карла Ѳедоровича, говоря ему: „Какъ Вы добры, К. Ѳ., какъ дружелюбно и привѣтливо принимаете насъ, путешественниковъ. Для чего Вы это дѣлаете? Вы те-

---

1) О кружкѣ Москотильникова см. въ нашей книгѣ о Каменевѣ.

ряете Вашу привѣтливость *понапрасну:* Вамъ изъ насъ *никто* (sic) этимъ не заплатитъ. Мы такъ не поступаемъ, мы въ Петербургѣ живемъ только для себя" — и, окончивъ говорить, сжалъ руку добраго нѣмца, при чемъ своими щегольскими полувершковыми ногтями оставилъ на ней слѣды, не сходившіе нѣсколько дней[1]).

По возвращеніи домой за Фуксомъ прислалъ одинъ больной. Ради рѣдкаго гостя Фуксъ хотѣлъ-было измѣнить своему всегдашнему обычаю и не ѣхать къ паціенту, но Пушкинъ заставилъ его отправиться. Оставшись съ Пушкинымъ наединѣ, поэтесса, по ея словамъ, не была довольна и чувствовала смущеніе.

Замѣтивъ смущеніе хозяйки, поэтъ удвоилъ свою любезность и перешелъ на тему, болѣе интересную для обоихъ ихъ, чѣмъ Пугачевъ, а именно на литературу. Усѣлись въ кабинетѣ Александры Андреевны. Пушкинъ просилъ хозяйку показать стихи, написанные въ ея честь *Е. А. Боратынскимъ*, *Н. М. Языковымъ* и *Д. П. Озобишинымъ*, прочелъ ихъ самъ всѣ вслухъ и очень хвалилъ стихотвореніе Языкова, дѣйствительно, вдохновенное. Это — пьеса, начинающаяся стихами:

Завиденъ жребій Вашъ. . . .

Отъ чужихъ сочиненій перешли къ собственнымъ стихамъ хозяйки дома. Пушкинъ просилъ ее прочесть стихи своего сочиненія, и та прочла ему юмористическую сказку „Женихъ".

Сюжетъ этой пьесы состоитъ въ томъ, что женихъ, будучи израненъ и обезображенъ на войнѣ, по возвращеніи домой перестаетъ нравиться своей капризной невѣстѣ. Невѣста притворно расхварывается, не хочетъ болѣе выходить за него замужъ — и въ концѣ концовъ

1) По этимъ ногтямъ одна старуха, уральская казачка, которую Пушкинъ разспрашивалъ о Пугачевѣ, приняла поэта за *чорта* съ когтями.

жениху объявляютъ-таки отказъ, который тотъ и выноситъ твердо, „безъ приключеній и романическихъ притворныхъ огорченій“; авторъ совѣтуетъ и всѣмъ брать такой конецъ за образецъ.

Пушкинъ расшалился и, внутренно потѣшаясь надъ хозяйкою (какъ мы увидимъ ниже), нѣсколько разъ останавливалъ ея чтеніе похвалами; иные стихи заставлялъ повторять или перечитывалъ самъ.

Въ теченіе дальнѣйшаго разговора Пушкинъ интересовался семействомъ *Апехтиныхъ*, изъ котораго происходила Александра Андреевна, спрашивалъ ее, гдѣ она училась, кто были ея учителя, потомъ сталъ разсказывать о Петербургѣ, о тамошней разсѣянной жизни и нѣсколько разъ самъ *приглашалъ* поэтессу пріѣхать туда: „Пріѣзжайте, пожалуйста, пріѣзжайте“, упрашивалъ Пушкинъ довѣрчивую провинціалку, распустившую уши отъ похвалъ великаго поэта; „я познакомлю съ Вами жену мою. Повѣрьте, мы будемъ умѣть отвѣчать Вамъ на *казанскую* привѣтливость *не* петербургскою благодарностью“.

Пушкинъ разошелся и началъ откровенно и подробно говорить о духѣ современности, объ его вліяніи на литературу, о русскихъ писателяхъ и поэтахъ, о каждомъ сказалъ свое мнѣніе и заключилъ бесѣду просьбою о молчаніи, называя „сегодняшній вечеръ“ своею „исповѣдью“.

VIII.

Въ такихъ разговорахъ прошло время до 10 часовъ вечера. Тутъ пріѣхалъ Карлъ Ѳедоровичъ, привезшій съ собою всегдашняго друга своего дома и пушкинскаго пріятеля Э. П. Перцова. Они поддержали литературный разговоръ. Пушкинъ, говоря о русскихъ поэтахъ, пере-

шелъ къ мѣстному казанскому поэту Гавріилу Петровичу Каменеву, который приходился г-жѣ Фуксъ по ея матери, Аннѣ Петровнѣ, роднымъ дядею[1]), очень хвалилъ его, нарочно возвращался въ кабинетъ хозяйки полюбоваться его портретомъ и, посмотрѣвъ на него нѣсколько минутъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ достоинъ былъ уваженія: онъ первый въ Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма. Мы, *русскіе романтики*, должны принести должную дань его памяти: этотъ человѣкъ много бы сдѣлалъ, ежели бы не умеръ такъ рано". Пушкинъ просилъ г-жу Фуксъ собрать о Каменевѣ всѣ свѣдѣнія, какія сохранились, и обѣщался самъ написать его біографію. Этого обѣщанія Пушкинъ, впрочемъ, какъ извѣстно, не сдержалъ.

Безъ отговорокъ Пушкинъ остался отужинать у радушныхъ хозяевъ и за столомъ самъ сѣлъ подлѣ Александры Андреевны. Разговоръ пошелъ объ очень модной тогда темѣ — *магнитизмъ*.

Всякому понятно, что, если въ обществѣ дамы заговорили о магнетизмѣ, то дѣло шло не объ инклинаціяхъ магнитной стрѣлки[2]). Однако, А. С. Архангельскій считаетъ нужнымъ (стр. 15) приводить лично ему сообщенное „авторитетное" мнѣніе своего университетскаго коллеги, проф. *Л. О. Даркшевича*, что разговоръ несомнѣнно шелъ о животномъ магнетизмѣ или месмеризмѣ. Впрочемъ, и г. Даркшевичъ сильно ошибается, уподобляя тогдашнихъ магнетизеровъ нынѣшнимъ „профессорамъ" черной магіи и увѣряя, будто бы въ тридцатые года магнетизмъ демонстрировался, главнымъ образомъ, публикѣ со сцены. Проф. медицины Л. О. Даркшевичъ

1) О Г. П. Каменевѣ см. мою юбилейную статью въ „Историческомъ Вѣстникѣ" за 1903 г., августъ: „Первый русскій романтикъ", въ III т. моего труда „Литература и просвѣщеніе", гдѣ сдѣланъ полный сводъ всего извѣстнаго о Г. П. Каменевѣ, и выше названную мою книгу — монографію о Каменевѣ.

2) Которыми такъ интересовался А. Гумбольдтъ

совершенно забываетъ о широкомъ распространеніи магнетизма въ ту эпоху именно въ медицинской области, забываетъ о частомъ въ это время примѣненіи магнетотерапіи со стороны многихъ блестящихъ представителей германской университетской науки, при чемъ и у насъ, въ русской ученой литературѣ явился ревностный защитникъ этого метода лѣченія, профессоръ Медицинской академіи и философъ *Д. М. Велланскій*, сначала выпустившій въ 1818 г., въ переработкѣ, сочиненіе о лѣчебномъ дѣйствіи магнетизма нѣмецкаго профессора-медика *Клуге*[1]), а потомъ и составившій обширный трудъ собственный[2]), къ сожалѣнію, въ 1840 г. не разрѣшенный цензурою къ печати[3]). Послѣ „авторитетнаго“ мнѣнія г. Даркшевича по исторіи медицины, А. С. Архангельскій приводитъ и собственное мнѣніе изъ области физики: „что касается до „магнетизма“ въ *чистомъ* видѣ (?), какъ это (?) понимается въ *настоящее* время въ физикѣ, то

---

1) „Животный магнетизмъ. Представленный въ историческомъ, практическомъ и теоретическомъ содержаніи“, С.-Пб. 1818 (III-я часть — теорія — прибавлена самимъ Велланскимъ).

2) Двухтомная рукопись этого труда, считавшаяся утраченною, разыскана мною. См. мое сочиненіе „Философія въ Россіи“, т. III, стр. 1—54: „Труды Д. М. Велланскаго по животному магнетизму“, гдѣ приведены у меня и отрывки изъ неизданнаго сочиненія Велланскаго, и подробныя свѣдѣнія о жизни и научной дѣятельности, какъ Клуге, такъ и Кизера, главнѣйшихъ представителей этого направленія въ Германіи. И А. С. Архангельскому, и Л. О. Даркшевичу, какъ казанскимъ профессорамъ, означенные факты могли бы быть извѣстны, такъ какъ мое сочиненіе печаталось какъ разъ въ то же время въ Казанскихъ „Ученыхъ Запискахъ“, гдѣ и когда появилась брошюра проф. Архангельскаго о „Пушкинѣ въ Казани“.

3) Полное заглавіе рукописи: „Животный магнетизмъ, или теллюризмъ, какъ общая магнитная сила земли, дѣйствующая въ организмѣ человѣческомъ и во всѣхъ живыхъ существахъ и бездушныхъ веществахъ. Физіологическое и врачебное сочиненіе, воздѣланное по вѣрнѣйшимъ практическимъ наблюденіямъ и основательнѣйшему теоретическому познанію физическаго и психическаго міра“. Въ основу его положено сочиненіе Kieser'a: „System des Tellurismus oder thierischen Magnetismus“, Jena. 1822.

этотъ вопросъ, какъ извѣстно (?), уже тогда, въ половинѣ 30-хъ гг., по существу (?) былъ почти (?) такъ же разработанъ (?), какъ и нынѣ". Это мнѣніе профессора А. С. Архангельскаго о „чистомъ" магнетизмѣ, кажется, и неавторитетно, и невѣрно.

Итакъ, ужинавшіе заговорили о магнетизмѣ, который былъ въ Петербургѣ тогда модною темой: удачныя излѣченія съ помощью магнетизма дѣлали много шума. Неизвѣстно, что полагалъ о „нечистомъ" магнетизмѣ Э. П. Перцовъ. Но Фуксы оба не вѣрили въ магнетизмъ, мужъ — „потому, что былъ очень ученъ", а жена — потому, что „ничего тутъ не понимала". За то Пушкинъ всевозможными, отчасти и шутливыми, доказательствами старался увѣрить собесѣдниковъ въ истинѣ магнетизма. Поэтъ указывалъ на то, что мы напряженіемъ своей воли можемъ заставить человѣка оглянуться и смотрѣть на насъ; особенно волшебную силу, по мнѣнію Пушкина, магнетизмъ имѣетъ надъ женщинами; онъ приводилъ примѣры, что женщина при самой страстной и раздѣленной, взаимной любви можетъ остаться добродѣтельною, а иногда подъ вліяніемъ магнетизма отдаётся невольно и безъ любви. Хозяйка не вѣрила его указаніямъ и увѣреніямъ.

Кончили разговоръ о магнетизмѣ, чему г-жа Фуксъ была очень рада, но зашелъ другой разговоръ, еще менѣе для нея интересный, а именно — о посѣщеніи насъ духами, о предсказаніяхъ и тому подобныхъ вещахъ изъ области оккультизма, при чемъ Пушкинъ поразилъ хозяйку своимъ суевѣріемъ. Къ этому привелъ его, по его собственному признанію, одинъ случай, когда въ 1818 г. онъ съ Никитою Всеволодовичемъ *Всеволожскимъ* зашелъ однажды изъ проказы къ кофейной гадальщицѣ, старой нѣмкѣ *Кирхгофъ*, и та сдѣлала ему три предсказанія: Пушкинъ на дняхъ долженъ былъ встрѣтиться со знакомымъ

и получить предложеніе хорошаго мѣста, во-вторыхъ, получить черезъ письмо неожиданныя деньги и, въ третьихъ, окончить жизнь неестественною смертью. Такъ какъ первыя два предсказанія въ скорости сбылись, то Пушкинъ съ увѣренностію ожидалъ исполненія и третьяго.

Послѣ ужина Пушкинъ опять пошелъ въ кабинетъ А. А. Фуксъ и, перебирая у нея книги, натолкнулся на сочиненія бывшаго казанскаго профессора *Г. Н. Городчанинова*[1]), гдѣ были и стихи, и проза. Онъ закрылъ книгу и какъ бы съ досадою сказалъ: „О! эта проза и стихи! Какъ жалки тѣ поэты, которые начинаютъ писать *прозой;* признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернилы".

Пушкинъ засидѣлся у Фуксовъ до часу. Наконецъ, онъ простился съ четою, какъ со старыми знакомыми. Онъ нѣсколько разъ обнималъ Карла Ѳедоровича, и „кажется", говоритъ Александра Андреевна, „оставилъ насъ не съ притворнымъ сожалѣніемъ, сказавши при прощаніи: „Я никакъ не думалъ, чтобы минутное знакомство было причиною такого грустнаго прощанья; но мы въ Петербургѣ увидимся".

---

1) Городчанинovъ до 1829 г. состоялъ при Казанскомъ Университетѣ профессоромъ краснорѣчія, стихотворства и языка россійскаго. *И. И. Лажечниковъ*, знавшій Городчанинова лично, говоритъ про него, что въ его изсохшей головѣ и сердцѣ не было и чутья поэзіи. Пушкинъ состоялъ членомъ Казанскаго Общества любителей словесности, предсѣдателемъ котораго былъ Городчанинovъ. Онъ очень обидѣлся на Пушкина за то, что тотъ не сдѣлалъ ему, какъ предсѣдателю, визита. О невозможныхъ лекціяхъ Городчанинова, объ его литературномъ старовѣрствѣ и изувѣрствѣ сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій его слушатель, *С. Т. Аксаковъ.*

IX.

Просидѣвши наканунѣ у Фуксовъ до часу ночи, Пушкинъ 8 сентября, въ праздникъ Рождества Пресвятыя Богородицы, утромъ выѣхалъ изъ Казани. Александра Андреевна послѣ недолгаго отдыха тоже встала очень рано, — въ пять часовъ утра, почти въ одно время съ Пушкинымъ, и принялась за поэзію. Она написала на проѣздъ знаменитаго гостя стихи. Эти стихи А. А. напечатала въ мѣстномъ журналѣ „Заволжскій Муравей“, а потомъ они вошли и въ собраніе ея стихотвореній (стр. 175 — 179). Содержаніе ихъ такое. На разсвѣтѣ этого дня къ г-жѣ Фуксъ явился и пробудилъ ее отъ сна какой-то чудный геній, который отъ имени боговъ поздравилъ ее съ посѣщеніемъ поэта, приводящаго въ ликованіе самый Парнассъ. Онъ передалъ еще г-жѣ Фуксъ подарокъ,—лиру, но запретилъ ей воспѣвать похвалы поэту, потому что это для нея не по силамъ. Въ честь Пушкина, оказывается, вчера Аполлонъ давалъ пиръ на Геликонѣ и особенно отличалъ русскихъ, а въ частности казанскихъ „геніевъ“. Марсъ позавидовалъ славѣ Пушкина, гремѣвшей въ небесныхъ голосахъ, и выразился, что такъ не пировали и его герои по сожженіи Трои.

Черезъ три часа стихи были готовы и переписаны; въ восемь часовъ они были уже отосланы къ поэту. Но поэтесса опоздала; оказалось, что Пушкинъ еще на *разсвѣтѣ* этого дня, т. е. около 5 часовъ покинулъ Казань, оставивъ письмо для г-жи Фуксъ и отправивъ письмо къ женѣ (№ 351, стр. 323 — 324). Женѣ онъ сообщалъ, что въ Казани „возился со стариками, современниками моего героя[1]), объѣзжалъ окрестности города, осматри-

1) Л. Ф. Крупениковымъ.

валъ мѣста сраженій[1]), разспрашивалъ, записывалъ и *очень доволенъ*, что не напрасно посѣтилъ эту сторону". Погода стояла прекрасная, „чтобъ не сглазить только". Въ Симбирскѣ онъ ожидалъ найти отъ жены письмо. Изъ Симбирска же онъ обѣщалъ женѣ писать о Казани подробно, „а теперь некогда!" — „Здѣсь Боратынскій: вотъ онъ ко мнѣ входитъ", прибавляетъ нашъ поэтъ. Очевидно, Боратынскій только что пріѣхалъ, прямо къ *проводамъ* своего друга. Письмо было писано передъ самымъ отъѣздомъ, наскоро: „*сейчасъ* ѣду въ Симбирскъ".

Александрѣ Андреевнѣ Фуксъ Пушкинъ писалъ (№ 352, стр. 324), изъявляя свою „глубокую признательность за ласковый пріемъ путешественнику, которому долго памятно будетъ минутное пребываніе его въ Казани". Вмѣстѣ съ этимъ онъ посылалъ ей свой петербургскій адресъ и выражалъ надежду, что обѣщаніе ея „пріѣхать въ Петербургъ *не есть* одно любезное привѣтствіе". Такая ласковость Пушкина, конечно, тронула бѣдную провинціалку до глубины души.

X.

Свое обѣщаніе написать женѣ о Казани поэтъ исполнилъ не въ Симбирскѣ, какъ первоначально предполагалъ, а въ селѣ Языковѣ, Карсунскаго уѣзда, въ 65 верстахъ отъ Симбирска. 10 сентября[2]) онъ прибылъ въ Симбирскъ и черезъ *Загряжскаго* получилъ письмо отъ жены. Изъ Симбирска Пушкинъ заѣхалъ въ Языково провѣдать своего стараго пріятеля, поэта Николая Михайловича Языкова, но не нашелъ его дома и познакомился съ его старшимъ братомъ, который ему очень по-

1) См. выше, стр. 43 — 44.
2) № 353, стр. 324.

нравился. Отсюда 12 сентября онъ написалъ женѣ и коснулся Казани, или почти исключительно Фуксовъ (стр. 325).

Пушкинъ сообщаетъ, что онъ въ Казани таскался по окрестностямъ, по полямъ, по *кабакамъ* и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings[1]), *сорокалѣтней, несносной бабѣ* съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи". Домъ Фуксовъ, гдѣ такъ обласкали Пушкина, гдѣ такъ за нимъ ухаживали, помѣщается имъ въ письмѣ непосредственно рядомъ съ кабаками. Насчетъ ногтей поэтъ былъ весьма чувствителенъ, самъ себѣ отращивалъ ногти полувершковые и утверждалъ, что „быть можно умнымъ человѣкомъ и думать о красѣ ногтей". Ногти въ грязи и заполненные воскомъ промежутки недостающихъ зубовъ, очевидно, сразу погубили Александру Андреевну во мнѣніи Пушкина, и она показалась ему несносною. „Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало". Мы знаемъ, что она сдѣлала это по просьбѣ самого Пушкина. „Боратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ *безстыдствомъ* расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ — но Богъ помиловалъ". Мы видѣли выше, что Пушкинъ звалъ г-жу Фуксъ къ себѣ въ Петербургъ въ гости отвѣдать его гостепріимства и самъ послалъ ей адресъ съ повторнымъ напоминаніемъ объ обѣщаніи навѣстить его. Въ письмѣ къ женѣ Пушкинъ изображаетъ дѣло такъ: „однако, она *взяла* мой адресъ и *стращаетъ* меня перепискою и пріѣздомъ въ Петербургъ, съ чѣмъ тебя и *поздравляю*". О Карлѣ Ѳедоровичѣ онъ выразился благосклоннѣе; этотъ отзывъ приведенъ у насъ выше[2]). Но

1) Синіе чулки.
2) Стр. 43.

и надъ нимъ остритъ Пушкинъ за то, что тотъ „въ жену влюбленъ и въ *изумленіи* отъ ея *генія*“.

Наивные Фуксы и не подозрѣвали, что столичный гость все время отводилъ себѣ душу и сердечно надъ ними потѣшался.... И какъ далека была отъ истины Александра Андреевна, заключившая свое воспоминаніе о Пушкинѣ такими словами: „Я думала, что его обязательная привѣтливость была обыкновенною свѣтскою любезностью, но ошиблась (sic). До самаго конца жизни, гдѣ только было возможно, онъ оказывалъ мнѣ особенное расположеніе: не писавъ почти ни къ кому (?), онъ писалъ мнѣ нѣсколько разъ въ годъ и всегда собственною своею рукою; познакомилъ меня заочно со всѣми замѣчательнѣйшими русскими литераторами и наговорилъ имъ обо мнѣ столько для меня *лестнаго*, что я по пріѣздѣ моемъ въ Москву и Петербургъ была удостоена ихъ посѣщеніемъ“.

Любопытно было бы знать, что̀ именно сообщалъ Пушкинъ заочно русскимъ литераторамъ о своей казанской знакомкѣ, и что̀ такое онъ наговорилъ о ней. Вѣроятно, не поздоровилось бы г-жѣ Фуксъ, если бы она услыхала....

„Тебя уже нѣтъ съ нами, пѣвецъ любимый и неподражаемый! Зачѣмъ такъ рано ты оставилъ насъ? неужели земной міръ не былъ тебя достоинъ?“ — со слезами причитала Александра Андреевна, глядя на портретъ Пушкина, послѣ извѣстія о гибели его....

А. А. Фуксъ представила документальныя данныя въ доказательство своихъ словъ, что она остановила на себѣ вниманіе поэта. При своей статьѣ она напечатала подлинныя письма къ ней Пушкина, гдѣ мы съ удивленіемъ читаемъ различные комплименты. Объ этихъ письмахъ мы скажемъ еще ниже, а пока отмѣтимъ, что Пушкинъ въ нихъ доводитъ свою свѣтскую учтивость до очевидной

насмѣшки въ глаза. Онъ-де „съ жадностію прочелъ *прелестныя* стихотворенія“ г-жи Фуксъ и между ними ея посланіе къ нему самому, „недостойному поклоннику ея музы“, проситъ не бранить его за Пугачева, потому что поэзія, кажется, для него изсякла, и онъ весь въ прозѣ; ему совѣстно, особенно, передъ г-жею Фуксъ (№ 414, стр. 372). Въ дальнѣйшихъ письмахъ онъ разсыпается въ такихъ же любезностяхъ, даже проситъ г-жу Фуксъ, несмотря на невысокое мнѣніе объ ея стихахъ, „украсить“ его журналъ „Современникъ“ произведеніями своего пера (№ 446, стр. 394).

XI.

Доскажемъ вкратцѣ о ходѣ путешествія Пушкина послѣ Казани. 8 сентября Пушкинъ, какъ мы видѣли выше, выѣхалъ изъ Казани на Симбирскъ. Въ тотъ же день онъ былъ въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи, *Лаишевѣ*, находящемся отъ Казани въ 59 верстахъ. Здѣсь у Пушкина произошелъ инцидентъ со станціоннымъ смотрителемъ, котораго онъ страшно напугалъ своею подорожною, а именно словами, что онъ ѣдетъ „по особому Высочайшему повелѣнію“. Смотритель сбилъ весь городъ на станцію и оповѣстилъ власти[1])....

10 сентября Пушкинъ былъ уже въ Симбирскѣ; отсюда онъ еще 12 сентября выѣхалъ было въ Оренбургъ, но заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и она оказалась неудачною: не было хорошихъ ямщиковъ; съ третьей станціи поэтъ возвратился въ Симбирскъ, тоже не безъ приключеній. Другой разъ онъ выѣхалъ иною дорогой и 18 сентября (№ 335, стр. 326) былъ уже въ Оренбургѣ.

---

1) Инцидентъ описанъ въ статьѣ *П. П. Суворова:* „Пушкинъ въ Лаишевѣ“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1901 г., № 323.

Подобно Фуксу въ Казани, здѣсь занялся Пушкинымъ *В. И. Даль*, который возилъ его по Оренбургу и окрестностямъ; былъ Пушкинъ и въ Пугачевской столицѣ, станицѣ *Берды*. Изъ Оренбурга Пушкинъ поѣхалъ въ Уральскъ. И здѣсь ему наперерывъ давали „всѣ извѣстія, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду“ (№ 356, стр. 327), а 23 сентября Пушкинъ уже выѣхалъ въ обратный путь.

При выѣздѣ изъ Уральска вечеромъ пошелъ дождь, первый по его выѣздѣ въ путешествіе, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимою. Потомъ выпалъ снѣгъ, и Пушкину пришлось обновить зимній путь на саняхъ. Ѣхалъ онъ черезъ Саратовъ и Пензу. 29 сентября Пушкинъ снова проѣзжалъ мимо села Языкова, опять заѣхалъ, засталъ тамъ всѣхъ трехъ братьевъ, очень весело провелъ съ ними время, ночевалъ и на слѣдующій день, 30 сентября отправился дальше. 1 октября Пушкинъ закончилъ путешествіе, прибывши въ свое имѣніе *Болдино*, Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Пребываніе въ Болдинѣ ознаменовалось созданіемъ такихъ шедёвровъ, какъ „Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ“, „Сказка о мертвой царевнѣ“, „Мѣдный Всадникъ“. Здѣсь Пушкинъ привелъ въ порядокъ свои записки о Пугачевѣ, окончательно обработалъ „Исторію“ и написалъ къ ней предисловіе (2 ноября). „Коли Царь позволитъ мнѣ „Записки“ (о Пугачевѣ; такъ онъ называетъ пока „Исторію“), то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи“, мечтаетъ поэтъ въ письмѣ къ женѣ изъ Болдина, отъ 8 октября (№ 357, стр. 328), какъ бы объясняя свою работу надъ Пугачевымъ исключительно матеріальными разсчетами. Около половины ноября Пушкинъ, наконецъ, возвратился въ Петербургъ. 28 ноября 1833 г. Е. А. Боратынскій просплъ И. В. Кирѣевскаго („Татевскій Сборникъ“, № 42, стр. 52): „Узнай деревенскій и город-

ской адресъ Пушкина; мнѣ нужно къ нему написать. Нарочно для этого распечатываю письмо".

По пріѣздѣ въ Петербургъ Пушкинъ принялся за хлопоты. 6 декабря 1833 г. онъ уже просилъ чрезъ графа А. Х. Бенкендорфа разрѣшенія представить рукопись, при чемъ сообщалъ ему: „Я думалъ нѣкогда написать историческій *романъ*, относящійся ко времени Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины" (№ 366, стр. 335).

Императоръ Николай Павловичъ лично прочелъ рукопись и при томъ весьма внимательно, дѣлая собственноручныя отмѣтки. Онъ даже измѣнилъ заглавіе, предложенное Пушкинымъ, „Исторія Пугачева" на „Исторія Пугачевскаго бунта", разсуждая, что „преступникъ, какъ Пугачевъ, не имѣетъ исторіи"[1]). Печатаніе было дозволено съ Высочайшаго одобренія, и на печатаніе разрѣшено выдать 20 тысячъ рублей изъ Государственнаго казначейства. 4 іюля 1834 года началось печатаніе „Исторіи" въ типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, а въ декабрѣ того же года печатаніе закончилось, и „Исторія Пугачевскаго бунта" вышла въ свѣтъ въ двухъ томахъ. Историческій же романъ изъ эпохи Пугачевщины „Капитанская дочка" появилась значительно позднѣе: она была напечатана въ 1836 г. въ четвертомъ томѣ пушкинскаго журнала „Современникъ".

XII.

Пребываніе Пушкина въ Казани вызвало въ оффиціальныхъ сферахъ переписку, носящую довольно

1) См. у Брюсова, стр. 77—79, №№ 36 и 37, письма Бенкендорфа отъ 8 и 24 марта 1834 г.

курьезный характеръ: это — требованіе учредить за Пушкинымъ полицейскій надзоръ.

19 августа 1828 г., Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Государственнаго Совѣта, былъ учрежденъ въ столицѣ секретный полицейскій надзоръ „за образомъ жизни и поведеніемъ извѣстнаго поэта Пушкина“.

Секретный надзоръ слѣдовалъ за Пушкинымъ, когда онъ въ маѣ 1829 г. поѣхалъ въ Грузію. Отъ 22 августа 1829 г. („Русскій Архивъ“ 1876 г., II: „Черта изъ жизни Пушкина“, стр. 236—237) Тифлисскій генералъ-губернаторъ С. С. Стрекаловъ, который по случайности былъ именно потомъ и Казанскимъ губернаторомъ во время проѣзда Пушкина черезъ Казань, сообщилъ Московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владимировичу *Голицыну*, что извѣстный поэтъ, отставной чиновникъ X класса А. С. Пушкинъ отправился изъ Тифлиса въ Москву по дѣламъ, и что на основаніи Высочайшаго повелѣнія онъ подлежитъ секретному надзору. Князь Д. В. Голицынъ немедленно предписалъ московскому оберъ-полицеймейстеру, генералъ-маіору *А. С. Шульгину* имѣть означеннаго „отставного чиновника“ „подъ секретнымъ надзоромъ полиціи“. Шульгинъ донесъ потомъ Голицыну, когда 12 октября 1829 г. Пушкинъ выѣхалъ изъ Москвы, что по надзору полиціи въ поведеніи Пушкина ничего предосудительнаго не замѣчено, а объ учрежденіи надзора за нимъ и въ Петербургѣ (полиція полагала, что Пушкинъ уѣхалъ туда) онъ сообщилъ и. д. Петербургскаго оберъ-полицеймейстера полковнику *Дершау*. Послѣ этого Пушкинъ неоднократно ѣздилъ изъ Петербурга въ Москву и обратно, но ничего предосудительнаго за нимъ не оказывалось. Когда онъ въ 1833 г. задумалъ свое путешествіе на Востокъ Россіи по Пугачевскому дѣлу, то у полиціи, видимо, возникло насчетъ надзора сомнѣніе. Отъ 19 апрѣля 1833 г. Петербургскій военный генералъ-

губернаторъ просилъ Московскаго генералъ-губернатора увѣдомить его, *по какому случаю* признано нужнымъ имѣть г. Пушкина подъ надзоромъ полиціи. Очевидно, происхожденіе этой мѣры было уже забыто, а raison d'être для ея дальнѣйшаго сохраненія не имѣлось. На это Московскій губернаторъ отвѣчалъ, что свѣдѣній о томъ, по какому случаю признано нужнымъ имѣть Пушкина подъ надзоромъ, у него не имѣется. Начало исторіи оказалось уже позабытымъ. Но отъ надзора Пушкинъ и тутъ не избавился. Поѣхалъ онъ въ свое путешествіе съ Высочайшаго соизволенія, и за нимъ, правда, съ громаднымъ опозданіемъ, послѣдовалъ и надзоръ.

Наконецъ допытались до источника происхожденія надзора за Пушкинымъ. 20 сентября (когда Пушкинъ былъ уже въ Уральскѣ) Петербургскій оберъ-полицеймейстеръ написалъ Нижегородскому военному губернатору объ установленіи надзора, указывая его начало съ 1828 г., и сообщая, что Пушкинъ выбылъ изъ Петербурга якобы 14 сентября (тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ уѣхалъ оттуда около 20 августа), и при томъ будто бы въ свое имѣніе, состоящее въ Нижегородской губерніи. Свѣдѣнія петербургской полиціи не отличались точностью, и если бы опасность отъ Пушкина соотвѣтствовала многочисленнымъ хлопотамъ о надзорѣ за нимъ, то онъ, разумѣется, успѣлъ бы натворить за это время горькихъ бѣдъ.

Управленіе Нижегородскаго военнаго губернатора хватилось Пушкина и, несмотря на то, что съ 1 октября онъ уже точно былъ въ своемъ нижегородскомъ имѣніи Болдинѣ, не нашло его, а обратилось къ Казанскому военному губернатору отъ 9 октября 1833 г. за № 4344: „извѣстясь, что Пушкинъ намѣренъ былъ отправиться въ Казанскую и Оренбургскую губерніи“, оно просило учредить за нимъ надзоръ въ *Казани*. Замѣтимъ, что Пуш-

кинъ ѣхалъ, не скрываясь, и въ самомъ Нижнемъ, какъ и въ другихъ городахъ, представлялся губернаторамъ, даже обѣдывалъ у нихъ.

Нижегородскую „секретную“ бумагу отъ 9 октября получили въ Казани лишь 17 октября, т. е. черезъ недѣлю! Такъ быстро производилась погоня за исчезнувшимъ поэтомъ.

Въ Казани пребываніе Пушкина въ свое время не пробудило въ административномъ мірѣ никакой сенсаціи. Какъ мы упоминали, ни его пріѣздъ, ни выѣздъ не отмѣчены даже въ оффиціальномъ органѣ. Теперь, по полученіи о немъ секретной бумаги, его разыскивали въ Казани довольно долго. А именно, только еще черезъ двѣ недѣли, уже 30 октября 1833 г., за № 8237, Казанскій губернаторъ по этому секретному и спѣшному дѣлу собрался отвѣтить своему Нижегородскому коллегѣ, что Пушкинъ прибылъ въ Казань 6 сентября и выѣхалъ въ Оренбургъ 8 минувшаго сентября мѣсяца. Правящему же должность Казанскаго полицеймейстера было рекомендовано, въ случаѣ прибытія въ Казань Пушкина (который, сидя у себя въ Болдинѣ, и не думалъ вторично ѣхать въ Казань), „имѣть за его поведеніемъ *строгое наблюденіе*“. Приказъ этотъ остался втунѣ: Пушкинъ изъ Болдина проѣхалъ въ Петербургъ. Въ Казани же только оставалось бумаги о Пушкинѣ подшить въ одно „дѣло“, которое получило № 142 и хранилось въ архивѣ канцеляріи Казанскаго губернатора. Здѣсь оно было найдено Н. Я. Агафоновымъ, и копія съ него передана сенатору *М. Е. Ковалевскому*, который тогда производилъ въ Казани ревизію. Ковалевскій же черезъ *Г. Рѣпинскаго* напечаталъ „дѣло“ въ „Русской Старинѣ“ за 1882 г., январь, т. 33, стр. 223 — 226, при чемъ объ Агафоновѣ, сдѣлавшемъ эту находку, не упомянуто ни словомъ....

XIII.

Сношенія Пушкина съ Казанью послѣ его проѣзда черезъ нее не прерывались почти до самой его смерти и поддерживались черезъ Фуксовъ. Гдѣ напечатаны письма А. С. Пушкина къ А. А. Фуксъ и ея отвѣты къ нему, было уже упомянуто выше.

20 января 1834 г. г-жа Фуксъ писала Пушкину, собираясь послать — ему первому — экземпляръ отдѣльнаго изданія своихъ стихотвореній, куда вошли и стихи на его проѣздъ; изданіе должно было выйти въ свѣтъ черезъ двѣ недѣли. Поэтесса вызывала Пушкина на дальнѣйшую переписку, выражая надежду читать его отвѣтъ.

Кромѣ этого письма, г-жа Фуксъ посылала Пушкину еще два письма съ оказіями: одно черезъ барона *Люцероде* еще въ 1833 г., а другое черезъ Эраста Петровича Перцова, но ни тотъ, ни другой писемъ Александры Андреевны Пушкину не передали.

19 октября 1834 г. Пушкинъ собрался отвѣтить г-жѣ Фуксъ, благодаря ее за стихотворенія, извѣщая о неполученіи имъ вышеупомянутыхъ двухъ писемъ и прося кланяться Карлу Ѳедоровичу, „коего любезность и благосклонность будутъ мнѣ вѣчно памятны“. На дняхъ онъ собирался отправить г-жѣ Фуксъ въ обмѣнъ на ея стихотворенія „отвратительно-ужасную исторію Пугачева“ (№ 414, стр. 372 — 373).

Но отсылка „Исторіи“ задержалась: не приходилъ изъ Парижа заказанный тамъ портретъ Пугачева. Только 15 августа 1835 г. книга была отправлена Пушкинымъ при письмѣ (№ 426, стр. 380 — 381). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ посылалъ Фуксамъ еще одинъ экземпляръ „Исторіи“ для передачи Михаилу Сампсоновичу *Рыбуш-*

кину, бывшему адъюнкту Казанскаго Университета, переведенному какъ разъ тогда въ директоры училищъ Астраханской губерніи. М. С. Рыбушкинъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Фуксами, которые принимали живое участіе въ редактируемомъ имъ (вмѣстѣ съ адъюнктомъ Михаиломъ Васильевичемъ *Полиновскимъ*) оффиціальномъ университетскомъ органѣ „Заволжскій Муравей". Рыбушкинъ написалъ „Краткую Исторію города Казани", имѣвшую большой успѣхъ. Экземпляръ книги Рыбушкинъ послалъ Пушкину, и теперь въ обмѣнъ тотъ посылалъ Рыбушкину своего Пугачева. Познакомился ли Пушкинъ ранѣе, будучи въ Казани, съ Рыбушкинымъ лично, какъ произвольно предполагаетъ А. С. Архангельскій (стр. 10), мы не знаемъ, и нигдѣ объ этомъ не говорится.

Посылка съ книгами не достигла своего назначенія: Фуксы не получили Пушкинскаго подарка, о чемъ г-жа Фуксъ писала Пушкину. Это письмо ея не сохранилось. Отъ 20 февраля 1836 г. изъ Петербурга (№ 446, стр. 394) Пушкинъ писалъ ей, что, возвратясь изъ деревни, нашелъ ея письмо и удивлялся, какимъ образомъ „бродяга Емельянъ Пугачевъ не дошелъ до Казани, мѣсто для него *памятное*". Пушкинъ теперь вторично посылалъ ей книгу чрезъ графа *Апраксина*. При этомъ Пушкинъ пересылалъ г-жѣ Фуксъ и билетъ на полученіе его журнала „Современникъ"[1]) и приглашалъ ее въ сотрудницы, прося ее „украсить" журналъ произведеніями своего пера.

Въ отвѣтномъ письмѣ отъ 24 мая 1836 г., весьма восторженномъ, Александра Андреевна сообщала, что его драгоцѣнный подарокъ она получила въ деревнѣ въ день своихъ именинъ (значитъ, 21-го апрѣля). По ея

1) I томъ „Современника" имѣлъ цензурное разрѣшеніе 31 марта.

выраженію, радость ея раздѣлялъ, безъ сомнѣнія, и самъ ея ангелъ! „При восклицаніяхъ кипѣлъ кубокъ“ за здоровье Пушкина, чему свидѣтелемъ былъ петербургскій житель *Приклонскій*, чиновникъ Департамента государственныхъ имуществъ. Исполняя „приказаніе“ Пушкина, А. А. Фуксъ отправила ему для помѣщенія въ „Современникъ“ цѣлую серію своихъ произведеній. Всѣ эти сочиненія А. А. предполагала печатать отдѣльными изданіями не раньше зимы того года; но она желала бы, чтобы сначала они появились въ журналѣ Пушкина: „тогда бы злая критика не смѣла очень грозно на меня вооружиться“.

Сочиненія г-жи Фуксъ, посланныя въ „Современникъ“, были слѣдующія: одна элегія, которую взялъ у нея *М. Д. Деларю*, чтобы передать ее Пушкину или Сенковскому въ „Библіотеку для Чтенія“ (гдѣ въ 1838 г., т. 28, стр. 209 — 257, появилась ея повѣсть „Черная коса“); два дѣйствія водевиля „Она похудѣла“, посвященнаго Э. П. Перцову и напечатаннаго отдѣльно въ 1837 г.; I главу повѣсти „Основаніе Казани“, вышедшей отдѣльною книгой въ 1836 г., и отрывки изъ писемъ „о скитахъ въ Нижегородской губерніи“; эти письма вообще не были напечатаны; кажется, они были запрещены цензурою за благопріятные отзывы о раскольникахъ.

По смерти Пушкина Александра Андреевна описала свое знакомство съ нимъ по просьбѣ своей пріятельницы, Е. Н. Мандрыкиной; этимъ воспоминаніемъ мы выше пользовались неоднократно. 1 декабря 1843 года письмо г-жи Фуксъ о пребываніи Пушкина въ Казани было прочтено самимъ авторомъ, Александрою Андреевною, на одной изъ бесѣдъ въ ея домѣ. На томъ же вечерѣ читали и письма Пушкина къ г-жѣ Фуксъ, а князь *А. А. Долоруковой* въ числѣ другихъ своихъ стихотвореній прочелъ и стихотвореніе на смерть Пушкина,

такъ что значительная часть этого вечера была посвящена Пушкину[1]).

XIV.

Теперь надобно сообщить о тѣхъ литературныхъ работахъ супруговъ Фуксовъ, какія были вызваны пребываніемъ Пушкина въ Казани. Какъ мы видѣли выше (стр. 48), Пушкинъ просилъ собирать свѣдѣнія о Г. П. Каменевѣ и хотѣлъ было писать его біографію. Мы не знаемъ, были ли г-жею Фуксъ собираемы эти свѣдѣнія, и если были, то пересылались ли они Пушкину, и какое тотъ изъ нихъ сдѣлалъ употребленіе.

За то Карлъ Ѳедоровичъ Фуксъ по просьбѣ Пушкина горячо принялся за собираніе фактовъ о пребываніи Пугачева въ Казани. Четыре года онъ, по его собственнымъ словамъ, съ неусыпнымъ стараніемъ собиралъ „всѣ свѣдѣнія, всѣ историческія истины, рукописныя и изустныя сказанія казанскихъ старожиловъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями тогдашнихъ происшествій“. Однако, Фуксу не удалось при жизни Пушкина передать ему все собранное. Матеріалы, собранные Карломъ Ѳедоровичемъ, были использованы его супругою для написанія романа: „Зюлима, или *Пугачевъ въ Казани*“. Къ роману Александры Андреевны были прибавлены примѣчанія и приложенія, составленныя ея мужемъ, какъ это было сдѣлано и при стихотворной повѣсти г-жи Фуксъ: „Основаніе Казани“. Романъ хотѣли печатать отдѣльнымъ изданіемъ, о чемъ было уже сообщено въ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“. Отрывки изъ своего романа г-жа Фуксъ уже читала на литературныхъ собраніяхъ въ ея домѣ, въ концѣ 1844 г. и въ началѣ 1845 г. Тогдашній редакторъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, Нико-

1) См. нашу монографію о Фуксѣ, стр. 505.

лай Ивановичъ Второвъ обѣщался печатать отрывки изъ романа въ своей газетѣ, въ распоряженіе которой авторъ предоставилъ свою рукопись. Но были помѣщены всего лишь два приложенія, а именно — разсказъ очевидцевъ, купцовъ *И. А. Сухорукова* и *Л. Ф. Крупеникова* (№ 44 за 1847 г., стр. 261 — 265 и № 51, стр. 330 — 331). Изъ самого романа въ „Вѣдомостяхъ“ не появилось ничего. Не вышелъ онъ и отдѣльнымъ изданіемъ, а рукопись его, повидимому, утрачена безвозвратно.

XV.

Преданіе о проѣздѣ Пушкина чрезъ Казань сохранялось у мѣстныхъ жителей, но связывалось съ невѣрными представленіями вродѣ легенды о Перцовскомъ домѣ[1]). По поводу юбилеевъ Пушкина были предположенія, о которыхъ сказано выше, а именно: прикрѣпить доску на Перцовскомъ домѣ и переименовать пролегающую мимо дома улицу. Ни то, ни другое не осуществилось. Послѣднимъ Пушкинскимъ отголоскомъ въ Казани надо считать основаніе Общества любителей русской словесности въ память А. С. Пушкина. § 1 „Устава“ его (стр. 3) гласитъ: „Общество посвящается памяти А. С. Пушкина и носитъ названіе его имени въ память столѣтія дня рожденія великаго поэта (26 мая 1799 г. — 26 мая 1899 г.)“. Въ разсужденіи о „задачахъ“ этого Общества (стр. 10) сказано: „одной изъ *главныхъ* сторонъ будущей научной дѣятельности нашего Общества должно быть изученіе всего того, что̀ относится *къ жизни и поэтической дѣятельности* А. С. Пушкина“. Къ сожалѣнію, юное казанское общество, повидимому, оказалось не очень

1) См. выше.

жизнеспособнымъ. О какихъ-либо научныхъ предпріятіяхъ этого Общества (кромѣ нѣсколькихъ популярныхъ тетрадокъ „Чтеній“) и тѣмъ болѣе о какихъ-нибудь спеціальныхъ работахъ его въ области Puschkiniana что-то пока еще не слышно...

Проф. *Евгеній Бобровъ.*

Пушкинъ и Рылѣевъ.

Современникъ великаго поэта, почти его ровесникъ, К. Ѳ. Рылѣевъ въ теченіе всей своей литературной дѣятельности пользовался его постояннымъ вниманіемъ; безъ преувеличенія можно сказать, что онъ состоялъ подъ его „особымъ надзоромъ“. По крайней мѣрѣ, онъ, одинъ изъ немногихъ, вызвалъ у Пушкина столько отзывовъ. Впервые въ письмахъ поэта о Рылѣевѣ упоминается въ 1823 г. (Л. С. Пушкину, Кишиневъ, 30 января). Здѣсь дважды, съ замѣтной ироніей, Рылѣевъ названъ „знаменитымъ“, при чемъ высмѣяно слово „дума“, которымъ Рылѣевъ назвалъ цѣлый рядъ своихъ лироэпическихъ произведеній: по словамъ поэта, „тревожныхъ *думъ*, слово, употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, *по-русски* ничего не значитъ“ (намекъ на нѣмецкое — dumm). Но уже въ слѣдующемъ 1824 году (Л. С. Пушкину, Одесса, 6-го января) онъ пишетъ: „Съ Рылѣевымъ мирюсь: „Войнаровскій“ полонъ жизни“. Въ томъ же году (А. А. Бестужеву, Одесса, 12 января) онъ пишетъ: „Рылѣева *Войнаровскій* несравненно лучше всѣхъ его „Думъ“: слогъ его возмужалъ и становится истинно-повѣствовательнымъ, чего у насъ почти нѣтъ“.

Въ слѣдующемъ году онъ уже обращаетъ на себя вниманіе друзей похвалами по адресу Рылѣева и считаетъ

своимъ долгомъ даже защищаться отъ обвиненій въ пристрастіи. Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву изъ Михайловскаго, отъ 21 марта, онъ высказываетъ по этому поводу очень знаменательныя слова: „Откуда ты взялъ, что я льщу Рылѣеву? Мнѣніе свое о его „Думахъ“ я сказалъ вслухъ и ясно; о поэмахъ его также. Очень знаю, что я его учитель въ стихотворномъ языкѣ, но онъ идетъ своей дорогой. Онъ въ душѣ поэтъ, я опасаюсь его не на шутку и жалѣю очень, что его не застрѣлилъ, когда имѣлъ къ тому случай, да чортъ его зналъ! Жду съ нетерпѣніемъ „Войнаровскаго“ и перешлю ему всѣ мои замѣчанія. — Ради Христа, чтобъ онъ писалъ, да болѣе, болѣе“. Л. С. Пушкину въ томъ-же 1825 году, въ началѣ апрѣля, онъ опять пишетъ: „Войнаровскій“ мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня“. Наконецъ, въ томъ-же году въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго отъ 25 мая онъ, говоря о поэмѣ Козлова „Чернецъ“, опять возвращается къ Рылѣеву: „Эта поэма, конечно, полна чувствъ и умнѣе „Войнаровскаго“, но въ Рылѣевѣ есть больше замашки или размашки въ слогѣ. У него есть какой-то тамъ палачъ съ засученными рукавами, за котораго я бы дорого далъ“. „Если Палѣй пойдетъ, какъ начатъ, Рылѣевъ будетъ министромъ“ (на Парнассѣ) — пишетъ онъ брату въ февралѣ 1825 г.

Изъ всѣхъ этихъ отзывовъ ясно 1) что, начавъ съ ироническаго отношенія къ дѣятельности Рылѣева, поэтъ очень скоро увлекся ею, особенно поэмой „Войнаровскій“, 2) Пушкинъ замѣтилъ, что поэтическій языкъ Рылѣева „возмужалъ“ подъ вліяніемъ его, Пушкина, 3) въ произведеніяхъ Рылѣева останавливали на себѣ его вниманіе нѣкоторые удачные образы („палачъ“) и общій тонъ, „размашистый“, свидѣтельствующій о широтѣ вдохновенія...

Онъ идетъ „своей дорогой“ — говоритъ Пушкинъ о Рылѣевѣ, т. е. другими словами, живетъ въ кругу своихъ

оригинальныхъ замысловъ, въ атмосферѣ своихъ настроеній... Шелъ „своей дорогой“, конечно, и самъ Пушкинъ, но литературная исторія нѣкоторыхъ его произведеній указываетъ, что онъ никогда не замыкался въ тѣсномъ кругу своего творчества и внимательно смотрѣлъ по сторонамъ, вглядывался въ произведенія крупныхъ и даже мелкихъ писателей, охотно бралъ отъ нихъ нѣкоторыя картины, образы, даже намеки — и перерабатывалъ по своему въ своихъ произведеніяхъ. Это было заимствованіе *художественной идеи* и самостоятельное развитіе ея. Всегда это взятое чужое изъ подъ его пера выходило вдвойнѣ прекраснѣе. Какъ на образецъ подобнаго заимствованія у маленькихъ писателей лучше всего указать, какъ Пушкинъ использовалъ одинъ образъ изъ поэмы Боброва „Таврида“: тамъ ему понравилось появленіе „скопца“ — и онъ ввелъ его въ свою поэму „Бахчисарайскій Фонтанъ“. „Меня, говоритъ онъ, ввелъ въ искушеніе Бобровъ; онъ говоритъ въ своей Таридѣ: *„подъ стражею скопцовъ гарема“*. Мнѣ хотѣлось что-нибудь у него украсть“ (къ князю Вяземскому, Одесса, ноябрь 1825 г.). Подобныхъ „мелкихъ“ заимствованій у Пушкина, думается, найти можно немало; выясненіе ихъ для пониманія творчества великаго поэта, конечно, небезполезно. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно сопоставить Пушкина съ Рылѣевымъ.

Прежде всего, думается намъ, что подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ думы Рылѣева: „Олегъ Вѣщій“ написано стихотвореніе Пушкина: „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“. На эту связь указываетъ 1) и самое заглавіе „пѣснь“, которымъ Пушкинъ хотѣлъ замѣнить дико звучавшее для него слово „дума“; затѣмъ, 2) несомнѣнное знакомство поэта съ самымъ произведеніемъ Рылѣева: еще въ январѣ 1823 года онъ полонъ воспоминаній о произведеніи Рылѣева; брату онъ пишетъ, что Рылѣевъ ошибался, сказавъ, что Олегъ прибилъ на вратахъ Царе-

града щитъ *съ гербомъ* россійскимъ; 3) хронологическое совпаденіе: дума Рылѣева напечатана въ „Новостяхъ Литературы“ 1822 г. (ч. I, № 11), но, конечно, въ рукописи могла дойти до Пушкина и раньше: такъ было съ „Войнаровскимъ“, котораго Пушкинъ зналъ задолго до его напечатанія (см. выше). Произведеніе Пушкина окончено 1-го марта того-же 1822 года; 4) близость нѣкоторыхъ мѣстъ обоихъ произведеній. У Рылѣева Олегъ представленъ неумолимымъ, суровымъ воиномъ: „Горятъ деревни, села пышутъ ...Кровь повсюду заструилась“; у Пушкина: „Ихъ села и нивы за буйный набѣгъ обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ“. У Рылѣева: „Прибилъ свой щитъ съ гербомъ Россіи къ цареградскимъ воротамъ“; у Пушкина: „Твой щитъ на вратахъ Царяграда“. Здѣсь внесена поправка: щитъ оказывается „безъ герба“; наконецъ, 5) произведеніе Пушкина въ ряду другихъ его стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко по содержанію и по настроенію, — ясное доказательство того, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній или интересовъ, а было„ случайнымъ“ произведеніемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ нечаянно блеснувшей идеи.

Но еще значительнѣе были воздѣйствія Рылѣева на поэму Пушкина „Полтава“ и даже на драму „Борисъ Годуновъ“. Оба произведенія прекрасны въ отдѣльныхъ частяхъ, но слабы въ цѣломъ: въ нихъ нѣтъ единства и, главное, цѣльности: они точно сшиты изъ отдѣльныхъ сценъ, отдѣльныхъ произведеній... Это замѣтили еще современники Пушкина, и въ этомъ отношеніи ихъ судъ былъ совершенно справедливъ. „Романтизмъ“, которымъ прикрывалъ Пушкинъ указанные недостатки своихъ произведеній, конечно, не представлялъ собою защиты серьезной,—такъ какъ его вліяніе могло сказаться на содержаніи, настроеніяхъ, стилѣ произведеній, но не на

ихъ построеніи: для хорошаго „романическаго“ произведенія единство содержанія и стройность плана такъ же необходимы, какъ и для „классическаго“.

Перечитывая „думы“ Рылѣева, мы должны отмѣтить, прежде всего, что онъ, одинъ изъ первыхъ, во всякомъ случаѣ *ранѣе Пушкина*, сталъ искать источниковъ вдохновенія въ далекомъ прошломъ Россіи: въ этомъ отношеніи *онъ—учитель Пушкина*. Затѣмъ, любопытно, что Рылѣевъ *раньше Пушкина* упорно ходилъ вокругъ того художественнаго замысла, который воплощенъ въ „Полтавѣ“: въ поэмѣ „Войнаровскій“, въ поэмѣ „Мазепа“, „Палѣй“, „Богданъ Хмѣльницкій“, „Петръ Великій въ Острогожскѣ“ выведены почти всѣ лица, которыя повторяются потомъ въ „Полтавѣ“; многія отдѣльныя картины, даже стихи Рылѣева тоже повторены у Пушкина.

Прежде всего, слѣдуетъ остановиться на образѣ самого героя—Мазепы. Этотъ образъ, для Пушкина слишкомъ неестественный и напыщенный, цѣликомъ сложился подъ невольнымъ впечатлѣніемъ Мазепы Рылѣевскаго, а также біографическаго очерка, посвященнаго Мазепѣ („Жизнеописаніе Мазепы“ А. О. Корниловича) и приложеннаго къ поэмѣ „Войнаровскій“ вмѣстѣ съ „Жизнеописаніемъ Войнаровскаго“ (соч. А. А. Бестужева). Если-бы поэтъ *самъ* подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ-бы слишкомъ неопредѣленныхъ и въ то же время сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы. Поэтъ не обрисовалъ бы его такими общими, чертами:

. . . онъ не вѣдаетъ святыни,
. . . онъ не помнитъ благостыни,
. . . онъ не любитъ ничего,
. . . кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
. . . презираетъ онъ свободу,
. . . нѣтъ отчизны для него.

Онъ, конечно, нашелъ бы въ душѣ Мазепы больше свѣта, а на своей палитрѣ болѣе яркихъ красокъ! Написавъ же быстро свое произведеніе, онъ не успѣлъ переварить навѣяннаго извнѣ. „Однако, какой отвратительный предметъ,—отзывался онъ о Мазепѣ: ни одного добраго, благороднаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость!“ — отзывъ интересный, особенно въ устахъ поэта, который всегда искалъ симпатичныя, смягчающія черты даже въ преступныхъ своихъ герояхъ и всегда ихъ находилъ! (Пугачевъ, Скупой Рыцарь, Донъ-Жуанъ, Сальери и пр.). „Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы — вотъ, что увлекли меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, *далѣе не могъ-бы ею заниматься и бросилъ бы все!*“ Послѣднія слова тоже очень характерны: они свидѣтельствуютъ, что долго въ героевъ „Полтавы“ Пушкинъ не вдумывался, не изучалъ ихъ, что написаны они „порывомъ“, случайно, быть можетъ, подъ живымъ впечатлѣніемъ опять подвернувшейся подъ руки давно любимой поэмы Рылѣева. Въ этой поэмѣ Мазепа является эпизодическимъ лицомъ и всегда предстаетъ какимъ-то мелодраматическимъ „злодѣемъ“.

Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украйнѣ ополчилось,
Съ веселъемъ всѣ летѣли на бой,
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій,
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ. . .
...Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла.

У Рылѣева Мазепа представленъ „угрюмымъ“, его чело „обложилось мракомъ и тоской“, изъ-подъ „бровей нависшихъ“ сверкаетъ „какой-то пламень дикій“, онъ „угрюмъ“ и молчитъ въ присутствіи молодежи; онъ „отъ всѣхъ скрывался“. Глаза его „сверкаютъ“, „чело угрюмо“. Видъ у него „мрачный и суровый“, „глаза сверкаютъ“, онъ „волнуемъ тайно мрачной думой“, онъ — „Іуда“, „хитрый вождь“, „скрытный“, у него „дикій“ взглядъ, „очи полныя тоской“.

Изъ всѣхъ героевъ Пушкинъ только Мазепу обрисовалъ, пользуясь совершенно такимъ-же нехудожественнымъ пріемомъ — красками темными и слишкомъ искусственно подобранными: и у пушкинскаго героя духъ „неукротимъ“, онъ — „старикъ надменный“, у него „умыселъ ужасный“, онъ — „злой старикъ“, „дерзкій хищникъ, губитель“ „злодѣй“, „скрытный“, душа его „мятежна, ненасытна“, онъ творитъ „козни“, душа его „коварна“, „воля злая“, въ сердцѣ его „преступный жаръ“, у него „блестящій“, впалый взоръ; онъ „мраченъ“, умъ его „смущенъ жестокими мечтами“, помышленья его „черны“, онъ старикъ „суровый“, онъ „блѣденъ“, рѣчь его „сурова“; онъ — „злодѣй“, онъ испытываетъ „угрызенья змѣиной совѣсти своей“, онъ „угрюмъ“, думы его „мрачны“, онъ старецъ „мрачный“, онъ „грозенъ“, „терзается какой-то страшной пустотой“, „молча скрежеталъ“, въ груди у него „кипучій ядъ“, у него „коварныя сѣдины“, онъ „сверкаетъ очами“, „злодѣй“, „Іуда“, „мрачный духъ“.

Конечно, такое исключительное для Пушкина сходство въ манерѣ описывать героя не случайно и ясно указуетъ, кто вдохновилъ нашего поэта на созданіе образа Мазепы, кто толкнулъ великаго поэта на ложный путь художественной неправды.

Любопытна еще одна деталь: „размашистый“, по

выраженію Пушкина, стиль Рылѣева очень любитъ изображать героя въ тотъ моментъ, какъ онъ „мчится“, „летитъ“ и пр. Такъ, Войнаровскій вспоминаетъ о своихъ удалыхъ набѣгахъ, когда онъ „часто за Палѣмъ вслѣдъ“ *мчался* на конѣ, какъ онъ „леталъ гордо на конѣ“. У Пушкина Мазепа вспоминаетъ, какъ „скакалъ“ рядомъ съ Кочубеемъ (дважды), къ мѣсту казни гетманъ „скакалъ“, оттуда онъ „мчался“; возставъ на Петра, онъ „мчится на конѣ“; спасаясь бѣгствомъ, онъ тоже „мчится“, мимо хутора „помчался“. Этотъ „наѣзднический“ характеръ Мазепы напоминаетъ какъ разъ многихъ героевъ „Думъ“ Рылѣева: очень многіе изъ нихъ отличаются такою-же „стремительною силою“ духа.

Но особенное значеніе для Пушкина имѣла біографія гетмана, составленная А. О. Корниловичемъ и приложенная къ поэмѣ „Войнаровскій“.

Изъ «Полтавы»:

Но старый гетманъ оставался
Послушнымъ подданнымъ Петра...

[ной
Мазепа въ горести притвор-
Къ царю возноситъ гласъ покорный:
„И знаетъ Богъ, и видитъ свѣтъ:
Онъ, бѣдный гетманъ, двадцать лѣтъ
Царю служилъ душою вѣрной.

Изъ «Жизнеописанія Мазепы».

.. въ словахъ и поступкахъ онъ казался самымъ ревностнымъ поборникомъ выгодъ Россіи, изъявлялъ совершенное покорство волѣ Петра, предупреждалъ его желанія.

Въ письмахъ къ царю Мазепа говорилъ про себя, что онъ одинъ, и что всѣ окружающіе его недоброжелательствуютъ Россіи.

Петръ, плѣненный его умомъ, познаніями и довольный его службою, благоволилъ къ гетману особен-

... Гнушаясь мнимой клеветой,
Доносъ оставя безъ вниманья,
Самъ царь Іуду утѣшалъ
И злобу шумомъ наказанья
Смирить надолго обѣщалъ.

нымъ образомъ. Онъ имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность, осыпалъ, его милостями, сообщалъ ему самыя важныя тайны, слушалъ его совѣтовъ. Случалось-ли, что недовольные, жалуясь на гетмана, обвиняли его въ измѣнѣ, государь велѣлъ отсылать ихъ въ Малороссію и судить, какъ ябедниковъ, осмѣлившихся поносить достойнаго повелителя казаковъ.

Онъ съ гордымъ шведскимъ королемъ
Свои сношенья продолжаетъ.

Замысливъ измѣну, повелитель Малороссіи почувствовалъ необходимость притворства. Ненавидя россіянъ въ душѣ, онъ вдругъ началъ обходиться съ ними самымъ привѣтливымъ образомъ; въ письмахъ своихъ къ государю увѣрялъ онъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь въ своей преданности, а между тѣмъ потаенными средствами раздувалъ между казаками неудовольствіе противъ Россіи.

Межъ тѣмъ, чтобъ обмануть вѣрнѣй
Глаза враждебнаго ссмнѣнья,
Онъ, окружась толпой врачей,

Самъ Мазепа притворился больнымъ, слегъ въ постель, окружилъ себя докторами, не вставалъ съ одра по нѣскольку дней сряду, не могъ

На ложѣ мнимаго мученья
Стоная, молитъ исцѣленья...

...Съ нимъ полномощный езуитъ
Мятежъ народный учреждаетъ
И шаткій тронъ ему сулитъ.
Во тьмѣ ночной они, какъ воры,
Ведутъ свои переговоры...
Какой-то нищій во дворецъ
Невѣдомо отколѣ ходитъ,
И Орликъ, гетмановъ дѣлецъ,
Его приводитъ и выводитъ.
Повсюду тайно сѣютъ ядъ
Его подосланные слуги:
Тамъ, на Дону, казачьи круги
Они съ Булавинымъ мутятъ.
Тамъ будятъ дикихъ ордъ отвагу,
Тамъ, за порогами Днѣпра,
Стращаютъ буйную ватагу
Самодержавіемъ Петра...
Плоды страстей, войны, трудовъ,
Болѣзни, дряхлость и печали,
Предтечи смерти, приковали
Его къ одру. Уже готовъ
Онъ скоро бренный міръ оставить;
Святой обрядъ онъ хочетъ править,

ни ходить, ни стоять и въ то время, какъ всѣ полагали его близкимъ къ гробу, онъ приводилъ въ дѣйствіе свои намѣренья: переписывался съ Карломъ XII и Лещинскимъ, велъ по ночамъ переговоры съ присланнымъ отъ Станислава іезуитомъ Зеленскимъ о томъ, на какихъ основаніяхъ сдать Малороссію полякамъ и отправлялъ тайныхъ агентовъ къ запорожцамъ съ разглашеніями, что Петръ намѣренъ истребить Сѣчу и чтобъ они готовились къ сопротивленію.

Притворныя страданія его часъ отъ часу усиливались, 22 Октября 1708 г. писалъ онъ еще къ графу Головкину, что не можетъ ворочаться безъ пособія своихъ слугъ, болѣе 10 дней не употребляетъ пищи, лишенъ сна, и, готовясь умереть, уже соборовался масломъ, а 29, явившись въ Горкахъ, съ 5000 казаковъ, положилъ къ стопамъ Карла XII булаву и бунчукъ, въ знакъ подданства и вѣрности..

Онъ архипастыря зоветъ
Къ одру сомнительной кончины
И на коварные сѣдины
Елей таинственный течетъ...
И день насталъ. Встаетъ съ одра
Мазепа, сей страдалецъ хилый,
Сей трупъ живой, еще вчера
Стонавшій слабо надъ могилой...
Къ ногамъ онъ Карлу положилъ
Бунчукъ покорный...
[Въ объясненіи причинъ измѣны Мазепы Пушкинъ сошелся вполнѣ съ Рылѣевымъ: Мазепа хотѣлъ короны, для чего рѣшилъ обмануть и русскихъ, и шведовъ; казакамъ причину измѣны выставлялъ, какъ боязнь самодержавія Петра.]

„Что побудило Мазепу къ измѣнѣ?

„Ненависть ли его къ русскимъ, полученная имъ еще въ дѣтствѣ во время его пребыванія при польскомъ дворѣ?

„Любовная-ли связь съ одной изъ родственницъ Станислава Лещинскаго, которая принудила его перейти на сторону сего короля? Или, какъ нѣкоторые полагаютъ, любовь къ отечеству, внушившая ему неумѣстное опасеніе, что Малороссія, оставшись подъ владычествомъ русскаго царя, лишится правъ своихъ?

„Но въ современныхъ актахъ ея не вижу въ поступкѣ гетмана Малороссіи сего возвышеннаго чувства, предполагающаго отверженіе отъ личныхъ выгодъ и пожертвованіе собою пользѣ согражданъ. Мазепа въ универсалахъ своихъ и письмахъ къ казакамъ клялся самыми священными именами, что дѣйствуетъ для ихъ блага; но въ тайномъ договорѣ съ Станиславомъ отдавалъ Польшѣ Малороссію и Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его признали владѣтельнымъ княземъ полоцкимъ и витебскимъ. Низкое, мелочное честолюбіе привело его къ измѣнѣ. Благо казаковъ служило ему средствомъ къ умноженію числа своихъ соумышленниковъ и предлогомъ для скрытія своего вѣроломства. И могъ ли онъ, воспитанный на чужбинѣ, ужъ два раза опятнавшій себя предательствомъ, двигаться благороднымъ чувствомъ любви къ родинѣ?

Изъ этихъ „недоумѣній“ біографа Мазепы вышли и „недоумѣнія“ Пушкина:

Кто снидетъ въ глубину морскую,
Покрытую недвижно льдомъ?
Кто испытующимъ умомъ
Проникнетъ бездну роковую
Души коварной? Думы въ ней,
Плоды подавленныхъ страстей,
Лежатъ погружены глубоко,
И замыселъ давнишнихъ дней,
Быть можетъ, зрѣетъ одиноко.
Какъ знать?

Итакъ, и для Пушкина неясны цѣли измѣны Мазепы — ясно только его несомнѣнное, очевидное коварство.

. . Но чѣмъ Мазепа злѣй,
Чѣмъ сердце въ немъ хитрѣй и ложнѣй,
Тѣмъ съ виду онъ неосторожнѣй
И въ обхожденіи простѣй.

Какъ онъ умѣетъ самовластно
Сердца привлечь и разгадать,
Умами править безопасно,
Чужія тайны разрѣшать!
Съ какой довѣрчивостью лживой,
Какъ добродушно на пирахъ
Со старцами, старикъ болтливый,
Жалѣетъ онъ о прошлыхъ дняхъ,
Свободу славитъ съ своевольнымъ,
Поноситъ власти съ недовольнымъ.

И, между тѣмъ, „не вѣдаетъ святыни“ (сношенія съ католиками-іезуитами, соборованье, чтобы обмануть Петра), „не помнитъ благостыни“ (неблагодарность по отношенію къ Петру), „не любитъ ничего“ (черта, заимствованная изъ „Жизнеописанія“, *но противорѣчащая любви* героя къ Маріи), „презираетъ онъ свободу“ (черта, не оправданная поэмой), „нѣтъ отчизны для него“ (тоже). Отсюда-же, изъ этого „Жизнеописанія“ позаимствовался онъ и „противорѣчіемъ“, рѣжущимъ глазъ: авторъ „Жизнеописанія“, представивъ въ Мазепѣ мелодраматическаго злодѣя, испортилъ свое созданье, указавъ на „малодушіе“ Мазепы. То же сдѣлалъ и Пушкинъ, неожиданно включивъ „малодушіе“ въ черты характера своего героя[1]).

Кромѣ заимствованій, такъ сказать, „психологическаго“ свойства, слѣдуетъ отмѣтить заимствованія Пушкинымъ у Рылѣева цѣлыхъ картинъ. Такъ, напримѣръ, картина привала утомленныхъ бѣглецовъ — Карла и Мазепы.

---

1) Кромѣ „Жизнеописанія“, воспользовался Пушкинъ для своей поэмы „Исторіей Малороссіи“ Бантыша-Каменскаго; объ этомъ онъ самъ говоритъ; оттуда взяты нѣкоторые факты и имена изъ исторіи казачьихъ войнъ, взятъ текстъ письма Мазепы къ Петру.

Почти безъ отдыха пять дней
Бѣжали мы среди степей,
Бояся вражеской погони;
Уже измученные кони
Служить отказывались намъ,
Дрожа отъ стужи по ночамъ,
Изнемогая въ день отъ зноя,
Едва сидѣли мы верхомъ...
Однажды, въ полночь, подъ лѣскомъ
Мы для минутнаго покоя
Остановились за Днѣпромъ;
Вокругъ синѣла степь глухая,
Луну затмили облака,
И, тишину перерывая,
Шумѣла въ берегахъ рѣка.
На войлокѣ простомъ и грубомъ,
Главою на сѣдло склоненъ,
Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
Толпами ратныхъ окруженъ.
Мазепа предъ костромъ сосновымъ
Вдали на почернѣвшемъ пнѣ
Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ
И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ
Какъ другу открывался мнѣ.

(Рылѣевъ, „Войнаровскій“, 57).

У Пушкина въ „Полтавѣ“:

Верхомъ, въ глуши степей нагихъ,
Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.
Опасность близкая и злоба
Даруютъ силу королю.
Онъ рану тяжкую свою
Забылъ. Поникнувъ головою,

Онъ скачетъ, русскими гонимъ,
И слуги вѣрные толпою
Чуть могутъ слѣдовать за нимъ[1]). . . .
Ночныя тѣни степь объемлютъ.
На брегѣ синяго Днѣпра
Между скалами чутко дремлютъ
Враги Россіи и Петра.
Щадятъ мечты покой героя,
Уронъ Полтавы онъ забылъ,
Но сонъ Мазепы смутенъ былъ...

Затѣмъ въ поэмѣ Рылѣева слѣдуетъ мелодраматическое описаніе тѣхъ ужасныхъ видѣній, что посѣтили его во время недуга. Всѣ эти видѣнія Мазепы (казнь Кочубея и Искры, анаѳематствованіе въ церкви, видѣніе жены Кочубея и дочери) Пушкинымъ изъ „видѣній“ передѣланы „на дѣйствительность“, при чемъ зависимость этихъ картинъ отъ Рылѣевскихъ (по крайней мѣрѣ, первой) доказываетъ заимствованіе великимъ поэтомъ у Рылѣева образа „палача“, — образъ, который, по его собственному признанію, поразилъ его воображеніе.

Казнь Кочубея и Искры.

Изъ „Войнаровскаго“.	Изъ „Полтавы“.
. . . И задыхаясь, увѣрялъ, Что Кочубея видитъ съ Искрой.	Средь поля роковой помостъ; На немъ гуляетъ, веселится

1) Сравни еще слѣдующее мѣсто изъ „Войнаровскаго“:

„Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль;
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.

„Вотъ, вотъ они! При нихъ палачъ!“
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху:
„Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стенанія и плачъ...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взялъ уже сѣкиру въ руки,
Вотъ покатилась голова. . .
И вотъ другая! . . . Всѣ трепещутъ!
Смотри, какъ страшно очи блещутъ!“.

Палачъ и алчно жертвы ждетъ:
То въ руки бѣлыя беретъ,
Играючи, топоръ тяжелый,
То шутитъ съ чернію веселой. . .
И вотъ
Идутъ они, взошли. На плаху,
Крестясь, ложится Кочубей.
Какъ будто въ гробѣ, тьмы людей
Молчатъ. Топоръ блеснулъ съ размаху,
И отскочила голова.
Все поле охнуло. Другая
Катится вслѣдъ за ней, мигая.

Нетрудно замѣтить, что у Пушкина картина казни изображена гораздо художественнѣе, отчасти благодаря тому, что поставлена въ болѣе выгодную обстановку. На первое мѣсто выдвинута фигура *палача*, сохранены нѣкоторыя детали, какъ, напримѣръ, впечатлѣніе отъ взоровъ отсѣченной головы. Психика толпы у Пушкина разработана правдивѣе: въ послѣдній моментъ передъ роковымъ ударомъ народъ безмолствуетъ, — у Рылѣева „стенанія и плачъ“. Объ „анаѳематствованіи“ Мазепы Пушкинъ дважды говоритъ мимоходомъ; у Рылѣева умирающій Мазепа видитъ цѣлую сцену этого церковнаго обряда. Появленіе безумной Маріи и ея разговоръ съ Мазепой принадлежатъ къ самымъ сильнымъ мѣстамъ поэмы; у Рылѣева эта благодарная сцена не разработана; у него сказано только:

Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную имъ дочь.

У обоихъ авторовъ отмѣчены чувства бѣглецовъ, когда они оставили за собою „рубежъ“ страны родины.

Изъ „Войнаровскаго“.

Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
Помчались по степи унылой.
Какъ тяжко взволновалась грудь,
Какъ сердце юное заныло,
Когда рубежъ страны родной
Узрѣли мы передъ собой.
Въ волненьѣ чувствъ, тоской томимый
Я какъ ребенокъ зарыдалъ..

Изъ „Полтавы“.

Тоска, тоска его снѣдаетъ,
Въ груди дыханье стѣснено!
И молча онъ коня сѣдлаетъ
И скачетъ съ бѣглымъ королемъ,
И страшно взоръ его сверкаетъ,
Съ роднымъ прощаясь рубежомъ.

Наконецъ, самое упоминаніе въ поэмѣ „Полтава“ имени Войнаровскаго:

У Войнаровскаго въ рукахъ
Мушкетный стволъ еще дымился,

упоминаніе, не вызываемое необходимостью, не связанное съ контекстомъ, можетъ быть объяснимо только, какъ мимолетная, нечаянная дань признательности великаго поэта Рылѣеву. Къ поэмѣ Рылѣева приложены еще „примѣчанія“ историческаго и этнографическаго свойства. Оттуда почерпнулъ Пушкинъ свои знанія о старомъ гетманѣ Палѣѣ.

Изъ Примѣчаній къ „Войнаровскому“.

[Оклеветанный Мазепой Палѣй]... былъ отправленъ въ Москву, а оттолѣ, по указу государеву, сосланъ въ Енисейскъ, гдѣ цѣлыя пять лѣтъ томился вдалекѣ отъ родины и родныхъ, снѣдаемъ тоскою бездѣйствія и неволи. Измѣна Мазепы открыла глаза Петру, и онъ посреди заботъ военныхъ вспомнилъ объ оклеветанномъ Палѣѣ и возвратилъ ему имущество, чинъ и свободу. Но какъ земная власть могла возвратить ему здоровье! Однакожъ, послѣдніе дни Палѣевой жизни были отрадны для сердца стараго воина. Онъ пріѣхалъ на войну въ день полтавской битвы, сѣлъ на коня и, поддерживаемый двумя казаками, явился передъ своими. Радостные клики огласили воздухъ: видъ Палѣя воспламенилъ всѣхъ мужествомъ. Старикъ ввелъ казаковъ въ дѣло, и хотя сабля его не могла уже разить враговъ, но еще однажды указала путь къ побѣдѣ..

Мазепы врагъ, наѣздникъ пылкій,
Старикъ Палѣй изъ мрака ссылки
Въ Украйну ѣдетъ, въ царскій станъ...
Сердечной ревностью горя..

Но близъ московскаго царя
Кто воинъ сей подъ сѣдинами,
Двумя поддержанъ казаками?

Подъ вліяніемъ поэмы „Войнаровскій“, въ которой говорится о похоронахъ Мазепы въ Бендерахъ, Пушкинъ въ 1824-мъ году, т. е. во время особаго увлеченія поэмой Рылѣева, искалъ могилы бѣглаго гетмана (Воспоминанія Липранди: „Русск. Арх.“ 1866, ст. 1459, 61, 63 — 65). Объ этой могилѣ вспоминаетъ Пушкинъ и въ послѣсловіи къ „Полтавѣ“.

Еще одна мелочь сближаетъ поэму Пушкина съ „Войнаровскимъ“ Рылѣева; только къ „Полтавѣ“ приложены довольно обстоятельныя историческія „примѣчанія“, что̀ особенно характерно и для поэмы Рылѣева: такъ, и у него только къ „Войнаровскому“ приложены такія обстоятельныя объясненія.

У Рылѣева есть „дума“, посвященная Борису Годунову; стоитъ прочесть ее,—и невольно въ памяти всплываетъ образъ Пушкинскаго Годунова, особенно тотъ монологъ его, который раскрываетъ передъ нами его тоскующее сердце. Оба писателя изобразили Годунова въ минуту тоски, когда онъ съ ужасомъ сознаетъ, что въ вопіющей несправедливости черни къ его державному труду кроется великая справедливость,—наказаніе за содѣянное преступленіе.

Изъ „думы“ Рылѣева.

Я мнилъ: взойду на тронъ — и рѣки благъ
Пролью съ высотъ его къ народу;
Лишь одному злодѣйству буду врагъ;
Всѣмъ дамъ законную свободу!
Начнутъ торговлею вездѣ цвѣсти
И грады пышные, и села!
Полезному открою всѣ пути
И возвеличу блескъ престола!
Я мнилъ: народъ меня благословитъ,

Зря благоденствія отчизны,
И общая любовь мнѣ будетъ щитъ
Отъ тайной сердца укоризны.
Добро творю; но ропота души
Оно остановить не можетъ:
Гласъ совѣсти въ чертогахъ и въ глуши
Вездѣ равно меня тревожитъ!
Вездѣ, какъ неотступный стражъ за мной,
Какъ злой, неумолимый геній,
Влачится вслѣдъ и шепчетъ мнѣ порой
Невнятно повѣсть преступленій. . .
Ахъ, удались! Дай сердцу отдохнуть
Отъ нестерпимаго страданья! . . .

Невольно съ этой цитатой хочется сопоставить нѣкоторыя мѣста изъ монолога Пушкинскаго Годунова:

..Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славѣ успокоить,
Щедротами любовь его снискать . . .
Я отворилъ имъ житницы; я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы. . .
Я выстроилъ имъ новыя жилища. . .

Несмотря на сознанье своихъ заслугъ передъ отечествомъ, и Пушкинскій Годуновъ не знаетъ счастья:

Счастья нѣтъ моей душѣ...,

говоритъ онъ.

Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ,
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. . .

Кончается монологъ жалобами на то, что отъ му-

ченія совѣсти никуда ему не уйти — эта же мысль выражена въ „думѣ“ Рылѣева.

Полагаю, что приведенныя сопоставленія позволяютъ говорить съ увѣренностью о томъ, что въ произведеніяхъ Рылѣева Пушкинъ нерѣдко встрѣчалъ такіе поэтическіе „намеки“, которые затрагивали его творчество, развертывались въ цѣлыя художественныя картины, почти всегда неизмѣримо превосходившія въ художественномъ отношеніи заимствованное. Только въ созданіи образа Мазепы вліяніе Рылѣева не было переработано Пушкинымъ и вошло въ его творчество непріятнымъ *нехудожественнымъ* диссонансомъ.

В. Сиповскій.

Къ исторіи опредѣленія Пушкина въ Лицей.

Въ Архивѣ Департамента Герольдіи, въ 129-й книгѣ „Рѣшенныхъ дѣлъ Герольдіи Правительствующаго Сената“, на лл. 605—609, сохранились нижеслѣдующіе три документа, касающіеся выдачи свидѣтельства о дворянскомъ происхожденіи А. С. Пушкина. Объ этомъ свидѣтельствѣ упоминаетъ г. Селезневъ въ своемъ трудѣ „Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго, нынѣ Александровскаго Лицея“, С.-Пб. 1861 (стр. 6 приложеній), а также И. А. Шляпкинъ въ брошюрѣ „Къ біографіи А. С. Пушкина (Малоизвѣстныя и неизвѣстныя документальныя данныя)“, С.-Пб. 1899 (стр. 14), но самый документъ нигдѣ еще обнародованъ не былъ, равно какъ и два другіе — прошеніе С. Л. Пушкина и удостовѣреніе И. И. Дмитріева и графа Сергѣя Николаевича Салтыкова.

I.

Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій великій государь императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій!

Проситъ служащій въ коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣй Львовъ сынъ Пушкинъ о нижеслѣдующемъ.

Гербъ рода нашего Пушкиныхъ внесенъ въ Гер-

бовникъ [1]) и съ онаго герба братъ мой родной, гвардіи порутчикъ Василій Львовичъ Пушкинъ, въ 1802 году получилъ копію, а какъ нужно сыну моему Александру имѣть изъ Герольдіи о дворянствѣ свидѣтельство, а потому, прилагая при семъ свидѣтельство о законномъ рожденіи онаго сына моего [2]), всеподданнѣйше прошу *Къ сему*

Дабы высочайшимъ вашего императорскаго величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Герольдіи принять и сыну моему Александру выдать свидѣтельство о дворянствѣ. *Прошенію*

Всемилостивѣйшій Государь! прошу вашего императорскаго величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Марта дня 1811 года; къ поданію надлежитъ въ Герольдію. Прошеніе писалъ и сочинялъ Канцелярист Петръ Степановъ. *Седьмаго класса Сергій Львовъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ.*

II.

Свидѣтельствую симъ, что недоросль Александръ Пушкинъ есть дѣйствительно законный сынъ служащаго въ Коммиссаріатскомъ штатѣ 7-го класса Сергѣя Львовича Пушкина.

Марта дня 1811 г.

Министръ Юстиціи Дмитріевъ.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ
Графъ Сергій Салтыковъ.

---

1) Гербъ рода Пушкиныхъ внесенъ въ V часть „Общаго Гербовника“, на стр. 18; родъ записанъ въ VI часть родословной книги Костромской и Московской губерній. *В. Р.*

2) Въ дѣлѣ Герольдіи его нѣтъ; въ 1861 г. оно еще хранилось въ дѣлахъ Лицейскаго архива. *Ред.*

III.

Свидѣтельство[1]).

Копія.

По Указу Его Императорскаго Величества Герольдія опредѣлила: дать сіе Коммиссаріатскаго штата 7-го класса Сергѣя Пушкина сыну Александру Пушкину въ томъ, что онъ происходитъ отъ древняго дворянскаго рода Пушкиныхъ, коего гербъ внесенъ въ общій дворянскихъ родовъ Гербовникъ и высочайше утвержденъ.

Марта 23 дня 1811 года.

Подлинный подписали: Герольдмейстеръ и кавалеръ Владиміръ Грушецкій. Статскій Совѣтникъ и кавалеръ Матвѣй Вагановъ. Секретарь Карлъ Гальбергъ. Коллежскій Ассессоръ Коневскій. У подлиннаго свидѣтельства Его Императорскаго Величества Канцеляріи печать. Пошлины 50 коп. взяты.

Подлинное свидѣтельство получилъ Штата Коммисаріатскаго седьмаго класса Сергѣй Пушкинъ.

Сообщилъ В. Рудаковъ.

---

1) Свидѣтельство это, за № 887, выдано на основаніи опредѣленія Герольдіи, состоявшагося 23-го марта 1811 года. *В. Р.*

Ѳ. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина (1819 г.).

Одинъ изъ членовъ общества „Зеленой Лампы“, Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, извѣстенъ по двумъ посланіямъ къ нему Пушкина: одно изъ нихъ было написано въ 1818, а другое („Здорово, Юрьевъ-именинникъ“) въ 1819 г. Различныя изданія сочиненій поэта различно датируютъ это второе посланіе, пріурочивая его, обыкновенно, къ началу 1819 года, а П. О. Морозовъ, въ изданіи 1903 г., (т. I, стр. 238 — 239) выставляетъ подъ нимъ помѣту „февраль“, не указывая, впрочемъ, источника, изъ котораго онъ взялъ эту помѣту. Между тѣмъ, изъ служебнаго формуляра Юрьева, къ которому Пушкинъ въ этомъ второмъ посланіи обращается уже какъ къ лейбъ-улану, видно, что въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ онъ былъ переведенъ 20-го сентября 1819 г. Такимъ образомъ, посланіе это могло быть писано не ранѣе 20-го сентября, а принимая во вниманіе, что память св. Ѳеодора празднуется 20-го и 23-го сентября, дважды въ ноябрѣ и дважды въ декабрѣ, можно съ нѣкоторою увѣренностью сказать, что оно писано было или въ самый день перевода Юрьева въ лейбъ-уланы, или 23-го сентября, когда

вѣсть объ этомъ переводѣ, вѣроятно, давно ожидавшемся, дошла до Пушкина[1]).

Сообщаемъ здѣсь, кстати, біографическія свѣдѣнія объ Юрьевѣ, почерпнутыя изъ дѣла о дворянскомъ его происхожденіи (въ Архивѣ Департамента Герольдіи), изъ дѣла о его службѣ, хранящагося въ Архивѣ Государственнаго Банка и разысканнаго по нашей просьбѣ архиваріусомъ Банка А. А. Мироновымъ, а также изъ „Исторіи лейбъ-гвардіи Уланскаго полка“, составленной П. О. Бобровскимъ (С.-Пб. 1903, приложенія ко II тому, стр. 107 — 108).

Ѳ. Ф. Юрьевъ происходилъ изъ дворянъ Московской губерніи и родился въ 1796 году; въ 1812 г. (1-го сентября) онъ поступилъ на службу пятидесятымъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 г. былъ, вмѣстѣ съ полкомъ, въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Ангальтѣ, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Нейстрицемъ (17-го), получилъ чинъ корнета и вернулся въ Россію, а 5-го декабря 1814 г., послѣ распущенія ополченія, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручики и 8-го августа 1818 г., „по волѣ начальства и по Высочайшему повелѣнію, переведенъ былъ, въ числѣ русскихъ офицеровъ“, въ Ямбургскій уланскій полкъ. 20-го сентября 1819 г., какъ сказано было выше, Юрьевъ, „за отличіе по службѣ и по собственному желанію“, перешелъ въ лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ, съ назначеніемъ

1) Эти соображенія были сообщены нами В. Е. Якушкину, который воспользовался ими для примѣчаній къ Академическому изданію сочиненій Пушкина.

старшимъ адъютантомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ затѣмъ во фронтѣ полка съ 10-го августа 1823 по 9-е февраля 1824 г., Юрьевъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ командующему 1-ю уланскою дивизіей генералъ-маіору князю Лопухину, 20-го октября того же года произведенъ въ штабсъ-ротмистры и назначенъ къ тому-же Лопухину бригаднымъ адъютантомъ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г., по выходѣ Лопухина въ отставку, снова вернулся въ свой полкъ, гдѣ, однако, прослужилъ уже недолго, и 10-го января 1833 г. вышелъ въ отставку, „для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ“. Причислившись 29-го января 1835 г. къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, Юрьевъ 2-го іюня 1836 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при Министрѣ, 19-го апрѣля 1839 г. перешелъ въ Министерство Юстиціи, а 5-го октября того же года назначенъ былъ старшимъ директоромъ въ Экспедицію депозитной кассы при Коммерческомъ Банкѣ. Съ этого времени вся дальнѣйшая служба „любимца вѣтреныхъ Лаисъ“ прошла по Министерству Финансовъ; такъ, онъ постепенно занималъ должности: товарища управляющаго Коммерческимъ Банкомъ (съ 20-го августа 1843 г.), управляющаго (1848, 1849 и 1851 г.) временными Рыбинской и Нижегородской Банковыми Конторами, Управляющаго Экспедиціею Государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 22-го января 1854 г.), Управляющаго Государственнымъ Коммерческимъ Банкомъ (съ 15-го октября 1854), въ 1856 г. былъ коммандированъ для обревизованія Рижской Банковой Канторы, а въ 1858 г. съ тою же цѣлью осматривалъ Московскую, Одесскую, Кіевскую и Харьковскую Конторы Коммерческаго Банка. Состоя съ 1848 г. въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Ѳ. Ф. Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 г.; жена его, Марія Павловна, рожденная Уша-

кова[1]) умерла еще раньше — 7-го декабря 1858 г. (род. 21-го августа 1802 г.) и погребена съ мужемъ въ церкви Казанскаго кладбища въ Царскомъ Селѣ. Дѣтей у нихъ не было, а наслѣдниками Ѳедора Филипповича были братья и сестра его жены: Валеріанъ и Алексѣй Павловичи Ушаковы и Варвара Павловна Барыкова[2]); въ качествѣ свидѣтелей на духовномъ его завѣщаніи подписались: Александръ Всеволодовичъ Всеволожскій, одинъ изъ сотоварищей Юрьева по обществу „Зеленой Лампы“ (братъ основателя послѣдней — Никиты Всеволожскаго) и Николай Павловичъ Мансуровъ, сынъ другого члена „Зеленой Лампы“ — П. Б. Мансурова. Изъ этого можно заключить, что Юрьевъ до конца дней своихъ сохранилъ дружескія связи съ пріятелями своей кипучей молодости. Подлинная рукопись второго посланія Пушкина къ Юрьеву перешла къ П. А. Ефремову, у котораго находится и въ настоящее время (Соч. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 126).

Б. Модзалевскій.

---

1) Дочь генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова (р. 21-го іюня 1759 г. † 11-го марта 1840 г., погребенъ съ дочерью).

2) Умерла 5-го февраля 1862, погребена съ сестрой.

„Пушкинскія“ замѣтки[1]).

При занятіяхъ какими бы то ни было спеціальными вопросами накопляется попутно много матерьяла, къ этимъ вопросамъ не относящагося, но все же запоминаемаго, особенно, если онъ касается личности или дѣятельности такого писателя, какъ Пушкинъ. И у меня накопилось не мало замѣтокъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ великаго поэта. Большинство ихъ было уже потомъ напечатано, кое чѣмъ я и самъ воспользовался для своего сообщенія „Пушкинъ и Новороссійскій край“, помѣщеннаго въ сборникѣ „Пушкинскіе дни въ Одессѣ“ (Одесса. 1900 г.); но кое какая мелочь еще нашлась въ моемъ портфейлѣ. Не все тутъ равноцѣнно; но, полагая, что все, относящееся къ Пушкину, можетъ быть использовано въ будущемъ, я и позволяю себѣ сообщить эти безсвязныя замѣтки.

I.

Въ редакцію сборника, который предполагалось издать въ Одессѣ къ юбилею Пушкина, доставленъ былъ, между прочимъ, разсказъ г. Подвысоцкаго о томъ, какъ

1) Эта статья покойнаго профессора Новороссійскаго Университета Алексѣя Ивановича *Маркевича* найдена въ бумагахъ А. Н. *Пыпина*, среди статей, присланныхъ для помѣщенія въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности“. *Ред.*

Пушкинъ пріѣзжалъ къ своему пріятелю, дѣду г. Подвысоцкаго, Николаю Ивановичу Величко (дѣду и современнаго поэта В. Л. Величко). Передавать этотъ разсказъ я не считаю себя вправѣ, да и не убѣжденъ, что онъ теперь гдѣ-либо не напечатанъ, такъ какъ слѣдить за тѣмъ, что печатается во всѣхъ журналахъ и газетахъ нашихъ, невозможно[1]). Но въ разсказѣ г. Подвысоцкаго были нѣкоторыя неточности, и я хочу привести здѣсь соображенія, которыя, въ случаѣ чего, косвеннымъ образомъ помогутъ эти неточности исправить. Если Пушкинъ дѣйствительно когда-либо заѣзжалъ къ Н. И. Величко въ его хуторъ Вернигоровщину, то это могло быть лишь лѣтомъ 1824 г., послѣ того, какъ онъ былъ высланъ изъ Одессы и проѣзжалъ въ свое Михайловское черезъ Кременчугъ и Черниговъ; при чемъ, слѣдуя большимъ почтовымъ трактомъ, обязательно долженъ былъ проѣхать черезъ Прилуки и Нѣжинъ. Хотя дорога между этими городами и не лежитъ черезъ мѣстечко Ичню, близъ которой находится хуторъ Вернигоровщина, но разстояніе ихъ отъ почтоваго тракта, напр., отъ лежащаго на немъ мѣст. Монастырища, такъ невелико (верстъ 20—25), что Пушкину не трудно было бы свернуть въ сторону и заѣхать на нѣсколько часовъ къ пріятелю. Замѣчу, между прочимъ, что, хотя хуторъ Вернигоровщина находится очень близко отъ мѣст. Ични, но лежитъ уже не въ Черниговской губерніи, какъ Ичня, а въ Полтавской — въ Прилуцкомъ уѣздѣ.

---

1) Разсказъ Н. В. Подвысоцкаго: „Изъ моихъ воспоминаній“, напечатанъ въ „Пушкинскомъ Сборникѣ“ Петербургскихъ литераторовъ, С.-Пб. 1899, стр. 586 и сл.

Ред.

II.

Сообщаю нѣкоторые архивные матерьялы, быть можетъ, не лишніе для біографіи Пушкина, а именно, — два рапорта А. А. Скальковскаго.

А.

Его Превосходительству Господину Одесскому временному Генералъ Губернатору[1])

Тайнаго Совѣтника Скальковскаго

Рапортъ.

Исполняя предписаніе Вашего Высокопревосходительства отъ 23 сего Іюня № 1877 о собраніи въ архивѣ бывшаго Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора свѣдѣній „о поэтѣ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ“, честь имѣю донести, что въ архивѣ найдены мною слѣдующіе три положительные документа о нашемъ знаменитомъ соотечественникѣ:

1) Въ дѣлѣ 1850 года, № 307: „О составленіи Коммисіи для разбора дѣлъ архива Канцеляріи, подлежащихъ къ уничтоженію“, въ числѣ прочихъ было дѣло 1821 года, № 401, на 38 страницахъ: „По отношенію Министра Иностранныхъ Дѣлъ о жалованьѣ Коллежскаго Секретаря Пушкина“. Дѣло это, по требованію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 27 Ноября 1861 года, за № 1969, отправлено Генералъ-Губернаторомъ графомъ Строгановымъ Г. Министру Иностранныхъ Дѣлъ 7 Января 1862 года, за № 288.

2) Дѣло 1824 года № 74/89, часть 1-я „О саранчѣ“, опустошавшей тогда поля Новороссійскаго Края, въ ко-

1) Графу Э. И. Тотлебену.

торомъ упомянуто: „что въ числѣ чиновниковъ, командированныхъ въ Херсонскую губернію княземъ М. С. Воронцовымъ для произведенія опытовъ къ истребленію саранчи, отправленъ былъ „Коллежскій Секретарь Пушкинъ“ съ выдачею ему 400 р. ассигнаціями на путевыя издержки. Подлинное черновое предписаніе Генералъ-Губернатора отъ 25 Мая 1824 года, № 7976, находится во 2-й части дѣла о саранчѣ: № 76, 1824 же года. О томъ, какъ исполнилъ свое порученіе достославный поэтъ, въ дѣлѣ этомъ не видно. Дѣло хранится до сихъ поръ въ нашемъ архивѣ.

3) Дѣло 1824 года, № 144: „О высылкѣ изъ Одессы въ Псковскую губернію Коллежскаго Секретаря Пушкина“, на 33-хъ листахъ, которое при представленіи моемъ отъ 20 Декабря 1879 года, № 96, мною лично доставлено бывшему Одесскому градоначальнику генералъ-маіору Гейнсу, согласно предложенію его отъ 15 Ноября того же года, № 11135; это дѣло до настоящаго времени въ архивъ нашъ не возвращено [1]).

Донося о семъ Вашему Высокопревосходительству, я полагаю, что генералъ-маіоръ Гейнсъ, по первому требованію Вашему, не замедлитъ представить Вамъ упомянутое дѣло № 144 въ убѣжденіи, что онъ въ немъ никакой надобности не имѣетъ, а обязанъ возвратить въ Генералъ-Губернаторскій архивъ, изъ котораго оно было заимствовано.

Что касается до пребыванія въ Одессѣ знаменитаго нашего поэта, то въ Генералъ-Губернаторскомъ архивѣ свѣдѣній о томъ не имѣется. Тайный Совѣтникъ А. Скальковскій, Императорской Академіи Наукъ членъ.

Одесса. 28 Іюля 1880 года.

---

1) Нынѣ, стараньями и. д. Одесскаго Градоначальника гр. П. П. Шувалова, уже возвращено въ архивъ. *А. М.*

Б.

Къ Біографіи Пушкина.

Имя такого великаго, по истинѣ народнаго поэта, какъ Пушкинъ, свѣтило Русской земли, столь дорого для всякаго русскаго, что и я, всегда чуждый не только полемикѣ, но даже ученой критикѣ, рѣшаюсь сообщить нѣсколько достовѣрныхъ свѣдѣній о героѣ нашего современнаго празднества [1]), чтобы сперва опровергнуть нѣсколько ошибочныхъ разсказовъ „современныхъ ему лѣтописцовъ“, а потомъ указать довольно справедливое свѣдѣніе, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ.

1.

Въ № 123 „Одесскаго Вѣстника“, одинъ изъ такихъ „современниковъ“ В. В. Лоровичъ [2]) помѣстилъ въ фельетонѣ свое „Воспоминаніе о Пушкинѣ“ и вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ: „Почти одновременно (значитъ въ 1822 — 1824 г.) съ великимъ поэтомъ пріѣхалъ въ Одессу другой поэтъ — Викторъ Тепляковъ, другъ и товарищъ Пушкина по Царскосельскому Лицею. Тепляковъ квартировалъ въ домѣ моихъ родителей. Увидѣвъ мой почеркъ, поэтъ пригласилъ меня перебѣливать его сочиненія и писать подъ его диктовку. Нѣсколько времени спустя, онъ передалъ мнѣ, что другъ его Пушкинъ тяжолъ на подъемъ и лѣнивъ, и что онъ также желаетъ обзавестись хорошимъ и смѣтливымъ переписчикомъ. На предложеніе Теплякова я охотно согласился, тѣмъ болѣе что у меня не было никакихъ опредѣленныхъ занятій.

---

1) Вѣроятно, писано въ 1880 г. *А. М.*

2) Былъ учителемъ 2-й Одесской Гимназіи; очень популярная личность въ Одессѣ въ свое время. *А. М.*

Отсюда начало моего знакомства съ Александромъ Сергѣевичемъ".

И далѣе, говоря о порученіи, данномъ княземъ Воронцовымъ Пушкину истреблять саранчу вмѣстѣ съ другими, весьма почтенными лицами, посредствомъ цѣлыхъ баталіоновъ пѣхоты, г. Лоровичъ пишетъ, „что графъ М. С. Воронцовъ не долюбливалъ Пушкина послѣ знаменитаго донесенія въ стихахъ, вмѣсто казеннаго рапорта, объ истребленіи саранчи, при чемъ полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно. Сколько мнѣ извѣстно, рапортъ этотъ пріобщенъ къ дѣлу и, надо полагать, хранится въ Генералъ-Губернаторскомъ архивѣ".

Прочитавъ столь удивительныя вещи, я обратился за справками въ упомянутый Генералъ-Губернаторскій архивъ; г. Миллеръ, консерваторъ этого архива, доставилъ мнѣ слѣдующія выписки: во-первыхъ — изъ дѣла 1826 года, № 34, „объ отставномъ поручикѣ Тепляковѣ", изъ котораго видно, что г. Тепляковъ въ ноябрѣ 1826 г. по распоряженію высшей власти высланъ былъ на постоянное жительство въ Херсонъ, гдѣ и находился безотлучно до начала января 1828 года, когда, по особому ходатайству князя Воронцова, онъ камандированъ былъ на службу къ Таганрогскому градоначальнику. Онъ только въ октябрѣ 1829 года получилъ дозволеніе посѣтить Одессу въ теченіе восьми дней. Въ это время, по его просьбѣ, командированъ онъ былъ въ Варну и другіе крѣпости и города, занятые Русскими войсками, съ археологическою цѣлію. Плодомъ этого путешествія было собраніе нѣсколькихъ древнихъ мраморовъ[1]) и довольно дѣльное ихъ описаніе, удостоившееся даже 31 декабря

---

1) Находятся въ музеѣ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. *А. М.*

1829 года Высочайшаго благоволенія. Наконецъ, 18 сентября 1830 года дозволено было ему поступить на службу въ Канцелярію князя Воронцова и поселиться окончательно въ Одессѣ. Изъ этой выписки видно, что г. Тепляковъ, прибывшій въ Одессу, сперва на нѣсколько лишь дней, въ 1829 году и поселившійся въ этомъ городѣ едва въ 1831 г., не могъ никакъ дружить съ Пушкинымъ во время пребыванія знаменитаго поэта въ Одессѣ въ 1822 — 1824 гг.

Мы полагаемъ, въ оправданіе г. Лоровича, что онъ смѣшалъ нашего безсмертнаго поэта съ его двоюроднымъ братомъ[1]), который, точно, нѣсколько лѣтъ сряду жилъ въ Одессѣ въ 1840-хъ годахъ, гдѣ и женился на дочери генерала Загряжскаго.

Что касается службы Пушкина по истребленію саранчи, то г. Миллеръ въ дѣлахъ архива бывшаго Генералъ-Губернаторства нашелъ, по требованію бывшаго Градоначальника А. К. Гейнса, и сообщилъ Его Превосходительству дѣло 1824 года, № 153/76: „Объ истребленіи саранчи“. Въ немъ находится предписаніе Князя Воронцова отъ 22 Мая 1824 года, № 7976 о командированіи Коллежскаго Секретаря Пушкина, вмѣстѣ съ другими чиновниками, для истребленія саранчи въ Херсонской губерніи, съ выдачею ему на путевыя издержки 400 руб. ассигнаціями. Отчетные рапорты по этому порученію отъ военныхъ начальствъ и командированныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ этомъ находятся въ большомъ числѣ. Донесенія же Пушкина ни въ прозѣ, ни въ стихахъ нигдѣ не найдено, и едва ли г. Лоровичъ могъ читать этотъ „поэтическій рапортъ“ Пушкина, такъ какъ автору фельетона „Одесскаго Вѣстника“ было въ 1824 году не болѣе 12 лѣтъ отъ роду и, слѣдственно, не могъ онъ тогда

---

1) Ошибка: родной братъ — Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ. *А. М.*

судить, что „полетъ саранчи и наружный видъ описаны поэтомъ мастерски и художественно“. А. Скальковскій.

Повидимому, настоящая статья А. А. Скальковскаго, или, точнѣе, рапортъ его, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было основанія ей находиться въ архивномъ дѣлѣ, откуда я извлекъ ее, повидимому была имъ тогда не закончена, такъ какъ въ ней не исполнено обѣщаніе указать, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ. Впрочемъ, мнѣніе А. А. Скальковскаго объ этомъ было впослѣдствіи напечатано; но я потому и отношу настоящій рапортъ къ 1880 г., что тогда именно состоялось въ Одессѣ при торжественной обстановкѣ прибитіе къ дому г. Сикара на Итальянской (нынѣ Пушкинской) улицѣ доски съ обозначеніемъ, что здѣсь въ 1823 г. жилъ Пушкинъ. А. А. Скальковскій отрицалъ, что Пушкинъ жилъ въ этомъ домѣ, но Одесское Славянское Общество, которое озаботилось тогда помѣщеніемъ доски на домѣ Сикара, руководствовалъ указаніемъ Н. Г. Тройницкаго, жившаго въ Одессѣ въ то время, когда здѣсь былъ Пушкинъ, и бывшаго величайшимъ его поклонникомъ; тогда какъ А. А. Скальковскій поселился въ Одессѣ позже и вращался въ такомъ кругу, гдѣ Пушкина не долюбливали.

III.

По поводу рапорта о саранчѣ, могу припомнить, что приходилось въ Одессѣ слышать различныя его редакціи; можетъ быть, онѣ уже были гдѣ-либо и напечатаны. Одна редакція сообщаетъ рапортъ дѣйствительно въ стихотворной формѣ, несхожей съ обычною, а что то въ родѣ:

Сія саранча
Богомъ создана и т. д.

Можетъ быть, г. Лоровичу попался рапортъ именно въ такой редакціи.

По другой редакціи рапортъ имѣлъ будто-бы такой видъ: на всей первой страницѣ листа было написано: „Саранча летѣла, летѣла, летѣла“ и т. д. до конца страницы, а въ концѣ слова: „и сѣла“; на второй страницѣ: „сидѣла, сидѣла, сидѣла“ и т. д. опять до конца страницы; на третьей: „ѣла, ѣла, ѣла“ и т. д., а въ концѣ: „все съѣла“; на четвертой же многократно повторялся неприличный глаголъ, тоже въ прошедшемъ времени, а въ концѣ— другой, сходный съ нимъ, и слова: „и улетѣла“.

Попадались мнѣ и модификаціи рапорта второй редакціи: „саранча то летѣла, то сидѣла, снова летѣла и снова сидѣла“ и т. д. до безконечности. Вообще желательно было бъ видѣть хоть одинъ старинный экземпляръ копіи съ этого апокрифическаго рапорта.

IV.

Въ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ М. Н. Макарова упоминается, что едва-ли не первымъ, оцѣнившимъ даровитаго юношу, былъ гувернеръ родственниковъ Пушкина— графовъ Бутурлиныхъ — французъ Жилле. Не мѣшаетъ замѣтить, что этотъ Р. Жилле былъ впослѣдствіи директоромъ Ришельевскаго Лицея и вообще представляетъ собою лицо, не безынтересное для исторіи нашего воспитанія въ началѣ XIX в.; его біографію смотри въ сборникѣ „Ришельевскій Лицей и Императорскій Новороссійскій Университетъ“, Одесса. 1898 г.

V.

Ад. Ант. Арцимовичъ, бывшій въ 1860-хъ годахъ Самарскимъ губернаторомъ, а затѣмъ попечителемъ Одес-

скаго Учебнаго Округа, разсказывалъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ Самарскихъ архивахъ дѣла, которыми пользовался Пушкинъ для исторіи Пугачевскаго бунта; при чемъ онъ не давалъ себѣ труда списывать необходимые ему документы или отдѣльныя мѣста въ нихъ, а просто вырывалъ или вырѣзывалъ то, что ему было нужно. Этотъ фактъ нетрудно и провѣрить.

VI.

В. И. М-чъ разсказывалъ мнѣ, со словъ Н. П. Семенова, члена Государственнаго Совѣта, о слѣдующемъ случаѣ: пріѣхавъ молодымъ въ Петербургъ, Н. П. Семеновъ съ кѣмъ-то изъ своихъ родственниковъ шелъ по улицѣ и вдругъ услышалъ вдали шумъ. Показалась толпа народа; родственникъ Н. П. Семенова предупредилъ его, что они сейчасъ встрѣтятъ императора Николая Павловича; но оказалось, что толпа сопровождала Пушкина, которому при этомъ кричали: „Браво, Пушкинъ!“, апплодировала и т. п. Родственникъ Н. П. Семенова былъ знакомъ съ Пушкинымъ и, встрѣтившись, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, что и дало возможность Н. П. Семенову близко видѣть Пушкина.

Авторитетность источника исключаетъ возможность сомнѣваться въ достовѣрности разсказа, который прекрасно иллюстрируетъ популярность Пушкина въ Петербургѣ.

VII.

Позволю себѣ высказать сомнѣніе, правильно ли размѣщаются обычно знаки препинанія въ извѣстномъ разсказѣ Григорія („Бориса Годуновъ“, Келья въ Чудовомъ монастырѣ) о его снѣ. Правда, знаки препинанія раз-

мѣщены точно также и въ томъ изданіи „Бориса Годунова“, которое вышло еще при жизни Пушкина; но для меня такое возраженіе недостаточно убѣдительно: знакамъ препинанія Пушкинъ вообще не придавалъ особеннаго значенія, разставлялъ ихъ не всегда правильно (да были ли въ его время общепринятыя, хоть сколько-нибудь систематическія правила о знакахъ препинанія?) и могъ не обратить вниманія на то, какъ они напечатаны въ тѣхъ стихахъ, которые я имѣю въ виду.

Въ настоящее время печатается:

Григорій.

. . . Мнѣ снилося, что лѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кипѣлъ
И на меня указывалъ со смѣхомъ, и т. д.

Мнѣ же кажется, что слѣдуетъ читать такъ;

. . . . . съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва; что муравейникъ,
Внизу народъ на площади кипѣлъ, и т. д.

Получается образъ, гораздо болѣе естественный.

Одесса. 25 декабря 1900 г.

Ал. Маркевичъ.

Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ въ соединеніи съ Разрядомъ изящной словесности 28 января текущаго года Его Императорскимъ Высочествомъ Августѣйшимъ Президентомъ было внесено предложеніе о составленіи словаря Пушкинскихъ риѳмъ. При обсужденіи этого вопроса было высказано нѣкоторыми изъ присутствующихъ связанное съ нимъ пожеланіе, чтобы наконецъ осуществилась и мысль о Пушкинскомъ словарѣ, занимавшая неоднократно изслѣдователей произведеній Пушкина и вызвавшая нѣкоторыя попытки къ удовлетворенію этой давно назрѣвшей потребности, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одна не была доведена до конца. Собраніе признало, что успѣшное исполненіе обѣихъ этихъ работъ, особенно второй, возможно только по окончаніи предпринятаго Академіей полнаго и критически провѣреннаго изданія сочиненій Пушкина, однако, въ виду неизбѣжной медленности исполненія такихъ задачъ, какъ подробный Пушкинскій словарь и систематическій словарь Пушкинскихъ риѳмъ, нашло умѣстнымъ озаботиться безотлагательно выработкой плана обоихъ трудовъ и возложило это порученіе на академиковъ *А. И. Соболевскаго* и *Ѳ. Е. Корша*. Въ засѣданіи 3 февраля, состоявшемся при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммиссіи по изданію сочиненій Пушкина не изъ числа академиковъ, а именно В. Е. Якушкина (одного изъ редакторовъ), Б. Л. Модзалевскаго (секретаря Коммиссіи) и П. Е. Рейнбота, планъ Пушкинскаго словаря, составленный акад. *Соболевскимъ*, и планъ словаря Пушкинскихъ риѳмъ, предложенный акад. *Кор-*

шемъ, были прочтены ихъ авторами и подверглись обстоятельному обсужденію, внесшему нѣкоторыя измѣненія и дополненія въ обѣ записки, а затѣмъ было постановлено: 1) начало работъ по предполагаемому Пушкинскому словарю отложить до выхода II тома сочиненій Пушкина (подъ редакціею В. Е. Якушкина) и I тома переписки Пушкина (подъ редакціею Вл. И. Саитова), 2) обѣ записки напечатать въ ближайшемъ выпускѣ органа Коммиссіи: „Пушкинъ и его современники“.

Ред.

I.

Планъ словаря языка А. С. Пушкина.

1) Словарь заключаетъ въ себѣ всѣ слова, находящіяся какъ въ стихотворныхъ и прозаическихъ сочиненіяхъ А. С. Пушкина, такъ и въ его письмахъ; дѣловыя бумаги, подписанныя Пушкинымъ, не имѣются въ виду.

2) Союзы, предлоги, частицы, мѣстоименія, формы глагола *быть*, встрѣчающіеся очень часто, — входятъ въ словарь 1) въ нѣсколькихъ примѣрахъ своего обычнаго употребленія и 2) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ ихъ употребленіе представляетъ уклоненіе отъ нормальнаго.

3) Каждое изъ остальныхъ словъ указывается во всѣхъ случаяхъ своего употребленія и сопровождается выписками такой величины, чтобы можно было видѣть: 1) грамматическое значеніе находящейся въ нихъ формы (падежной, личной), 2) синтаксическое употребленіе этой формы (управленіе глагола и т. п.), 3) ударенie, если выписка взята изъ стихотворенія, 4) эпитетъ, если слово — имя существительное.

4) Каждая выписка имѣетъ при себѣ указаніе на источникъ. Если это — одно изъ крупныхъ произведеній Пушкина, то къ сокращенному названію пьесы присоединяется цифра главы, пѣсни и строфы, дѣйствія и явленія и т. д.; если это — небольшое стихотвореніе или прозаическая статья, то дается лишь сокращенное заглавіе

или сокращенный первый стихъ; если наконецъ это — письмо, то сообщается его дата.

5) Словарь пользуется текстомъ сочиненій Пушкина по академическому изданію.

А. Соболевскій.

II.

Планъ изслѣдованія о стихосложеніи Пушкина и словаря Пушкинскихъ риѳмъ.

I.

Такъ какъ словарь Пушкинскихъ риѳмъ объемомъ своимъ, вѣроятно, значительно превыситъ изслѣдованіе о стихосложеніи, послѣднему можно придать видъ введенія, хотя, конечно, было-бы желательно, чтобы эта часть не ограничилась общими и только внѣшними метрическими данными, а содержала въ себѣ и такія указанія, которыя дали-бы читателю возможность вникнуть въ самый строй Пушкинскаго стихосложенія и понять причины той легкости, красоты, силы и того разнообразія, которыми плѣняетъ насъ Пушкинскій стихъ независимо отъ размѣра, но въ органической связи съ содержаніемъ, настроеніемъ и тономъ. Въ этомъ отношеніи важно обратить вниманіе на распорядокъ ритмическихъ удареній сильныхъ и слабыхъ, т. е. совпадающихъ съ грамматическимъ (прозаическимъ) удареніемъ или падающихъ на неударяемыя грамматически слоги только на основаніи общаго ритмическаго теченія стиха, и такимъ образомъ различить съ одной стороны напр. такіе стихи, какъ

Стоя́лъ онъ, ду́мъ вели́кихъ по́лнъ,

гдѣ каждому ритмическому удареніе соотвѣтствуетъ грамматическое (разговорное), и такіе, какъ

Порфѝроро́дная вдова́,

гдѣ на ударенія грамматическія приходятся лишь главныя ритмическія (тактовыя), а съ другой — такіе, какъ оба выше приведенные, и такіе, каковъ слѣдующій:

И кла́нялся̀ непрѝнужде́нно,

гдѣ первое грамматическое ударепіе, а слѣдовательно — и первое главное ритмическое, падаетъ не на 4-ый слогъ, какъ въ предъидущихъ, а на второй. Также напр. въ стихахъ

Одна́жды, стра́нствуя̀ средѝ пусты́ни ди́кой,
Внеза́пно бы̀лъ объя́тъ я ско́рбію вели́кой,

изъ которыхъ въ первомъ слогъ передъ цезурой имѣетъ исключительно ритмическое (слабое) ударепіе, а во второмъ — ритмическое и одновременно грамматическое (сильное), согласно съ чѣмъ видоизмѣняется и общій порядокъ главныхъ и второстепенныхъ ударепій въ полустишіи, и т. д. Эти явленія уже привлекали къ себѣ вниманіе Тредіаковскаго и позже — Кубарева. Какъ въ связи съ вопросомъ о ритмическихъ удареніяхъ, такъ и по другимъ причинамъ слѣдуетъ обстоятельно разсмотрѣть цезуры, что̀ особенно важно для пятистопнаго ямба, о строѣ котораго Пушкинъ со второй половины 20-ыхъ годовъ думалъ не такъ, какъ раньше, но и для четырехстопнаго, движеніе котораго разнообразится между прочимъ и остановками или, выражаясь по-музыкальному, перерывомъ legato, напр.

Чертогъ сіялъ. || Гремѣли хоромъ
Пѣвцы || при звукѣ флейтъ и лиръ.

Въ связи съ распредѣленіемъ сильныхъ и слабыхъ ритмическихъ ударепій стоитъ вопросъ о большей или меньшей длинѣ словъ, входящихъ въ составъ стиховъ, что̀ особенно важно въ стихахъ, содержащихъ въ себѣ не менѣе четырехъ стопъ (а таковыхъ — огромное большинство), и въ размѣрахъ, состоящихъ изъ трехсложныхъ стопъ. Въ отдѣлѣ о звуковой силѣ и выразительности стиховъ желательны замѣчанія о звукоподражаніи и вообще о такъ называемой звуковой живописи (Tonma-

lerei), выражающейся въ умѣстномъ повтореніи тѣхъ-же гласныхъ или согласныхъ, напр.

Хо́дитъ въ о́блачномъ сіяньѣ
Полумѣ́сяцъ молодо́й,

въ такъ называемыхъ ассонансѣ и аллитераціи, иногда и помимо качества самыхъ звуковъ — въ синтактическомъ построеніи, какъ

Шведъ, | Русскій || колетъ, | рубитъ, | рѣжетъ.

Само собою разумѣется, что этому изслѣдованію внутренняго строя стиховъ должно предшествовать полное перечисленіе употребленныхъ Пушкинымъ размѣровъ и строфъ съ отмѣткой окончаній мужескихъ и женскихъ, т. е. напр. при стихотвореніи «Поэтъ, не дорожи любовію народной» желательно приблизительно такое метрическое опредѣленіе: «Сонетъ французскаго образца, т. е. состоящій изъ александрійскихъ стиховъ; риѳмы: а Б Б а, а Б Б а; В В г; Д Д г» (гдѣ строчными буквами означены женскія риѳмы, а прописными — мужескія), или при балладѣ «Олегъ»: «Амфибрахическая строфа, въ которой первый и третій стихи состоятъ изъ четырехъ стопъ, второй и четвертый — изъ трехъ; риѳмы: «А б А б» и т. п.

Такъ опредѣляется длина стиховъ, т. е. ихъ стопное содержаніе, по господствующей терминологіи, отправляющейся отъ числа удареній, слышимыхъ при чтеніи; но возможна, конечно, и другая, греческая, основанная на числѣ удареній музыкальныхъ, по которой напр. стихъ

Отмстить неразумнымъ Хозарамъ

оказывается равнымъ стиху

Какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ

вслѣдствіе того, что при пѣніи предпослѣдній слогъ (*-за-*) растягивается до продолжительности цѣлой стопы, а послѣдній (*-рамъ*) получаетъ поэтому стопное (или тактовое) удареніе.

Выборъ той или другой терминологіи зависитъ отъ точки зрѣнія исполнителя предполагаемой задачи.

Весьма желательно было-бы внесеніе историческаго элемента въ изслѣдованіе о размѣрахъ Пушкина, т. е. указанія на то, которые изъ нихъ введены имъ впервые, и которые заимствованы у предшественниковъ, при чемъ должна быть указана какъ степень его зависимости отъ нихъ, такъ и отличія въ обращеніи съ отдѣльными размѣрами, напр. допускалъ-ли Пушкинъ въ своихъ ямбахъ и трохеяхъ стихи такого строя, какъ Державинскіе

Отсвѣчива̀ясь̀ въ сердца́хъ

и

Съ бѣ́лымѝ Боре́й власа́ми.

II.

Словарь Пушкинскихъ риѳмъ долженъ быть расположенъ въ азбучномъ порядкѣ, но, конечно, не риѳмующихся словъ, а только риѳмъ, т. е. риѳмующихся окончаній словъ. Для достиженія этой цѣли мужескія риѳмы должны составить одинъ отдѣлъ, а женскія — другой. Кое-гдѣ придется различить риѳмы точныя и неточныя; но въ этомъ случаѣ необходима большая осторожность во вниманіе къ тому обстоятельству, что произношеніе Пушкина въ точности намъ неизвѣстно и при томъ въ разныя эпохи его жизни могло быть не совсѣмъ одинаково, а въ стихахъ, особенно въ раннюю пору его творчества, несомнѣнно носило на себѣ слѣды тогдашняго литературнаго преданія, которымъ обусловливаются напр. сохраненіе звука *е* тамъ, гдѣ въ обычной рѣчи слышится *ё*, и южнорусскій выговоръ *г* въ концѣ словъ, гдѣ Пушкинъ внѣ поэтической формы произносилъ *к*, вслѣдствіе чего *-гъ* риѳмуется у него то съ *-хъ*, то съ *-къ*. Но каково-бы ни было качество отдѣльныхъ риѳмъ, онѣ должны, какъ сказано выше, быть расположены въ азбучномъ порядкѣ. Но, такъ какъ составить точный планъ словаря Пушкинскихъ

рифмъ можно только при наличности подлежащаго обслѣдованію матеріала, а его еще предстоитъ собрать, ниже предлагается лишь примѣрное распредѣленіе рифмующихся окончаній словъ (конечно, не однихъ грамматическихъ наставокъ), разсчитанное скорѣе на словарь русскихъ рифмъ вообще, чѣмъ на рифмы какого-либо русскаго поэта въ частности. Потому этотъ приблизительный планъ можетъ пригодиться и помимо Пушкина. Словарей рифмъ у насъ мало, но и тѣ, которые есть, расположены не систематически и далеко не полны. Правда, полнота въ такихъ словаряхъ едва-ли когда достижима, особенно на долгое время, но систематичность для нихъ тѣмъ болѣе обязательна, что безъ нея трудно и найти то, что̀ нужно. Впрочемъ, очень многіе сомнѣваются и въ томъ, нужны-ли самые словари рифмъ, такъ какъ думаютъ, что вдохновеніе даетъ истинному поэту не только содержаніе, но и форму. Это справедливо лишь отчасти, потому что самый даровитый поэтъ иногда готовъ былъ-бы дорого заплатить за рифму къ тому слову, которое оказалось у него въ концѣ стиха именно вслѣдствіе удачнаго оборота его творческой мысли, но по отсутствію этой рифмы въ данное мгновеніе долженъ напрягать свою память или передѣлывать только-что написанное въ прямой ущербъ своему вдохновенію и красотѣ своего созданія. Это случается особенно часто при употребленіи формъ искусственныхъ, какъ сонетъ, глосса, тріолетъ или газель. О желательности такого словаря для переводчика стихотворныхъ произведеній нечего и говорить, а впослѣдствіи онъ сослужитъ важную службу научную, какъ живое свидѣтельство о произношеніи данной эпохи, подобно старымъ провенсальскимъ спискамъ рифмъ при Donat proensal и Las leys d'amors.

I.

Риѳмы мужескія (односложныя).

1.

На гласныя.

На *а́:*

-ба, -ва, -га, -да, -жа, -за, -ка, -ла, -ма, -па и т. д.

На *я́:*

-бя, -вя, -дя, зя, -ля, -мя, -ня и т. д. и отдѣльно и послѣ гласной или *ъ*, какъ *я — моя — соловья.*

На *е́ (ѣ, э):*

-бе (-бѣ), -ве (-вѣ), -ге (-гѣ), -де (-дѣ) и т. д.

То-же послѣ *ъ:* -бьѣ, -вьѣ, -дьѣ и т. д.

На *и́:*

-би, -ви, -ги, -ди, и т. д.

То-же послѣ гласной и послѣ *ъ*, какъ *мои — соловьи* (съ чѣмъ Пушкинъ риѳмуетъ иногда и *любви* и т. п.).

На *о́:*

-бо, -во, -го, -до, -жо (же) и т. д.

На *ё* (-jo), послѣ гласной или *ъ:* -ё, -бьё, -вьё, -дьё и т. д.

На *у́:*

-бу, -ву, -гу, -ду и т. д.

На *ю́:* -дю, -лю, -ню, рю и т. д.

То-же послѣ гласной или *ъ:* -ю, -бью, -вью, -дью и т. д.

На *ы:*

-бы, -вы, -ды и т. д.

Примѣчаніе 1. Мужескія риѳмы съ двумя и тремя согласными передъ ударяемой гласной, куда относятся и -ья, -ьѣ, -ьи и т. п., можно не выдѣлять въ особые списки, такъ какъ въ расчетъ принимается часто лишь вторая согласная, т. е. напр. *добра́* риѳмуется не только съ *бобра́,* но и съ

ковра́, одра́, игра́, пора́, люблю́ — не только съ *гублю́*, но и съ *ловлю́, продлю́, шлю́, молю́*, а у многихъ поэтовъ — даже съ *пою*, и т. п.

Примѣчаніе 2. При разработкѣ этого отдѣла, какъ впрочемъ и всѣхъ слѣдующихъ, должно имѣть въ виду всѣ грамматическія формы словъ, напр. ра́бъ (см. ниже 2. А.) — раба́, рабу́, рабо́мъ, раб́е, также хлѣ́бъ — мн. ч. хлѣба́ и т. п. Въ такихъ случаяхъ простая ссылка на соотвѣтствующіе отдѣлы риѳмъ -а́бъ, -ѣ́бъ и т. д. недостаточна, потому что напр. не всѣ существительныя на данную согласную имѣютъ въ косвенныхъ падежахъ ударе́ніе на концѣ.

2.

На согласныя.

А. На одну.

Съ *а́* (*я*):

-абъ (-апъ, -ябъ, -япъ), -авъ (-афъ, -аѳъ, -явъ), -агъ (-акъ, -ахъ, -ягъ, -якъ, -яхъ — см. выше), -адъ (-атъ, -ядъ, -ятъ), -ажъ (-ашъ, -яжъ, -яшъ), -азъ (-асъ, -язъ, -ясъ), -акъ (ср. риѳмы на -агъ), -алъ (-ялъ), -амъ (-ямъ), -анъ (янъ), -апъ (ср. риѳмы на -абъ), -аръ (яръ), -асъ (ср. риѳмы на -азъ), -атъ (ср. риѳмы на -адъ), -афъ (-аѳъ — ср. риѳмы на -авъ), -ахъ (ср. риѳмы на -агъ), -ацъ (-яцъ), -ачъ (-ячъ), -ашъ (-яшъ — ср. риѳмы на -ажъ), -ащъ (-ящъ).

То-же съ ъ въ концѣ: -абь (-апь и -ябь, -япь), -авь (-явь), -адь (-ать и -ядь, -ять) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ, э*):

-ебъ (-ѣ́бъ, -епъ, -ѣпъ), -евъ (-ѣ́въ, -еѳъ), -егъ (-ѣ́гъ, -екъ, ѣкъ, -ехъ, -ѣхъ), -едъ (ѣдъ, -эдъ, -етъ, -ѣ́тъ, -этъ) и т. д.

То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *и́* (*ы*):

-ибъ (-ыбъ, -ипъ, -ыпъ), -ивъ (-ывъ, -ифъ, -иѳъ), -игъ (-ыгъ, -икъ,

-ыкъ, -ихъ, -ыхъ), -идъ (-ыдъ, -итъ, -ытъ), -ижъ (-ыжъ, -ишъ, -ышъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *о́* (*ё*):
-объ (-ёбъ, -опъ, -ёпъ), -овъ (ёвъ, -офъ, -оѳъ), -огъ (-окъ, -охъ, -ёгъ, -ёкъ, -ёхъ), -одъ (-отъ, -ёдъ, -ётъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Съ *у́* (*ю*):
-убъ (-упъ, -юбъ, -юпъ), -увъ (-уфъ, -ювъ, -юфъ), -угъ (-укъ, -ухъ, -югъ, -юкъ, -юхъ), -удъ (-утъ, -юдъ, -ютъ) и т. д.
То-же съ ъ въ концѣ.

Б.

На двѣ*).

Съ *а́* (*я*):
-абръ (-ябръ), авръ, -агръ, -акръ, -антъ и т. п.
То-же съ ъ въ концѣ или между согласнымъ, какъ *Альпъ*.

Съ *е́* (*ѣ*, *э*):
-евръ (-эвръ), -ездъ (-ѣздъ, -естъ, -ѣстъ), -ентъ, -ербъ (-ерпъ), -ескъ (-ѣскъ) и т. д.
То-же съ ъ.

Съ *и́* (*ы*):
-игръ, -имнъ, -индъ, -искъ (-ыскъ), -истъ (-ыстъ) и т. п.
То-же съ ъ.

Съ *о́* (*ё*):
-одръ (-ёдръ), -олкъ (ёлкъ), -олпъ (-ёлпъ), -ондъ (-онтъ), -ордъ (-ёрдъ), -орнъ (-ёрнъ), -ортъ (-ёртъ, — ср. -ордъ), -остъ (-ёстъ), -отръ (-ётръ) и т. п.
То-же съ ъ.

---

*) Окончанія даны лишь примѣрно, потому что сочетанія двухъ согласныхъ въ концѣ сравнительно рѣдки, трехъ — еще рѣже.

Съ *у́* (*ю*):
-ургъ, -урнъ, -устъ (-юстъ), утръ и т. п.
То-же съ *ъ*.

В.

На три.

Съ *а́* (*я*):
-айскъ, -альскъ, -андръ, -астръ и др.

Съ *е́* (*ѣ*, *э*):
-евскъ, -енскъ, -естръ и др.

Съ *и́* (*ы*):
-инскъ, -ирскъ, -истръ (-ыстръ) и др.

Съ *о́* (*ё*):
-овскъ, -орскъ, -орстъ и др.

Съ *у́* (*ю*):
-урскъ, -устръ и др.

II.

Риомы женскія (двусложныя, трохаическія).

1.

На гласныя.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Чуть-ли не только на -а́и, -е́и (-ѣ́и), -о́и, -у́и, и то рѣдкія, а прочія, кажущіяся чисто гласными, на самомъ дѣлѣ содержатъ въ себѣ j, какъ слова на-а́я, -а́ю, -а́ѣ и т. п., почему о нихъ удобнѣе говорить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ *á* (или *я́*)—*а* (или *-о*):
-а́ба (-я́ба, -а́бо, -я́бо), а́ва (-я́ва, -а́во, -я́во), -а́га (-я́га, -а́го, -я́го), -а́да (-я́да, -а́до, -я́до), -а́жа, -а́за и т. д., также съ *я:* -а́я (-а́ja), -а́дя (-я́дя), -а́ля (-я́ля) и т. п.

Съ *á (я́)* — *е* (*ѣ*):
-а́бѣ (-я́бѣ), -а́вѣ (-я́вѣ), -а́гѣ (-я́гѣ) и т. д.

Съ *á (я́)* — *и:*
-а́би (я́би), -а́ви (я́ви), -а́ги (я́ги) и т. д., риѳмующіяся иногда съ *á* — *е* (*ѣ*), что̀ слѣдуетъ замѣтить для всѣхъ женскихъ риѳмъ на *е* (*ѣ*) и *и*.

Съ *á (я)* — *о:*
-а́бо (-я́бо), -а́во (я́во) и т. д. ср. *á* — *а*.

Съ *á* — *у* (*ю*):
-а́бу (я́бу), -а́ву (-я́ву) и т. д., также съ *ю:* -а́ю (-а́ju), -*а́дю* (-я́дю), -а́лю (я́лю) и т. д.

Съ *á (я́)* — *ы:*
-а́бы (-я́бы), -а́вы (-я́вы) и т. д.

б) Съ *é* (*ѣ́*) — *а* (*о, я*):
-е́ба (-ѣ́ба, -е́бо), -е́ва (-ѣ́ва, -ево, -ѣ́во), -е́га (-ѣ́га), -е́да (-ѣ́да) и т. д., также съ *я:* -е́я (-ѣ́я=éja), -е́дя (-ѣ́дя), -е́ля (-ѣ́ля), -е́ня (-ѣ́ня) и т. п.

Съ *é* (*ѣ́*) — *е* (*ѣ*):
-е́бѣ (-ѣ́бѣ), -е́вѣ (-ѣ́вѣ) и т. д.

Съ *é* (*ѣ́*) — *и:*
-е́би (едва-ли найдется), -е́ви (также), -е́ги (-ѣ́ги) и т. д.

Съ *é* (*ѣ́*) — *о:*
-е́бо, -е́во и т. д. — ср. *é* — *а*.

Съ *é* (ѣ́) — *у* (*ю*):
-е́бу (-ѣ́бу), -е́ву, -е́гу и т. д., также съ *ю:* -е́дю, -е́лю, -е́ню и т. п.

в) Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *а* (*о*, *я*):
-и́ба (-ы́ба, -и́бо), -и́ва (-ы́ва, -и́во) и т. д., также съ *я:* -і́я (-ы́я), -и́дя, -и́ля (-ы́ля), -иня (-ы́ня) и т. п.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *е* (*ъ*):
-и́бѣ (-ы́бѣ), -и́вѣ (-ы́вѣ) и т. д.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *о:*
-и́бо, -и́во и т. д. — ср. *и́* — *а*.

Съ *и́* (*і́*, *ы́*) — *у* (*ю*):
-и́бу (-ы́бу), -и́ву (-ы́ву) и т. д., также съ *ю:* -і́ю, -и́лю (-ы́лю), -и́ню (-ы́ню) и т. п.

Съ *и́* (ы́) — *ы́:*
-и́бы (-ы́бы), и́-вы (-ы́вы) и т. д.

г) Съ *о́* (*ё́*) — *а* (*я*)
Съ *о́* (*ё́*) — *е* (*ъ*)
Съ *о́* (*ё́*) — *и* (*ы*)
Съ *о́* (*ё́*) — *у* (*ю*)
д) Съ *у́* (ю) — *а* (*я*)
Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ъ*)
Съ *у́* (*ю́*) — *и* (*ы*)
Съ *у́* (*ю*) — *о*
Съ *у́* (*ю́*) — *у* (*ю*)
} такимъ-же образомъ.

В.

Съ двумя согласными (или съ *й* + согл. и съ согл. + j).

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*):
-а́бка (-я́бка, -я́бко, -а́пка, -я́пка), -а́бра (-а́бро), -а́вна (-я́вна, -а́вно, -я́вно), -а́вра, -а́гра, -а́жка (-я́жка, -а́жко, -я́жко, -а́шка, -я́шка), -а́зка (-я́зка, -я́зко, -а́ска, -я́ска, -я́ско), -а́йка, -а́йна

и т. д., также съ *я* въ концѣ: -а́бья, -а́вья, -а́дья (-я́дья), -а́кля, -а́пля и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):
-а́бье (-я́бье), -а́бкѣ (-я́бкѣ, -а́пкѣ) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*
-а́бьи, -а́бки, -а́вки, -а́вни и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *о:*
-а́бко (-я́бко, -а́пко), -а́вно и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *у* (*ю*):
-а́бку, -а́вку, -а́вну и т. д., также -а́бью, -а́влю, -а́вню и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*
-а́вны, -а́вры, -а́гры и т. д.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*о, я*):
-е́бна (-е́бно), -е́вка (-е́́вка), -е́вна (-е́́вна, -е́́вно), -е́дна (-е́́дна, -е́́дно), -е́жда (-е́́жда), -е́жна (-е́́жна, -е́жно, -е́́жно), -е́зна (-е́зно, -е́здна), -е́йна (-е́́йна, -е́́йно) и т. д., также -е́вья (-е́́вья), -е́вня, -е́дня (-е́́дня), -е́жья, -е́лья, -е́мля и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ѣ*):
-е́внѣ, -е́жде (-е́ждѣ), -е́лье (-е́льѣ), -е́льнѣ (-е́́льнѣ) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и:*
-е́вни, -е́дни, -е́зни (-е́́зни), -е́льи и т. д. — Ф. *е́* — *а.*

Съ *е́* (*ѣ́*) — *о:*
-е́дно, -е́вно (-е́́вно) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*):
-е́вну (-е́́вну), -е́жду (-е́́жду), -е́зну (-е́здну) и т. д., также -е́вью (-е́́вью), -е́вню, -е́жью и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы:*
-е́вны (-е́́вны), -е́жды (-е́́жды), -е́жны (-е́́жны) и т. д.

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а* (*о, я*):
-и́вна (-и́вно), -и́дна (-и́дно), -и́зна, -и́лка (-ы́лка, -ы́лко) и т. д., также -и́пля (-ы́шля), -и́рья, -и́рня и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ѣ*):
-и́внѣ, -и́знѣ, -и́лье (-и́льѣ, ы́лье, -ы́льѣ) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и*:
-ы́бки (-и́нки, -ы́нки), -и́кни, -и́льи (-ы́льи), -и́лки (-ы́лки) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *о*:
-и́бко, -и́вно и т. д. — ср. *и́* — *а*.

Съ *и́* (*ы́*) — *у* (*ю*):
-и́бку (-ы́бку, -и́пку, -ы́шку), -и́вку, -и́гну (-ы́гну), -и́зну, -и́кну и т. д., также -ы́бью, -и́льню, -и́рню и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы*:
-и́вны, -и́дны, -и́змы, -изны и т. д.

г) Съ *о́* (*ё́*) — *а* (*о*, *я*):
-о́бна (-о́бно), -о́бра (-ёбра), -о́вна (-ёвна, -о́вно, -ёвно), -о́дра (-ёдра, -о́дро), -о́жна (-ёжна, -о́жно, -ёжно), -о́зна (-ёзна, -о́зно, -ёзно, -о́здно), -о́йна и т. д., также -о́бья, -о́бля, -о́вья, -о́вля, -о́вня, -о́дья, -о́дня, -о́жня, -о́зня, -о́йня и т. п.

Съ *о́* (*ё́*) — *е* (*ѣ*):
-о́бье (-о́бьѣ), -о́вье (-о́вьѣ), -о́влѣ, -о́внѣ и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *и*:
-о́бьи, -о́вьи, -о́вли, -о́вни и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *о*:
-о́бно, -о́вно, -о́дно, -о́дра и т. д. — ср. *о́* — *а*.

Съ *о́* (*ё́*) — *у* (*ю*):
-о́вну (-ёвну), -о́зну, -о́йну и т. д., также -о́бью, -о́вью, -о́влю, -о́вню, -о́жню и т. п.

Съ *о́* (*ё́*) — *ы*:
-о́бны, -о́вны (-ёвны), -о́вцы, -о́дры, -о́жны и т. д.

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а* (*я*):
-у́бка (-ю́бка, -у́пка), -у́дка (-ю́дка, -у́тка, -ю́тка), -у́дна (-ю́дна), -у́жка (-ю́жка, -у́шка, -ю́шка), -у́жна (-ю́жна) и т. д., также -у́бья (-ю́бья), -у́жья (-ю́жья), -у́тня (-ю́тня) и т. п.

Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ѣ*):
-у́бье (-у́бьѣ, -ю́бье, -ю́бьѣ), -у́бкѣ (-ю́бкѣ, -у́пкѣ, -ю́пкѣ), -у́дье (-у́дьѣ, -ю́дье, -ю́дье), -у́дкѣ (-у́ткѣ, -ю́ткѣ) и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *и*:
-у́бьи, -у́дьи, -у́дки и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *о*:
-у́дно (-ю́дно), -у́жно, -у́зно и т. д. — ср. *у́* — *а*.

Съ *у́* (*ю́*) — *ы*:
-у́дны (-ю́дны), -у́жны и т. д.

Г.

Съ тремя согласными (й, j).

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*):
-а́йска, -а́льска, -а́мбра, -а́мска, -а́ндра, -а́нска (-я́нска), -а́рска, -а́стна (-а́стно*), -а́стра и т. д., также -а́стья (-я́стья) и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):
-а́йскѣ, -а́льскѣ, -а́мбрѣ и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и*:
-а́бски (-а́пски), -а́дски (-я́дски, -а́тски, -а́цки), -а́йски, -а́льски, -а́мски, -а́нски (-а́ндски), -а́ркни, -а́рски (-я́рски) и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *о*:
-а́стно, -а́цтво и др.

Съ *а́* (*я́*) — *у* (*ю*):
-а́йску, -а́льску, -а́мбру, -а́мску, -андру, -а́нску, -а́ркну, -а́рску и т. д., также -а́стью (-я́стью) и т. п.

---

*) Впрочемъ здѣсь три согласныхъ только для глаза, потому что въ *-стн-*, какъ и въ *-здн-*, средняя согласная не выговаривается. Такимъ образомъ -а́стна, -е́стна, -е́здна (-е́ѣздна) часто риомуются съ -а́сна, -е́сна (-е́ѣсна), -е́зна и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *ы*:
-а́мбры, -а́ндры и т. д.

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*о*, *я*):
-е́вска (-ѣ́вска), -е́здка, (-е́стка, -ѣ́стка), -е́здна (-ѣ́здна), -е́йска, -е́ктра, -е́ндра, -е́нска, -е́рска, -е́стна (-ѣ́стна), -е́стра и т. д., также -е́стья (-ѣ́стья) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ъ*):
-е́вскѣ (-ѣ́вскѣ), -е́здкѣ (-ѣ́сткѣ), -е́йскѣ и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и*:
-е́дски (-ѣ́дски, -е́тски, -ѣ́тски, -е́цки), -е́йски, -е́рзки (-е́рски, -ѣ́рски) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *о*:
-е́здно (-ѣ́здно), -е́рзко, -е́стно (-ѣ́стно) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*):
-е́вску (-ѣ́вску), -е́здку (-ѣ́стку), -ейску, -е́ктру и т. д., также -е́стью (-ѣ́стью) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы*:
-е́ктры, -е́ндры, -е́рсты (-е́рзты), -е́стры и т. д.

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а* (*я*, *о*):
-и́льска (-ы́льска), -и́мбра, -и́мска (-ы́мска), -и́ндра, -и́нска, -и́рска, -и́стка, -и́стна (-ы́стна), -и́стра (-ы́стра, -ы́стро) и т. д., также -и́стья (-ы́стья) и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ъ*):
-и́льскѣ (-ы́льскѣ), -и́мбрѣ и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и*:
-и́дски (-и́тски, -и́цки), -и́льски, -и́нски, -и́ркни (-ы́ркни), -ирски и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *о*:
-и́стно и др. — ср. *и́* — *а*.

Съ *и́* (*ы́*) — *у*:
-и́льску (-ы́льску), -и́мбру, -и́мску (-ы́мску), -и́ндру, -и́нску, -и́ркну (-ы́ркну) и т. д., также -и́стью (-ы́стью) и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы:*
-и́мбры и т. д.

г) Съ *о́* (*ё́*) — *а (я)*:
-о́вска (-ёвска) -о́дска (-о́тска, -о́цка), -о́здка (-о́стка, -ёстка), -о́льска (-о́льзко), -о́нска и т. д., также -о́стья, -о́ршня и т. п.

Съ *о́* (*ё́*) — *е* (*ѣ*):
-о́вскѣ (-ёвскѣ) и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *и:*
-о́вски (-ёвски), -о́дски (-о́тски, -о́цки), -о́лкии (-ёлкии), -о́рдки (-о́ртки, -ёртки), и т. д.

Съ *о́* (*ё́*) — *о:*
-о́здко (-о́стко, -ёстко), -о́льзко, -о́стно, -о́стро (-ёстро) и т. д. — ср. *о́* — *а*.

Съ *о́* (*ё́*) — *у* (*ю*):
-о́вску (-ёвску), -о́дску (-о́тску, -о́цку), -о́здку (-о́стку, -ёстку), -о́лкну (-ёлкну) и т. д., также -о́стью и т. п.

Съ *о́* (*ё́*) — *ы:*
-о́стны, -о́стры (-ёстры) и т. д.

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а* (*о*, *я*):
-у́здка, -у́стка, -у́рска, -у́стна и т. д., также -у́стья и т. п.

Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ѣ*):
-у́рскѣ, -у́сткѣ, -у́стьѣ и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *и:*
-у́жски (-у́шски), -у́зски (-у́сски), -у́рски и т. д.

Съ у́ (ю́) — *о:*
-у́стно и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *у* (*ю*):
-у́здку (-у́стку), -у́рску, и т. д., также -у́стью и т. п.

Съ *у́* (*ю́*) — *ы:*
-у́стны, -у́стры (-ю́стры) и т. д.

Д.

Съ четырьмя согласными.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а:*
-а́бства (-а́пства), -а́вства (-а́фства), -а́дства (-я́дства, -а́тства, -я́тства), -а́йства (-я́йства), -а́льства и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ъ*);
-а́бствѣ (-а́пствѣ) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*
-а́ндски (-я́ндски, -а́нтски), -а́рдски (-а́ртски) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *о:*
-а́бство (-а́нство) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *у:*
-а́бству (-а́пству) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*
?

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а:*
-е́бства, -е́дства (-е́ѣдства, -е́ѣтства), -е́йства (-е́ѣйства) и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *е* (*ъ*):
-е́бствѣ и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *и:*
? но ср. -е́дствій (-е́ѣдствій), -е́йствій (-е́ѣйствій) и т. п.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *у:*
-е́бству и т. д.

Съ *е́* (*ѣ́*) — *ы:*
?

в) Съ *и́* (*ы́*) — *а:*
-и́дства (-ы́дства, -ы́тства), -и́льства, -и́мства, -и́нства и т. п.

Съ *и́* (*ы́*) — *е* (*ъ*):
-и́дствѣ (-ы́дствѣ, -ы́тствѣ) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *и:*

?

Съ *и́* (*ы́*) — *о:*

-и́дство (-ы́дство, -ы́тство) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *у:*

-и́дству (-ы́дству, -ы́тству) и т. д.

Съ *и́* (*ы́*) — *ы:*

?

г) Съ *о́* (*ѣ́*) — *а:*

-о́бства (-о́пства), -о́вства (-ёвства), -о́дства (-о́тства, -ётства), -о́йства, -о́льства, -о́мства, -о́нства (-ёнства), -о́рства (-ёрства).

Съ *о́* (*ѣ́*) — *е* (*ъ*):

-о́бствѢ (-о́пствѢ) и т. д.

Съ *о́* (*ѣ́*) — *и:*

? но ср. -о́льствій и т. п.

Съ *о́* (*ѣ́*) — *о:*

-о́бство (-о́пство) и т. д.

Съ *о́* (*ѣ́*) — *у:*

-о́бству (-о́пству) и т. д.

Съ *о́* (*ѣ́*) — *ы:*

?

д) Съ *у́* (*ю́*) — *а:*

-у́дства (-ю́дства, -у́тства), -у́мства, -у́рства *).

Съ *у́* (*ю́*) — *е* (*ъ*):

-у́дствѢ и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *и:*

? но ср. -у́тствій и т. п.

---

*) Но *иску́сство* у Пушкина и др. риемуется съ *чу́вство*, т. е. въ первомъ опускается при чтеніи одно *с*, а во второмъ — первое *в*.

Съ *у́* (*ю́*) — *о:*
-у́дство и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *у:*
-у́дству и т. д.

Съ *у́* (*ю́*) — *ы:*
?

2.

На согласныя.

А.

Безъ посредствующей гласной.

Почти только на -а́инъ (-я́инъ), -е́инъ, -о́ивъ, -о́илъ, -о́имъ, -о́инъ, -о́итъ, -о́ить, риомующіяся иногда съ -а́енъ, -е́енъ, (-ѣ́енъ), -о́евъ и т. п., хотя въ послѣднихъ есть уже j, почему такія окончанія, какъ и -а́ятъ, -а́ютъ и т. п., умѣстнѣе расположить въ слѣдующемъ отдѣлѣ.

Б.

Съ одной согласной въ серединѣ.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*, *е*);
-а́бамъ (-я́бамъ), -а́бахъ (я́бахъ), -а́валъ (-а́волъ, -я́волъ), -а́вамъ (-я́вамъ, -а́вомъ, -я́вомъ), -а́дамъ (-я́дамъ, -а́домъ, -я́домъ), -а́анъ, -а́вахъ (-я́вахъ), -а́данъ (-а́донъ), -а́дахъ (-я́дахъ), -а́замъ (-а́зомъ), -а́занъ (-я́занъ), -а́кавъ (-я́кавъ, -а́ковъ, -я́ковъ), -а́калъ (-я́калъ, -а́колъ), -а́камъ (-я́камъ, -я́комъ, -а́комъ), -а́канъ (-я́канъ, -а́конъ, -я́конъ), -а́ламъ (я́ламъ, -а́ломъ, -я́ломъ), -а́лахъ (-я́лахъ) и т. д., также -а́ямъ (-я́ямъ, -а́емъ, я́емъ), -а́яхъ (-я́яхъ), -а́зямъ (-я́земъ) и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):
-а́бенъ, -а́велъ (-а́вѣлъ, -я́вѣлъ), -а́венъ (-я́венъ), -а́демъ (-я́демъ),

-а́денъ (-я́денъ), -а́детъ (-я́детъ), -а́дешь (-я́дешь), -а́жемъ (-я́жемъ), -а́женъ (-я́женъ), -а́жетъ (-я́жетъ), -а́жешь (-я́жешь), -а́зенъ (-я́зенъ), -а́емъ и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*
-а́бивъ (-я́бивъ), -а́билъ (-я́билъ), -а́бимъ (-я́бимъ), -а́димъ (-я́димъ), -а́битъ (-я́битъ), -а́бишь (-я́бишь) и т. д., часто въ смѣшеніи съ *а́* — *е*, какъ у Пушкина *Па́велъ — пра́вилъ.*

Съ *а́* (*я́*) — *о*:
-а́бовъ (-я́бовъ) и т. д. — ср. *а́* — *а.*

Съ *а́* — *у* (*ю*):
-а́дутъ (-я́дутъ), -а́пувъ (-я́пувъ), -а́нулъ (-я́нулъ), -а́нутъ (-я́нутъ), -а́русъ (-я́русъ), -а́чутъ (-я́чутъ), -а́шутъ (-я́шутъ) и др., также -а́ютъ (-я́ютъ).

Съ *а́* (*я́*) — *ы*:
-а́бымъ, -а́быхъ, -а́вымъ (-я́вымъ) и т. д.

Такимъ-же образомъ (ср. риомы женскія на гласную):
б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*о*, *я*), *е́* (*ѣ́*) — *и*, *е́* (*ѣ́*) — *о*, *е́* (*ѣ́*) — *у* (*ю*), *е́* (*ѣ́*) — *ы*, г) съ *и́* (*ы́*) — *а* (*я*, *о*) и т. д.

То-же съ *ъ* въ концѣ (помимо *ж* и *ш*):

а) Съ *а* (*я́*) — *а* (*я*, *о*):
-а́дать (-а́доть), -а́кать (-я́кать, -я́коть), -а́пать (-а́поть), -а́харь и др.

Съ *а́* (*я́*) — *е́* (*ѣ́*):
-а́вѣть (-я́вѣть), -а́мень, -а́шень и др.

Съ *а́* (*я́*) — *и:*
-а́бить (-я́бить), -а́вить (-я́вить), -а́дить и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *о*:
-а́водь (-а́вать) — ср. *а́* — *а.*

Съ *а́* (*я́*) — *у:*
-а́нуть (-я́нуть) и др.

Съ *а́* (*я́*) — *ы:*
? но ср. у Грибоѣдова *за́-ночь — Степа́нычь.*

б) Съ *е́* (*ѣ́*) — *а* (*я*, *о*):
-ѣ́дать, -ѣ́ять и т. д.

Такъ-же съ прочими гласными. Тѣ-же сочетанія гласныхъ и согласныхъ при двухъ и трехъ согласныхъ въ концѣ, напр. -ёмистъ, -а́дость и т. п.

В.

Съ двумя согласными въ серединѣ.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*):
-а́бкамъ (-я́бкамъ, -а́пкамъ, -я́пкамъ, -а́бкомъ, -я́бкомъ, -а́пкомъ), -а́бкахъ (-я́бкахъ, -а́пкахъ, -я́пкахъ), -а́вкалъ (-я́вкалъ), -а́вкамъ (-я́вкамъ, -а́вкамъ), -а́вкахъ (-я́вкахъ) и т. д.

То-же съ *ъ:*
-а́вкать (-я́вкать) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ѣ*):
-а́бленъ, -а́бнемъ (-я́бнемъ), -а́бнетъ (-я́бнетъ), -а́бнешь (-я́бнешь), -а́вленъ (-я́вленъ) и т. д. съ разными гласными и согласными, съ *ъ* и съ *ь* въ концѣ.

III.

Риѳмы дактилическія (трехсложныя).

1.

На гласныя.

а) Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*):
-а́вала (-а́вало, -я́вола), -а́дала (-а́дала, -а́дало), -а́зана (-я́зана, -а́зано, -я́зано), -а́яла (-а́яло, -а́ила), а́яна (-а́ена, -а́ина) и т. д., также -а́ная (-я́ная, -а́ное, -я́ное) и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *е* (*ъ*):
-а́палѣ (-а́полѣ), -а́карѣ и др.

Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *и:*
-а́бами, -а́вали (-а́воли, -я́воли), -а́вами, -а́гами (-я́гами), -а́дали (-я́дали, -а́доли), -а́яли и т. п.

Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, *о*) — *о:*
-а́вало и т. д. — ср. *а́* — *а* — *а.*

Съ *а́* (*я́*) — *а* (*я*, о) — *у* (*ю*):
-а́палу и т. д., также -а́даю (-я́даю, -а́дою) и т. д.

б) Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ъ*, *и*, *і*) — *а* (*о*, *я*, *е*):
-а́вѣла (-я́вѣла, -а́вѣло, -явѣло, -а́вила, -а́вило), -а́жена (-я́жена, -а́жено, -я́жено), -а́рева (-а́рево, -а́ряго) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *е* (*ъ*, *и*, *і*) — *е* (*ъ*):
-а́ревѣ и т. д.

То-же съ другими сочетаніями гласныхъ и согласныхъ, потомъ съ двумя согласными, напр. -а́скана, -а́сково (-а́сскаго, -я́зкаго, -я́скаго) или -а́чество, -о́жество, и т. д. съ тѣми-же подраздѣленіями, какъ въ риомахъ женскихъ.

2.

На согласныя.

а) Съ *а́* (*я*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*):
-а́паламъ (-а́поломъ), -а́евалъ (-а́ивалъ) и т. д.

Съ *а́* (*я́*) — *а* (*о*, *я*, *е*, *ъ*, *и*) — *у* (*ю*):
-а́даютъ (-я́даютъ) и т. д.
Такъ-же съ другими гласными и согласными.

Риомы на *й* можно какъ подвести подъ соотвѣтствующіе отдѣлы, такъ и выдѣлить въ особый списокъ, по крайней мѣрѣ, въ женскихъ и дактилическихъ риомахъ, потому что послѣ неударяемой гласной этотъ звукъ 1) иногда не принимается въ расчетъ, напр. плѣнной — смирѣнно, 2) приводитъ къ созвучію

такія гласныя, которыя въ другихъ случаяхъ не риѳмуются, напр. обы́чай—добы́чей—отли́чій, лука́вый—отра́вой, пы́лкій—ссы́лкой.

Какъ уже сказано выше, на предложенный здѣсь планъ отнюдь нельзя смотрѣть какъ на схему, предназначенную для собранія и расположенія только Пушкинскихъ риѳмъ. Потому сюда включены риѳмы дактилическія, которыя у Пушкина встрѣчаются чуть не лишь въ такой риѳмованной прозѣ, какою написана сказка о Балдѣ, а изъ прочихъ многія такія, которыя завѣдомо не находятся въ его стихотвореніяхъ, да и не могли быть имъ употреблены въ большей части его произведеній вслѣдствіе своего чрезмѣрно шутливаго, чтобы не сказать «шутовского», характера. Сюда относятся нѣкоторыя грамматическія образованія, напр. многіе глаголы на *-кать*, и риѳмы изъ двухъ словъ — ударяемаго и неударяемаго или безгласнаго, иначе невозможныя и часто богатыя, напр. *Ялты — вая́лъ ты, да́мы — всегда́ мы, боязли́вы — везли́ вы, ло́же — чело́ же, па́токи — глупа́-таки, про́повѣдь — Евро́па вѣдь, то́щи — во́ щи, ба́бокъ—на́ бокъ, ме́бель—не́бъ-ль, ча́йка—встрѣча́й-ка, Ва́нька—вста́нь-ка* и т. п., доходящія иногда до полнаго звукового тождества, до каламбура, какъ *жа́лобы — жа́ло-бы, ста́яли — ста́я-ли, уста́ли—уста́-ли, за́дали—за́да-ли (изъ а́да-ли), за́домъ —за́ домъ, горба́то—горба́-то, не сла́бы—несла́-бы, на́стежъ—На́сть-жъ, и гра́дъ — игра́-дъ* и др. Пушкинъ не совсѣмъ чуждался риѳмъ изъ двухъ словъ, но употреблялъ ихъ очень рѣдко и то лишь такъ, что второе не превышало одного слога (*внима́лъ я — возбужда́лъ я, страда́лъ я — иска́лъ я, страда́лъ онъ — побряца́лъ онъ, хозя́йка — примѣча́й-ка, отвѣча́й-ка — хозя́йка, по́ лбу — по́лбу*), но юмористы любятъ риѳмы этого рода, а Некрасовъ даже въ такомъ по содержанію серьёзномъ стихотвореніи, какъ «Филантропъ», не остановился передъ риѳмами *Жито́міру — по́-міру* и *за́-ново — пья́наго*.

И такъ, данныя выше схемы риѳмующихся звуковыхъ сочетаній имѣютъ для обслѣдованія Пушкинскихъ риѳмъ значеніе

лишь формальное, какъ образчики возможныхъ въ русскомъ языкѣ созвучій, изъ которыхъ многія чужды Пушкину; но отсутствіе у него риомы того или другого состава не мѣшаетъ, конечно, приведенію его наличныхъ риомъ въ азбучный порядокъ. Однако это расположеніе не должно быть примѣняемо такъ, чтобы получилось нѣчто въ родѣ словаря риомъ изъ Пушкина, т. е. не слѣдуетъ смѣшивать любую пару риомующихся словъ съ общей массой подобныхъ имъ созвучій безъ вниманія къ тому обстоятельству, съ какимъ именно словомъ риомуется данное слово у Пушкина. Избѣжать такого обезличенія Пушкинскихъ риомъ, нежелательнаго между прочимъ и по причинѣ, уже упомянутой — отсутствію точныхъ свѣдѣній о выговорѣ Пушкина —, возможно двоякимъ путемъ: 1) на основаніи напр. риомы *уголо́къ — могъ* не смѣшивать всѣ безъ исключенія риомы на *-къ* съ риомами на *-гъ* въ одинъ отдѣлъ, а помѣщать между риомами на *-къ* лишь тѣ слова на *-гъ*, которыя въ самомъ дѣлѣ риомуются у Пушкина со словами на *-къ* (и наоборотъ), или, что̀, можетъ быть, окажется болѣе удобнымъ, образовать изъ словъ на *-къ*, риомующихся со словами на *-гъ*, особый отдѣлъ, помимо отдѣловъ риомъ на *-къ* и риомъ на *-гъ*, 2) при каждой риомѣ указывать мѣсто, гдѣ она встрѣчается. Способы соединенія всѣхъ этихъ основъ упорядоченія матеріала не могутъ быть указаны точно и подробно въ общемъ планѣ работы, но, какъ-бы будущій изслѣдователь ни осуществилъ всѣ частности предложеннаго здѣсь очерка, во всякомъ случаѣ позволительно выразить желаніе, чтобы при ссылкахъ онъ не довольствовался голыми цифрами, означающими томы, страницы и строки выбраннаго имъ изданія, а называлъ стихотворенія по заглавіямъ или первымъ словамъ, хоть въ сокращеніи. Не мѣшало-бы также собрать и все то, что̀ самъ Пушкинъ говоритъ о риомѣ.

Ѳ. Коршъ.

УКАЗАТЕЛЬ.

Агафоновъ, Николай Яковлевичъ 31, 61.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ 41, 51.
„Анджело“, Пушкина 8.
Апехтина, Анна Петровна, рожд. Каменева 48.
Апехтины, родственники А. А. Фуксъ 47.
Апраксинъ, графъ 63.
Архангельскій, Александръ Семеновичъ 26, 29—31, 35, 37, 42, 44, 48—50, 63.
Арцимовичъ, Адамъ Антоновичъ 104.

Бантышъ-Каменскій, Дмитрій Николаевичъ 80.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ 19, 31.
Барыкова, Варвара Павловна, рожд. **Ушакова** 95.
Бенкендорфъ, графъ А. Х. 25, 26, 58.
Бестужевъ, Александръ Александровичъ 68, 69, 72.
Бобровскій, Павелъ Осиповичъ 93.
Бобровъ, Евгеній Александровичъ 67.
Бобровъ, Семенъ Сергѣевичъ 70.
Богданова, Е. А. (псевд.-И. О. П.) 2, 3, 5, 6, 8, 9, 11, 12, 15, 16, 17, 20, 21, 22.
Боратынскій, Евгеній Абрамовичъ 32, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 43, 44, 45, 46, 53, 54, 57.
Боратынскій, Левъ Евгеньевичъ 36
„Борисъ Годуновъ“, Пушкина 86—88, 105—106.
Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ 23, 24, 26 58.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ 33.
Бутурлина, жена слѣдующаго 33.
Бутурлинъ, губернаторъ Казанскій 33, 39.
Бутурлины, графы 104.

Величко, Василій Львовичъ 97.
Величко, Николай Ивановичъ 97.
Велланскій, Даніилъ Михайловичъ 49.
Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ 22.
Владиславлевъ, Владиміръ Андреевичъ 25.
Войцѣховскій, А. І. 36.
Воронцовъ, князь М. С. 99, 101, 102.
Всеволожскій, Александръ Всеволодовичъ 95.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ 50, 95.
Второвъ, Иванъ Алексѣевичъ 35, 36.
Второвъ, Николай Ивановичъ 35, 66.
Вяземскій, князь Петръ Андреевичъ 69, 70.

Гакстгаузенъ, баронъ Августъ 41,
„Галубъ“, Пушкина 2.
Гейнсъ, А. К., Одесскій градонач. 99, 102.

Гоголь, Н. В. 24—25.
Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ 59.
Гончаровы, 27.
Городчаниновъ, Григорій Николаевичъ 51.
Гумбольдтъ, баронъ Александръ 41, 43, 48.

Даль, Владиміръ Ивановичъ 57.
Даргомыжскій, Александръ Сергѣевичъ 20.
Даркшевичъ, А. О., проф. 48, 49.
Деларю, Михаилъ Даниловичъ 64.
Де-Пуле, Михаилъ Ѳедоровичъ 35.
Державинъ, Г. Р. 114.
Дерптау, полиціймм. 59.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ 89, 90.
Долгорукой, князь А. А. 64.

„Евгеній Онѣгинъ“, Пушкина 9, 138.
Ефремовъ, Петръ Александровичъ 95.

Жилле, Р. 104.
Жобаръ, Альфонсъ 41.
Жуковскій, В. А. 30.

Загоскинъ, Н. П. 29, 31, 35.
Загряжская, Елизавета Александровна—см. **Пушкина.**
Загряжскій, 53.
Загряжскій, Александръ Михаиловичъ 102.
„Здорово, Юрьевъ—именинникъ“, стих. Пушкина 92, 93, 95.
„Зеленая Лампа“, общество 92, 95.
Зуевъ, Дмитрій Павловичъ 1—22.
Зуевъ, Петръ Павловичъ 18, 19, 22.

„Исторія Пугачевскаго бунта“ 24, 25, 43, 57, 58, 62.

Казань (пребываніе въ ней Пушкина) 23—67.
Каменевъ, Гавріилъ Петровичъ 30, 45, 48, 65.
„Каменный Гость“, Пушкина 8—9.
„Капитанская дочка“, 25, 58.
Кизеръ, проф. 49.
Кирхгофъ, гадальщица 50.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ 37, 38, 57.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ 41.
Клуге, проф. 49.
Ковалевскій, М. Е. 61.
Константинъ Константиновичъ, Великій Князь, Президентъ Академіи 107.
Корниловичъ, Александръ Осиповичъ 72, 75.
Корфъ, графъ Модестъ Андреевичъ 41.
Коршъ, Ѳедоръ Евгеньевичъ 22, 107, 134.
Крупениковъ, Алексѣй Леонтьевичъ, 45.
Крупениковъ, Леонтій Филипповичъ 45, 52, 66.
Кубаревъ, Алексѣй Михайловичъ 112.

Лажечниковъ, Иванъ Ивановичъ 51.
Лернеръ, Николай Осиповичъ 25.
Липранди, Иванъ Петровичъ 86.
Лопухинъ, князь 94.
Лоровичъ, В. В. 100, 101, 102, 104.
Люцероде, баронъ 62.
Лябатъ, оріенталистъ 41.

Магницкій, Михаилъ Леонтьевичъ 41.
Майковъ, Василій Ивановичъ 27.
Макаровъ, Михаилъ Николаевичъ 104.
Мандрыка, Елена Николаевна 28, 64.
Мандрыка, Николай Яковлевичъ 28.
Мансуровъ, Николай Павловичъ 95.
Мансуровъ, Павелъ Борисовичъ 95.
Маркевичъ, Алексѣй Ивановичъ 96, 106.
Миллеръ, архиваріусъ 101, 102.

Мироновъ, Александръ Александровичъ 93.
Модзалевскій, Борисъ Львовичъ 44, 95, 107.
„Молитва“ („Отцы—пустынники и жены непорочны“), стих. Пушкина 2.
Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ 25, 26.
Морозовъ, Петръ Осиповичъ 23, 24, 25, 26, 28, 30, 92.
Москотильниковъ, Савва Андреевичъ 45.

Нащокинъ, Павелъ Воиновичъ 23.
Немировъ, Гр. 5.

Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ 46.

Перцовъ, Петръ Петровичъ 35.
Перцовъ, Эрастъ Петровичъ 31, 34, 35, 39, 44, 47, 50, 62, 64, 66.
Перцовъ, сынъ Петра Петровича 35.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ 24, 25.
Подвысоцкій, Н. В. 96—97.
Полиновскій, Михаилъ Васильевичъ 63.
„Полтава“, Пушкина 71 и слл.
Приклонскій, чиновникъ 64.
Пугачевъ, 24, 39, 41, 43, 44, 45, 46, 52, 56, 57, 58, 62, 63, 65.
Пушкина, Елизавета Александровна, рожд. **Загряжская** 102.
Пушкина, Наталья Николаевна 23, 28, 32, 33, 43, 47, 52, 53, 54, 57.
Пушкинъ, Александръ Александровичъ 23.
Пушкинъ, Василій Львовичъ 90.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ 68, 69, 102.
Пушкинъ, Сергѣй Львовичъ 89, 90, 91.
„Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“, Пушкина 70.
Пыпинъ, Александръ Николаевичъ 96.

Рачинскій, С. А. 37.
Рейнботъ, Павелъ Евгеньевичъ 107.
Рождественскій, С. В. 2.
Рудаковъ, Василій Егоровичъ 91.
„Русалка“ Пушкина и ея окончаніе по записи Д. П. Зуева 1—22.
Рѣпинскій, Г. К. 61.
Рыбушкинъ, Михаилъ Сампсоновичъ 62—63.
Рылѣевъ, Кондратій Ѳедоровичъ 68—88.

Саитовъ, Владиміръ Ивановичъ 108.
Салтыковъ, графъ Сергѣй Николаевичъ 89, 90.
Селезневъ, Иванъ Яковлевичъ 89.
Семеновъ, Николай Петровичъ 105.
Сикаръ, домовлад. въ Одессѣ 103.
Сиповскій, Василій Васильевичъ 88.
Скальковскій, Аполлонъ Александровичъ 98—103.
Соболевскій, Алексѣй Ивановичъ 107, 110.
„Современникъ“ Пушкина 56, 58, 63, 64.
Сперанскій, графъ Михаилъ Михайловичъ 41.
Стрекаловъ, Степанъ Степановичъ 39, 59.
Строгановъ, графъ 98.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 16, 17, 18, 19, 20.
Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. 24.
Суворовъ, П. П. 56.
Сумцовъ, Н. Ѳ. 2.
Сухоруковъ, И. А. 66.

Тепляковъ, Викторъ Григорьевичъ 100, 101, 102.
Тотлебенъ, графъ Эдуардъ Ивановичъ 98.

Тредіаковскій, Василій Кириллович 112.
Тройницкій, Николай Григорьевичъ 103.

„Утренняя заря“, альманахъ 1843 г. 25.
Ушакова, Варвара Павловна—см. **Барыкова.**
Ушакова, Марья Павловна—см. **Юрьева.**
Ушаковъ, Алексѣй Павловичъ 95.
Ушаковъ, Валеріанъ Павловичъ 95.
Ушаковъ, Павелъ Петровичъ 95.

Фрикке, художн. 25.
Фуксъ, Александра Андреевна 27—67.
Фуксъ, Карлъ Ѳедоровичъ 28, 32, 35, 40—43, 45, 47, 50, 51, 54, 57, 62, 65.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ 38.

Цеплинъ, Петръ-Даніель-Фридрихъ 42.

Чернышевъ, князь Александръ Ивановичъ 24.
Чернышевъ, графъ Захаръ Григорьевичъ 27.
Чернышевъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ 16.

Шенрокъ, Владиміръ Ивановичъ 25.
Шляпкинъ, Илья Александровичъ 89.
Штукенбергъ (псевд. „Крутогоровъ“) 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 22.
Шуваловъ, графъ П. П. 99.
Шульгинъ, Александръ Сергѣевичъ 59.

Энгельгардтъ, Левъ Николаевичъ 36, 38.

Юрьева, Марія Павловна, рожд. Ушакова 94—95.
Юрьевъ, Ѳедоръ Филипповичъ 92—95.

Языковъ, Александръ Михайловичъ 53, 57.
Языковъ, Николай Михайловичъ 46, 53, 57.
Якушкинъ, Вячеславъ Евгеньевичъ 93, 107, 108.
Ярополецъ, имѣніе Гончаровыхъ 27.

ПОПРАВКА.

Во II выпускѣ «Пушкина и его современниковъ», на стр. 81, въ строкѣ 12-й сверху, вмѣсто «Вошелъ *одинъ* собой довольный» слѣдуетъ читать: «Вошелъ *однимъ* собой довольный».

Е. Бобров

Пушкин в Казани